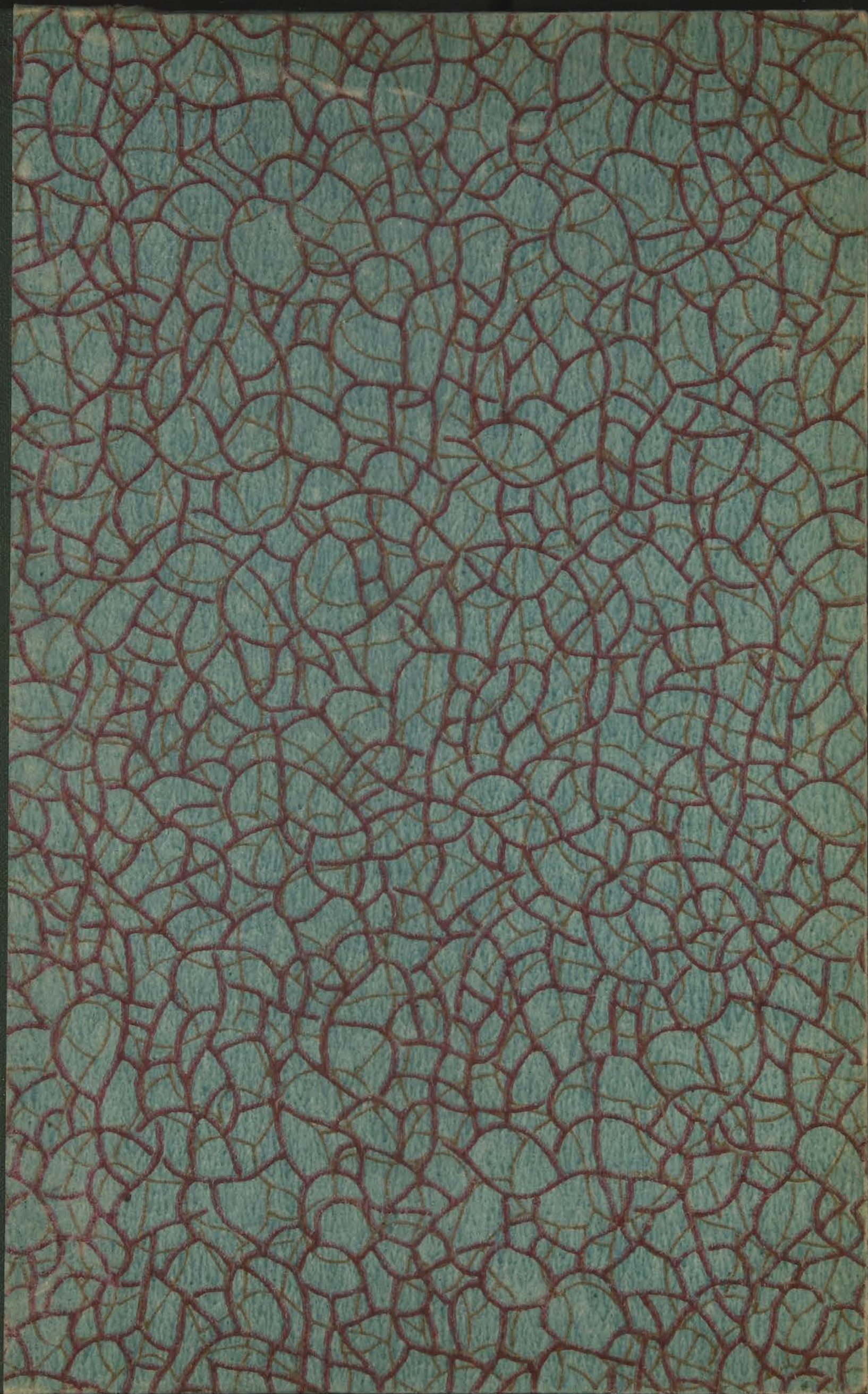

30.220
70393

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

ИЗЪ АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

Выпускъ первый.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 линія, д. № 45).

—
1891.

Печатано по распоряженію Министра Государственныхъ Имуществъ.

82471

Общій Архивъ Министерства Государственныхъ Имуществъ представляетъ собраніе болѣе 200 тысячъ дѣлъ какъ бывшихъ Департамента Государственныхъ Имуществъ Министерства Финансовъ и V Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, такъ и разныхъ Департаментовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ этихъ дѣлахъ, которыя въ настоящее время приводятся въ систематическій порядокъ и вносятся въ общій алфавитный указатель, заключается не мало документовъ и свѣдѣній, представляющихъ историческій интересъ. Въ виду этого явилось предположеніе, не ожидая окончанія работъ по описанію Архива, приступить къ изданію особаго сборника, въ составъ котораго входили бы извлеченные изъ дѣлъ Архива историческіе матеріалы и обработанные по этимъ матеріаламъ отдѣльныя статьи. При этомъ имѣется въ виду, не задаваясь какою либо заранѣе опредѣленною программой, руководствоваться въ выборѣ матеріаловъ единственно ихъ историческимъ значеніемъ. Такимъ образомъ, статьи, составляющія сборникъ, должны быть разсматриваемы совершенно независимо одна отъ другой, какъ имѣющія лишь одну общую цѣль — изложить рядъ историческихъ фактовъ, остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными или извѣстными только отчасти, и тѣмъ содѣйствовать изслѣдованію и разъясненію отдѣльных историческихъ вопросовъ.

Общее наблюденіе за составленіемъ и изданіемъ сборника поручено Министромъ Государственныхъ Имуществъ Товарищу Министра статсъ-секретарю В. И. Вешнякову, сотрудниками котораго по обработкѣ историческихъ матеріаловъ въ 1-мъ выпускѣ были причисленные къ Министерству П. О. Морозовъ и П. А. Шафрановъ.

Въ первомъ выпускѣ настоящаго изданія помѣщаются:

Журналы засѣданій Высочайше учрежденнаго въ 1833 году Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, которымъ предпослана, въ видѣ объяснительнаго введенія, статья В. И. Вешнякова о дѣятельности этого Комитета, напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ въ іюлѣ 1869 г. и являющаяся теперь въ сокращенномъ и исправленномъ видѣ.

Статьи П. О. Морозова о черногорскихъ переселенцахъ въ Россіи (1803—1838) и о пребываніи въ Россіи сербскаго вождя Кара-Георгія и его свиты (1814—1830), съ приложеніемъ 16-ти грамотъ русскихъ Государей къ черногорскому народу съ 1711 по 1801 годъ.

Всеподданнѣйшая записка, представленная Императору Александру II въ 1857 году товарищемъ Министра Государственныхъ Имуществъ Д. П. Хрущовымъ, съ изложеніемъ его взглядовъ на дѣятельность Министерства и съ собственноручными замѣчаніями Государя Императора.

Переписка поэта В. А. Жуковского о продажѣ ему двухъ конфискованныхъ мызь въ Лифляндской губерніи (1836—38) и замѣчанія казеннаго крестьянина Адріана Бугрова о домо-строительствѣ казенныхъ поселянъ (1837), съ объяснительными статьями П. А. Шафранова.

Статья П. О. Морозова о путешествіи по Россіи барона Августа Гакстгаузена и объ изданіи его сочиненія о Россіи (1842—1854).

Статья П. А. Шафранова о водвореніи въ Россіи Запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 году.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Высочайше учрежденный Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, <i>В. И. Вешнякова</i>	стр. 1
Журналы засѣданій Высочайше учрежденнаго Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія	27
Черногорскіе переселенцы въ Россіи, <i>П. О. Морозова</i>	54
Кара-Георгій и сербскіе эмигранты въ Россіи, <i>П. О. Морозова</i>	108
Всеподаннѣйшая записка Товарища Министра Государственныхъ Имуществъ, въ должности гофмейстера, Д. П. Хрущева	137
Переписка поэта В. А. Жуковского о продажѣ ему конфискованныхъ мызъ Мейерсгофъ и Уннипахтъ въ Лифляндской губерніи, <i>П. А. Шафранова</i>	151
Казенный крестьянинъ Адріанъ Бугровъ и его замѣчанія о домо-строительствѣ казенныхъ поселянъ, <i>П. А. Шафранова</i>	159
Баронъ Августъ Гакстгаузенъ и его сочиненіе о Россіи, <i>П. О. Морозова</i>	189
О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 году, <i>П. А. Шафранова</i>	208

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННЫЙ КОМИТЕТЪ
ОБЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
ВЪ РОССІИ.

(СОСТАВИЛЪ В. И. ВЕШНЯКОВЪ).

Тысяча восемьсотъ тридцать третій годъ, памятный въ нашихъ хозяйственныхъ лѣтописяхъ какъ одинъ изъ самыхъ бѣдственныхъ неурожайныхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, памятенъ также и тѣмъ, что это самое бѣдствіе впервые внушило правительству серіозную мысль не о временныхъ только мѣрахъ для устраненія затрудненій въ продовольствіи населенія, но и о болѣе прочныхъ и постоянныхъ способахъ къ усиленію производительности русской земли.

Среди заботъ, которыми осенью 1833 года занято было правительство, изыскивая средства къ облегченію страданій народа отъ обнаружившагося во многихъ мѣстностяхъ Россіи голода, раздался честный и правдивый голосъ президента Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества адмирала, впослѣдствіи графа, Николая Семеновича Мордвинова, который всегда относился со свойственною ему живостію ко всѣмъ важнѣйшимъ современнымъ ему явленіямъ въ отечествѣ и смѣло высказывалъ свои убѣжденія, не боясь осужденія современниковъ и не увлекаясь желаніемъ слыть либераломъ.

Въ продолженіе 17-ти лѣтъ своего президентства въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (1823—1840), гр. Мордвиновъ *) энер-

*) Гр. Ник. Сем. Мордвиновъ, сынъ извѣстнаго адмирала С. П. Мордвинова, родился 17 апрѣля 1754 г. и умеръ 30 Марта 1845 г., на 91-мъ году отъ рожденія. Его біографія, составленная проф. В. С. Иконниковымъ, издана въ 1873 г. Д. Е. Кожанчиковымъ («Графъ Н. С. Мордвиновъ. Историческая монографія по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ»).

гично старался придать дѣятельности этого Общества болѣе широкіе размѣры и болѣе разностороннее направленіе, и съ этою цѣлью обращалъ серьезное вниманіе на увеличеніе средствъ Общества. Въ особенности же близко принималъ онъ къ сердцу нравственныя и матеріальныя нужды народа, постоянно являясь горячимъ и краснорѣчивымъ защитникомъ его интересовъ. Какъ опытный сельскій хозяинъ, онъ неуклонно и внимательно слѣдилъ за ходомъ земледѣлія въ Россіи; по общему сознанію знатоковъ сельско-хозяйственнаго дѣла, онъ стоялъ во главѣ его — какъ по своему научному взгляду на предметъ, такъ и потому, что постоянно стремился найти для научныхъ выводовъ практическое примѣненіе. Такая просвѣщенная дѣятельность гр. Мордвинова на поприщѣ народнаго хозяйства была тѣмъ болѣе необходима, что въ значительномъ большинствѣ тогдашняго русскаго общества господствовало убѣжденіе, будто земледѣліе въ Россіи усовершенствовано быть не можетъ, такъ какъ «у насъ другая почва и другой климатъ, чѣмъ на западѣ, и машины, тамъ изобрѣтенныя, для Россіи не годятся» *).

При такомъ направленіи и характерѣ дѣятельности гр. Мордвинова понятно, что онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ тѣхъ лишеній, которымъ подвергался русскій народъ вслѣдствіе постигшихъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду неурожаевъ, и не могъ также удовлетвориться даже и тѣми энергическими мѣрами и тою обширною системой всякаго рода пособій, къ которымъ прибѣгало правительство, чтобы помочь нуждающимся населеніямъ. Графъ Мординовъ видѣлъ въ посѣтившемъ Россію бѣдствіи только неизбежное послѣдствіе тѣхъ отсталыхъ системъ хозяйства, которыя господствовали на всемъ ея пространствѣ, и потому считалъ необходимымъ лѣчить зло въ самомъ его корнѣ. Съ этою цѣлью онъ рѣшился обратить вниманіе самого Государя на причины неудовлетворительнаго положенія тогдашняго помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, и указать на тѣ средства, которыя, по мнѣнію его, могли бы содѣйствовать радикальнымъ образомъ постепенному измѣненію этого положенія, въ надеждѣ,

*) Мнѣніе Н. Н. Муравьева (см. Историческое обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Моск. Общ. Сельскаго хозяйства, Маслова, стр. 11).

что правительство приступить, по крайней мѣрѣ, хотя къ испытанію нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ.

«Признано за непреложную истину,—такъ начиналась записка адмирала Мордвинова, представленная Императору Николаю 23 Сентября 1833 года *),—что начало богатства, а съ онымъ и благосостояніе народа возникаютъ отъ плодовъ, землею произращаемыхъ. Но изобиліе и качество плодовъ зависятъ отъ степени просвѣщенія въ наукѣ сельскаго хозяйства; сія же наука, полезнѣйшая въ составѣ всѣхъ другихъ, мало еще извѣстна въ Россіи, ибо ни въ одномъ изъ учебныхъ заведеній не преподается. Отъ сего существеннаго при воспитаніи юношества недостатка государственныхъ доходы остаются и донинѣ въ скудномъ ихъ состояніи, не соотвѣтствующемъ ни пространству обладаемой земли, ни много-различнымъ угодьямъ ея, ни числу народа, въ селахъ и деревняхъ живущаго и земледѣліемъ занимающагося. Крестьяне пашутъ, сѣютъ, жнутъ, какъ пахали, сѣяли, жали за сто лѣтъ тому назадъ. Паренина вездѣ существуетъ; треть пахатной земли ежегодно остается безплодною; жатва вообще едва ли приноситъ четыре зерна, вмѣсто 15 и 20 при усовершенствованномъ хозяйствѣ; да и сіи скудныя зерна суть обыкновенно рожь, овесъ, греча, малоцѣнные и болѣе истощающія землю, нежели уплождающія оную.

«Не выведя изъ бѣдности земледѣльца, будетъ неминуемо бѣденъ городской житель, и сія бѣдность распространяется на всѣ сословія народа. Дворяне,—обладатели земель, обреченные на службу военную и гражданскую, не живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, а притомъ и мало просвѣщенные въ сельскомъ хозяйствѣ, предоставляютъ заурядъ обработываніе полей старостамъ, бурмистрамъ, не знающимъ ни употребленія усовершенствованныхъ орудій, облегчающихъ работу, ни присвоенныхъ каждому роду земли особыхъ сѣвооборотовъ, отъ коихъ зависятъ богатые урожаи, ни посѣва травъ, питатель-

*) Всеподданнѣйшая записка адмирала Мордвинова напечатана въ *Полномъ Собраніи Законовъ* 1833 года, подъ № 6.567, въ приложеніи къ Высочайше утвержденному 14-го ноября 1833 года положенію Комитета Министровъ «объ усиленіи способовъ Вольнаго Экономическаго Общества», состоявшемуся вслѣдствіе разсмотрѣнія означенной записки.

ныхъ для скота и дающихъ съ десятины отъ 500 до 1.000 пудовъ сѣна, вмѣсто нынѣшнихъ 50, накашиваемыхъ съ дикихъ обыкновенныхъ луговъ, на коихъ часто растетъ кислая, тощая, а иногда даже и ядовитая трава. Чтобы замѣнить невѣжество искусствомъ, наставить и научить тому, что другіе просвѣщенные въ Европѣ народы ввели въ употребленіе по сельскимъ хозяйствамъ съ безчисленными выгодами, Россія не имѣетъ еще особаго сословія, занимающагося наукой усовершенствованнаго земледѣлія, изъ котораго избираемы были бы управители искусные и опытные».

Исходя изъ этихъ основныхъ мыслей и будучи глубоко убѣжденъ, что всякое пожертвованіе со стороны правительства на пользу сельскаго хозяйства принесетъ сугубое вознагражденіе государственному казначейству, Н. С. Мордвиновъ, какъ президентъ Вольнаго Экономическаго Общества, единственнаго въ то время центральнаго сельско-хозяйственнаго, хотя и не правительственнаго органа, имѣвшаго, по выраженію его, цѣлію «созидать народное богатство, стяжаемое изъ трехъ источниковъ: земли, рукодѣлія и промышленности», ходатайствовалъ о дарованіи Обществу 78.000 р. асс. для слѣдующихъ цѣлей:

«1) Какъ въ Россіи земледѣліе не помѣщено еще въ число наукъ и никто даже изъ ученаго сословія не занимался донынѣ оною, то для выписки изъ чужихъ краевъ двухъ профессоровъ усовершенствованнаго сельскаго хозяйства и на учрежденіе института земледѣльческаго 10.000 р.

«2) На отправленіе въ лучшія въ Европѣ практическія земледѣльческія школы четырехъ изъ студентовъ, получившихъ уже нѣкоторое познаніе въ ботаникѣ и другихъ естественныхъ наукахъ, по 2000 р. каждому въ годъ. 8.000 р.

«3) На пособіе помѣщикамъ, желающимъ изучить изъ крестьянъ своихъ теоретическому и практическому познанію сельскаго хозяйства въ школахъ графини Строгоновой и казеннаго хутора въ Москвѣ, въ числѣ 80 человекъ, по 300 р. на каждого въ годъ . . . 24.000 р.

«Въ сихъ заведеніяхъ учащіеся платятъ по 500 р. въ годъ.

«4) На продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ книгъ, служащихъ наставленіемъ въ сельскомъ хозяйствѣ, дабы елико возможно распространить познаніе всѣхъ онаго усовершенствованій 6.000 р.

«5) На заведеніе Экономическаго Общества въ той губерніи, которая избрана будетъ разсадникомъ въ устройствѣ усовершенствованнаго сельскаго хозяйства для всей Россіи 6.000 р.

«6) На содержаніе нѣсколькихъ искусныхъ людей для отысканія, посредствомъ бурава, сокровенныхъ подъ землею веществъ и составленіе подземной карты на земляхъ тѣхъ помѣщиковъ, кои пожелали бы знать, чѣмъ они обладаютъ 4.000 р.

«7) На устроеніе сельскихъ усовершенствованныхъ орудій, мало еще извѣстныхъ или худо содѣлываемыхъ въ Россіи, какъ-то: плуга, бороны, катка, распашника, запашника, облегчающихъ трудъ человѣка и уготовляющихъ землю къ лучшему произращенію посѣяннаго зерна и растущаго стебля 6.000 р.

«8) Близъ С.-Петербурга необходимо имѣть образцовую усадьбу для усовершенствованнаго хозяйства, и потому дозволить Экономическому Обществу занять изъ Государственнаго заемнаго Банка 200.000 рублей для покупки земли, и на уплату за сей капиталъ процентовъ 14.000 р.

Всего же . . 78.000 р.

«Сія сумма, писалъ Н. С. Мордвиновъ, едва-ли превышаетъ ту, какую ежегодно изъ Государственнаго Казначейства получаетъ ботаническій садъ, въ недавнее время въ С.-Петербургѣ заведенный, коего оранжерея, заключаая собраніе растеній знойныхъ климатовъ Азіи, Африки и Америки, не приноситъ ни малѣйшей пользы нашимъ сельскимъ хозяйствамъ, не уплодитъ ни единой десятины для обогащенія Россіи и не даетъ ни единого рубля въ доходъ Государственному Казначейству.

«Тверская губернія, по положенію своему, по качеству много-различныхъ почвъ земли и по расположенію помѣщиковъ къ скорѣйшему введенію въ имѣніяхъ своихъ усовершенствованнаго земледѣлія, могла бы послужить разсадникомъ вообще для всей Россіи, могла бы содѣлаться тѣмъ, что въ Англіи была область Норфолькская, первая, оставившая паренину и учредившая у себя плодоперемѣнные посѣвы,—что въ Франціи произвело селеніе Монтреальское по садоводству и что въ Россіи суть донинѣ Ростовскіе огородники, кои, бывъ при Императорѣ Петрѣ научены огородничьему искусству, въ разныхъ частяхъ Россіи распространяють и научають оному: въ Архангельскѣ, въ Литвѣ, въ Крыму и даже въ Сибири.

«Экономическое Общество, получая предназначенную сумму, нѣтъ сомнѣнія, что ввело бы сельское хозяйство въ число наукъ; размножило бы число просвѣщенныхъ въ оной, яко первой и полезнѣйшей для Россіи; составило бы новое сословіе людей, способныхъ, необходимо нужныхъ для управленія въ селлахъ и деревняхъ, облегчило бы трудъ земледѣльца лучшими орудіями, покрыло бы нивы богатыми жатвами и, уплождая землю, первый источникъ доходовъ частныхъ людей, увеличило бы тѣмъ и Государственнаго Казначейства доходы.

«Не подвержено ошибкѣ то мнѣніе, что земля есть вѣрнѣйшій источникъ богатства; не могутъ измѣниться слова Творца, изреченныя при созданіи міра: «Да породить земля былія и всякую потребу для человѣка!»

«Всѣ просвѣщенные народы дознали сіи непреложныя для благосостоянія своего начала; вѣка подтвердили правду и успѣхъ оныхъ.

«Адмиралъ Мордвиновъ не о пользѣ и выгодахъ Экономическаго Общества ходатайствуетъ, говорилось въ заключеніи записки,—но со всею искренностію заботится о пользахъ государственныхъ и о возможности совершить услугу, угодную Августѣйшему Монарху нашему. По симъ уваженіямъ онъ уповаетъ, что не встрѣтитъ отказа въ испрашиваемомъ имъ со стороны правительства пожертвованіи, столь умѣренномъ по важности предмета, на ко-

торый оное употребится и по надеждамъ къ достиженію частнаго и государственнаго блага. Стяжать богатство или вѣчно бороться со скудостію,—о семъ предлежитъ къ разрѣшенію вопросъ. Благословенъ будетъ Россіею часъ разрѣшенія сего вопроса: съ онымъ возникнетъ благосостояніе 40 милл. народа, живущаго въ селахъ и деревняхъ».

Записку свою Н. С. Мордвиновъ представилъ Императору Николаю Павловичу при слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ *):

Всемиловѣйшій Государь!

«Служеніе Вашему Императорскому Величеству есть для меня священно. Всякій родъ онаго съ пламеннымъ усердіемъ стараюсь я исполнять, ибо нерадѣніе о пользахъ Вашего Величества почитаю тяжкимъ преступленіемъ, въ коемъ, съ преклонностію лѣтъ приближаясь къ смерти **), долженъ отдать отчетъ Всевышнему Творцу моему. Симъ глубокимъ чувствомъ возбуждаясь, осмѣливаюсь вновь испрашивать у Всеавгустѣйшаго Монарха о дарованіи пособія Вольному Экономическому Обществу, коего цѣль трудовъ состоитъ въ уплодженіи земли, да нивы оной дадутъ урожаи щедрые и плодъ многообразный.

«Земля есть первый источникъ богатства; отъ нея зависитъ основаніе народнаго благосостоянія. Время, Всемиловѣйшій Государь, помыслить о скудныхъ доходахъ Государственнаго Казначейства, изъ коего изливается изобиліе на всѣ отрасли пространнѣйшаго въ мірѣ царства. О семъ неумолкно всегда радѣло сердце мое, и симъ оправдываю настоящій мой подвигъ. Природа щедро наградила обладаніе Вашего Величества, но народъ не богатъ, болѣе нуждающійся, и скудно казначейство Ваше. Сію истину должно познать, и Ваше Величество вяцше оную познаете, желая устроить благосостояніе каждаго изъ вѣрноподданныхъ Вашихъ. Усердію предоставлено смѣло и не боязненно объ ней говорить.

*) Письмо это находится въ дѣлѣ № 11, 1833 года, собственной министра финансовъ канцеляріи, по секретной части. Дѣло это по учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ передано было въ бывшій 3-й департаментъ этого министерства и значится въ общемъ архивѣ Министерства Государств. Имуществъ подъ № 577.

**) Н. С. Мордвинову было тогда 79 лѣтъ.

Удостоите Всемиловѣйшаго воззрѣнія подносимую при семъ бумагу. Упованіе мое въ достиженіи успѣха утверждаю на единой Высочайшей волѣ и благоуваженіи Вашего Величества, ибо донынѣ испытывалъ я однѣ токмо отсрочки и отказы въ ходатайствахъ и представленіяхъ моихъ, когда время уходитъ и исчезаетъ не возвратно для блага, столь близкаго, но втунѣ нами теряемаго».

Государь передалъ записку графа Мордвинова министру финансовъ, графу Е. Ф. Канкрину, для доклада, съ резолюціею: «Прошу при будущемъ свиданіи сказать Мнѣ по сему свое мнѣніе.»

Графъ Канкринъ, наслѣдовавшій отъ своего предшественника государственные финансы далеко не въ блистательномъ положеніи и съ немалымъ усиліемъ достигшій устраненія въ бюджетѣ дефицита, въ виду неблагопріятныхъ условій, созданныхъ неурожаемъ 1833 г. и вызванныхъ имъ чрезвычайныхъ расходовъ, не могъ, конечно, принять съ большимъ сочувствіемъ предложеніе Мордвинова объ открытіи новаго кредита Вольному Экономическому Обществу въ 78.000 руб. Поэтому понятно, что, соглашаясь, повидимому, съ общемою мыслию записки адмирала Мордвинова, графъ Канкринъ старался ослабить производимое ею впечатлѣніе. Такъ, въ докладѣ, представленномъ Государю въ Царскомъ Селѣ, 6-го октября 1833 г., графъ Канкринъ замѣчалъ, что кромѣ недостатка усовершенствованнаго сельскаго хозяйства есть и другія причины бѣдности крестьянъ; что правительствомъ уже много сдѣлано для поощренія сельскаго хозяйства; что личный интересъ есть гораздо сильнѣйшее побужденіе къ улучшеніямъ, нежели содѣйствіе правительства или экономическихъ обществъ; что Россія едва ли находится на столь низкой степени развитія, какъ полагаетъ адмиралъ Мордвиновъ; что въ предшествующія 20 или 30 лѣтъ промышленность наша сдѣлала вообще быстрый шагъ впередъ, и если, чего графъ Канкринъ не отвергалъ, сельское хозяйство дѣйствительно, по различнымъ естественнымъ и другимъ причинамъ, осталось позади этого общаго движенія, то, безъ сомнѣнія, судя по нѣкоторымъ начаткамъ улучшеній, чрезъ десятокъ лѣтъ и оно сдѣлаетъ значительные успѣхи. Къ сожалѣнію, мы знаемъ, какъ мало оправдались эти предсказанія нашего замѣчательнаго финансоваго

дѣятеля второй четверти настоящаго столѣтія; да едва ли и самъ графъ Канкринъ придавалъ особенное значеніе своимъ словамъ и раздѣлялъ тѣ блестящія надежды, которыми онъ старался успокоить Государя. Вся цѣль его заявленій была направлена, конечно, лишь къ тому, чтобъ отклонить новый, значительный, по его мнѣнію, расходъ, котораго требовалъ Н. С. Мордвиновъ изъ Государственнаго Казначейства для пользы отечественнаго земледѣлія. Въ надеждѣ, что нѣкоторая уступка настоящему домогательству Мордвинова можетъ успокоить его и избавить казну отъ новаго расхода, и что отсрочка въ осуществленіи его проектовъ можетъ охладить его собственный жаръ и ослабить вниманіе къ нимъ Государя, графъ Канкринъ признавалъ возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на отпускъ ежегодно, начиная съ 1-го января 1834 г., Вольному Экономическому Обществу 20.000 р. асс. на отправленіе молодыхъ людей въ чужіе края, съ цѣлію изученія сельскаго хозяйства, и вообще на усиленіе дѣйствій Общества, и предложилъ передать записку Н. С. Мордвинова для разсмотрѣнія въ Комитетъ Министровъ, на что и послѣдовало соизволеніе Государя. Здѣсь записка эта встрѣтила полное сочувствіе. Комитетъ призналъ предположенія адмирала Мордвинова внушенными истиннымъ усердіемъ къ благу отечества и основывающимися на чистомъ понятіи о государственной пользѣ. Обращаясь къ общей цѣли этихъ предположеній, — усовершенствованію земледѣлія, какъ источника государственнаго богатства, а также и къ различнымъ частнымъ мѣрамъ, предлагаемымъ въ запискѣ Мордвинова, Комитетъ не находилъ возможности дать этимъ мыслямъ полное развитіе обыкновеннымъ порядкомъ разсмотрѣнія правительственныхъ дѣлъ, такъ какъ «для сего нужны подробнѣйшія соображенія, которыя съ наибольшою благонадежностію въ успѣхѣ могли бы быть приняты только особымъ комитетомъ, составленнымъ изъ лицъ, къ вѣдомству коихъ часть сія относится, — изъ извѣстныхъ агрономовъ и изъ другихъ особъ, которымъ сія вѣтъ народной промышленности, по опытности ихъ, вообще можетъ быть болѣе или менѣе знакома». Цѣль этого комитета должна была состоять въ указаніи общихъ мѣръ, могущихъ повести къ возвышенію успѣховъ земле-

дѣлія и сельскаго хозяйства въ Имперіи, и въ изысканіи способовъ къ осуществленію этихъ мѣръ.

Мнѣніе Комитета Министровъ одобрено было вполнѣ и Государемъ, *) и вслѣдствіе этого въ томъ же 1833 году, по Высочайшему повелѣнію, учрежденъ былъ комитетъ, извѣстный въ нашихъ правительственныхъ лѣтописяхъ подъ названіемъ *Высочайше учрежденнаго Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія*, изъ семи членовъ: министра финансовъ графа Канкрина, министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова, адмирала Н. С. Мордвинова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя В. П. Кочубея, генералъ-адъютанта графа И. В. Васильчикова, егермейстера Д. В. Васильчикова и оберъ-гофмаршала К. А. Нарышкина **). Предсѣдательство въ Комитетѣ принадлежало по старшинству адмиралу Мордвинову, ближайшее же наблюденіе за производствомъ дѣлъ своихъ Комитетъ возложилъ на министра финансовъ, который поручилъ управленіе дѣлами Комитета директору своей канцеляріи, дѣйствительному статскому совѣтнику А. М. Княжевичу, бывшему впоследствии министромъ финансовъ.

Первое засѣданіе Комитета происходило 24-го ноября 1833 года. Въ этомъ засѣданіи Комитетъ обратилъ вниманіе на важнѣйшія причины неудовлетворительнаго состоянія земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства въ Россіи и намѣтилъ, въ общихъ чертахъ, три главныя мѣры, которыя могли бы содѣйствовать устраненію этихъ причинъ: а) возбужденіе владѣльцевъ къ улучшенію земледѣлія и распространеніе свѣдѣній по этой части; цѣли этой предполагалось достигнуть посредствомъ изданія особой земледѣльческой газеты и продажи ея по возможно низкой цѣнѣ; б) приготовленіе людей для практическаго занятія сельскимъ хозяйствомъ, какъ въ видѣ управителей имѣніями, такъ и въ видѣ способныхъ исполни-

*) *Журналъ Комитета Министровъ* по этому дѣлу и Высочайше утвержденное 14-го ноября 1833 года положеніе Комитета напечатаны, вмѣстѣ съ докладною запискою Н. С. Мордвинова, въ П. С. В. 1833 г. № 6.567.

**) Первые пять членовъ указаны были въ журналѣ Комитета Министровъ, послѣдніе же два назначены самимъ Государемъ въ собственноручной резолюціи на журналѣ Комитета Министровъ: «Совершенно согласенъ; въ Комитетъ сей прибавить оберъ-гофмаршала Нарышкина и егермейстера Васильчикова.»

телей; для сего предположено было учредить нѣсколько учебныхъ земледѣльческихъ заведеній съ опытными при нихъ хуторами, куда могли бы поступать какъ казенные поселяне, такъ помѣщичьи и вообще разнаго званія люди, и в) облегченіе къ приобрѣтенію усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, посредствомъ учрежденія механическаго заведенія для приготовленія означенныхъ орудій и устройства въ губерніяхъ депо для продажи таковыхъ орудій.

Дальнѣйшія засѣданія *) были посвящены, главнымъ образомъ, разработкѣ этихъ предположеній въ подробностяхъ, а также и разсмотрѣнію нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ и заявленій, вносимыхъ въ Комитетъ разными лицами и учрежденіями: объ устройствѣ практическаго учебнаго заведенія по сельскому хозяйству при Дерптскомъ университетѣ, по плану проф. Шмальца, о передачѣ опытнаго хутора Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ 40-лѣтнее посессионное владѣніе проф. Павлову, объ отдачѣ хутора Бѣлорусскаго Вольнаго Экономическаго Общества съ крестьянами въ 5-лѣтнее пользованіе члена этого Общества ст. сов. Гюбенталя. Окончивъ главные свои занятія въ февралѣ 1834 года, Комитетъ въ слѣдующемъ году имѣлъ еще два засѣданія: одно—23 марта—было посвящено подробному обсужденію записки о хлѣбопашествѣ, поданной Государю т. с. Муравьевымъ; другое—10 августа—рѣшенію вопроса объ обращеніи земледѣльческаго училища Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ казенное учебное заведеніе.

Разрабатывая планъ изданія Земледѣльческой Газеты, Комитетъ предположилъ опредѣлить для этого изданія особаго редактора съ двумя помощниками и кромѣ того назначить отъ Вольнаго Экономическаго Общества и министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и финансовъ особыхъ лицъ, которыя бы сообщали редактору статьи для газеты или обращали его вниманіе на полезные предметы; дать подлежащимъ мѣстамъ предписанія, какія свѣдѣнія

*) Для избѣжанія излишняго письмоводства, Комитетъ положилъ не составлять журналовъ по каждому засѣданію, а только по тѣмъ, въ которыхъ постановлялись какія-либо окончательныя мѣры. Такихъ засѣданій было всего шесть; ихъ подлинныя журналы печатаются ниже.

должно регулярно сообщать редактору, и пригласить къ доставленію свѣдѣній земледѣльческія общества: московское, южной Россіи, лифляндское, бѣлорусское, закавказское и другія. Газету предполагалось разсылать въ казенныя палаты, губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства безденежно, а для подписчиковъ назначить самую умѣренную цѣну, — по 2 рубля за годовое изданіе. Общій расходъ на изданіе газеты въ 5000 экземпляровъ опредѣлялся приблизительно въ 46.000 р. асс. въ годъ; изъ этой суммы предполагалось выручать отъ подписки до 30.430 р.; остальные деньги должны были быть покрыты изъ Государственного Казначейства *).

Что касается до предположенныхъ Комитетомъ земледѣльческихъ школъ, то на содержаніе каждой изъ нихъ исчислено было ежегоднаго расхода по 125.000 р. асс., изъ коихъ 38.000 р. предполагалось покрывать платою съ пансіонеровъ, 6.000 р. — доходами съ практическаго хутора, остальные же 81.000 р. отпускать отъ казны.

Для устройства школы исчисленъ былъ приблизительно единовременный расходъ въ 575.000 р. асс., изъ коихъ на постройки до 460.000 р., на обзаведеніе 115.000 р.

Дено орудій по губерніямъ предполагалось учредить при земледѣльческихъ школахъ и въ губернскихъ городахъ, по ближайшему назначенію, особенно въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Кіевѣ и Тамбовѣ. Единовременный расходъ на устройство механическаго заведенія исчисленъ былъ примѣрно въ 25.000 р. асс. собственно на машины, инструменты и вообще обзаведеніе, не считая расхода на покупку дома и устройство мастерскихъ, который не былъ исчисленъ. Постоянный же ежегодный расходъ на содержаніе механическаго заведенія исчисленъ былъ въ 25.000 руб. асс.

Изданіе земледѣльской газеты, постепенное устройство предположенныхъ земледѣльческихъ школъ, учрежденіе механическаго заведенія для приготовленія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій,

*) Планъ изданія и штатъ Земледѣльской Газеты Высочайше утверждены 2-го марта 1834 года; 29-го іюня того-же года первый № Газеты былъ представленъ министромъ финансовъ Государю.

а равно завѣдываніе разными существующими уже заведеніями по части сельскаго хозяйства, по мнѣнію Комитета, должно было составить занятіе весьма обширное. Ни министру внутреннихъ дѣлъ, ни министру финансовъ, до котораго и самый предметъ этотъ не относился, по мнѣнію Комитета, не достало бы времени входить въ подробности этого дѣла, какъ относительно устройства, такъ и дальнѣйшаго управленія; «вести же это дѣло по обыкновенному порядку, посредствомъ бумажной очистки департаментовъ», Комитетъ не находилъ полезнымъ, ибо тогда, по мнѣнію его, «скорѣе наполнились бы архивы, нежели поспѣли школы». Поэтому Комитетъ считалъ необходимымъ имѣть особаго хозяина, который рѣшительностію личныхъ дѣйствій могъ бы отвращать всѣ эти неудобства, и съ этою цѣлію полагалъ учредить должность *главнаго директора земледѣльческихъ заведеній*, съ достаточною степенью власти, чтобъ управлять симъ дѣломъ съ успѣхомъ. При директорѣ предполагалось образовать особое центральное управленіе, изъ 22 штатныхъ чиновниковъ, съ постояннымъ штатомъ въ 68.000 руб. асс., и подчинить ему всѣ учрежденія по сельскому хозяйству въ Имперіи.

Главному директору земледѣльческихъ заведеній предполагалось предоставить право, по дѣламъ большей важности, присутствовать съ совѣщательнымъ голосомъ въ Комитетѣ Министровъ или подлежащемъ департаментѣ Государственнаго Совѣта; по дѣламъ своего управленія, касающимся разныхъ министерствъ, сноситься непосредственно съ министрами и главноуправляющими, разрѣшать употребленіе суммъ, штатами и особо опредѣленныхъ, съ тою властію, которая предоставлена министрамъ; входить по нѣкоторымъ текущимъ дѣламъ съ представленіями непосредственно въ сенатъ, и лишь о томъ, что требовало новыхъ законоположеній, новыхъ расходовъ, распространенія существующихъ положеній, главный директоръ долженъ былъ представлять министру. Огнотно того, при какомъ министерствѣ должно состоять управленіе главнаго директора земледѣльческихъ заведеній, въ Комитетѣ произошло разногласіе. Адмиралъ Мордвиновъ полагалъ, что управленіе это, или, какъ онъ называлъ его, *земледѣльскій департаментъ*, или *департаментъ по усовершенствованію земледѣлія*, должно состоять

въ вѣдѣніи министра финансовъ, на томъ основаніи, что въ его же вѣдѣніи находился департаментъ мануфактуръ. «Въ Россіи земледѣліе», писалъ онъ въ особомъ мнѣніи своемъ по этому предмету, «есть первая и главная мануфактура и тѣсно соединено съ рукодѣліемъ. Способы къ усовершенствованію въ Россіи земледѣлія и къ содѣланію онаго богатѣйшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ находятся въ рукахъ министерства финансовъ; безъ пожертвованія на сіе денегъ нельзя надѣяться никакого успѣха. По симъ уваженіямъ, земледѣльческій департаментъ долженъ быть въ зависимости министра финансовъ, а притомъ министръ финансовъ долженъ быть предсѣдателемъ Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія». Но графъ Канкринъ двукратно и весьма положительно отозвался въ Комитетѣ, что онъ полагаетъ невозможнымъ умножить занятія министерства финансовъ присоединеніемъ къ нему, хотя бы даже и на время, дѣлъ по главному управленію земледѣльческими заведеніями, и потому вопросъ объ отнесеніи этого управленія къ тому или другому министерству положено было представить на усмотрѣніе Государя Императора.

По окончаніи главныхъ работъ Комитета, журналъ его 7-го февраля 1834 года, вмѣстѣ съ составленнымъ для каждаго рода учрежденій проектомъ положенія и штатовъ, былъ представленъ предварительно Государю, который оставилъ ихъ у себя цѣлую недѣлю и возвратилъ 23-го февраля 1834 года министру финансовъ для внесенія въ Государственный Совѣтъ, отозвавшись, что *читалъ съ удовольствіемъ*.

Къ представленію министра финансовъ въ Государственный Совѣтъ отъ 8-го марта 1834 г. приложены были также, по опредѣленію Комитета, проекты манифеста и указа сенату, для разрѣшенія вопроса, въ формѣ какого Высочайшаго акта должны быть изданы проектированныя постановленія, въ случаѣ ихъ утвержденія, такъ какъ и по этому предмету въ Комитетѣ возникло разногласіе. Н. С. Мордвиновъ настаивалъ на объявленіи предлагаемыхъ Комитетомъ мѣръ посредствомъ манифеста, и даже представилъ сперва Комитету, а впослѣдствіи и Государю, проектъ манифеста. «Я осмѣливаюсь мыслить, писалъ онъ 2-го апрѣля 1835 года по этому по-

воду Государю *), что манифестомъ токмо возможно будетъ породить всеобщее рвеніе къ совершенію великаго, въ первый разъ ознаменовываемаго правительствомъ подвига, признаніемъ земледѣлія въ числѣ наукъ, предоставляя оному первенство по тѣмъ пользамъ, кои стяжаетъ народъ, наиболѣе въ сельскомъ хозяйствѣ упражняющійся». Въ проектѣ же манифеста, исправленномъ по замѣчаніямъ нѣкоторыхъ членовъ Комитета, мы читаемъ между прочимъ слѣдующее:

«Постигшее въ минувшемъ (1833) году бѣольшую часть государства бѣдствіе, чрезъ неурожай хлѣба, заставило Насъ вникнуть со всею попечительностію въ производство въ отечествѣ Нашемъ земледѣлія. Нѣтъ сомнѣнія, что самое обрабатываніе полей и несоотвѣтствующее устройство вообще сельскихъ хозяйствъ служатъ истинною причиною недостатковъ и испытываемаго голода.

«По отеческому соболѣзнованію Нашему о такомъ тягостномъ состояніи земледѣльцевъ, съ неминуемымъ потрясеніемъ и соприкосновенныхъ къ нимъ другихъ сословіи народа, признали Мы необходимымъ, для отвращенія на будущее время подобныхъ горестныхъ сердцу Нашему событій, дать иное направленіе земледѣлію и сельскимъ хозяйствамъ, примѣняясь къ тѣмъ усовершенствованіямъ въ оныхъ, каковыя съ давняго уже времени успѣли оказать нѣкоторыя иностранныя державы; а потому, дабы ускорить совершеніемъ сего великаго намѣренія Нашего, повелѣли Мы учредить:

1) «Комитетъ, изъ первыхъ сановниковъ Имперіи, который будетъ верховнымъ блюстителемъ за ходомъ усовершенствованія въ отечествѣ нашемъ земледѣлія.

2) «Управленіе главнаго директора земледѣльческихъ заведеній, для ближайшихъ отъ него вліяній на занимающихся вообще земледѣліемъ и для приведенія, принимаемыми отъ него мѣрами, сей столь важной государственной статьи въ усовершенствованное со-

*) Письмо адмирала, въ это время уже графа Мордвинова, находится въ дѣлѣ «объ открытіи Комитета» производившемся въ канцеляріи министра финансовъ съ 14-го ноября 1833 по 24-е октября 1835 г. и переданномъ, по учрежденіи Министертства Государственныхъ Имуществъ, въ бывшій третій департаментъ. Дѣло по архивной описи этого департамента значится подъ № 9, 1833 г. Письмо графа Мордвинова находится на 226 и 227 листахъ этого дѣла.

стояніе» (слѣдуетъ перечисленіе мѣръ и обращеніе къ дворянству и сельскому духовенству, съ призывомъ ихъ явить себя примѣромъ народу въ трудолюбіи и во всѣхъ хозяйственныхъ упражненіяхъ) и т. д.

Государственный Совѣтъ *), не отвергая пользы предложенныхъ его разсмотрѣнію мѣръ, находилъ ихъ частію рановременными, частію недостаточно разработанными и подготовленными для немедленнаго приведенія въ исполненіе, а главное, не считалъ возможнымъ ассигновать для сего какія либо суммы, въ виду затруднительнаго положенія Государственного Казначейства, обнаружившагося при сводѣ государственной росписи на 1835 годъ.

Мысль о сосредоточеніи управленія земледѣльческихъ заведеній и другихъ хозяйственныхъ частей въ отдѣльномъ вѣдомствѣ Государственный Совѣтъ находилъ весьма основательною и не встрѣчалъ препятствія къ приведенію ея въ исполненіе, какъ скоро учреждаются школы и предположенія Комитета получаютъ полное развитіе. Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что имѣлось въ виду предположеніе министра финансовъ образовать отдѣльное управленіе казенныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ цѣль графа Канкринъ была, повидимому, достигнута: время было выиграно, предположенія графа Мордвинова подвергались продолжительному разсмотрѣнію въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, и хотя въ двухъ первыхъ, то есть въ Высочайше учрежденномъ Комитетѣ и Комитетѣ Министровъ они нашли полное сочувствіе, за то въ послѣдней, самой высшей инстанціи, Государственномъ Совѣтѣ, они потерпѣли почти совершенное пораженіе. Сочувствіе, выраженное имъ здѣсь, было чисто формальное, для осуществленія же ихъ нашлось столько препятствій, что можно было считать это дѣло почти совершенно погибшимъ. Не таковъ былъ бы исходъ, если бы графъ Канкринъ, и по личному своему авторитету, и по дѣятельному участию своему въ работахъ особаго

*) Предположенія Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи разсматривались сперва въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи, а затѣмъ и въ общемъ собраніи, и заключенія ихъ изложены въ журналахъ отъ 28-го марта, 6-го и 27-го апрѣля 1834 г. и 2-го февраля и 11-го марта 1835 г.

82471
Комитета 1833 года, и по званію министра финансовъ, принялъ на себя трудъ отстаивать въ Государственномъ Совѣтѣ предложенія Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи и заявилъ, что найдетъ средства для ихъ осуществленія. Еслибъ и Государь убѣдился доводами и соображеніями Государственного Совѣта въ пользу отсрочки на неопредѣленное время предположеній о развитіи сельско-хозяйственныхъ учрежденій въ Россіи, то, конечно, дѣло было бы сдано въ архивъ и покоилось бы въ немъ еще долгое время; но судьба рѣшила иначе. Дѣло приняло неожиданный оборотъ вслѣдствіе личной инициативы Императора. Относясь благосклонно къ этому вопросу съ самой первой минуты поднесенія ему первоначальной записки графа Мордвинова, Государь и въ послѣднюю рѣшительную минуту, когда ему была представлена меморія Государственного Совѣта по этому дѣлу, остался вѣренъ своему первоначальному взгляду на пользу дѣятельнаго правительственнаго содѣйствія развитію земледѣлія. Не утвердивъ мнѣнія Государственного Совѣта, Государь положилъ на меморіи его по этому дѣлу слѣдующую собственноручную резолюцію: «Министру финансовъ представить Мнѣ свои соображенія, *какимъ образомъ* находитъ возможнымъ *приступить къ сему полезному дѣлу, не отлагая безъ крайней нужды*».

До нѣкоторой степени несомнѣнно, что такая резолюція, благоприятная дѣлу развитія у насъ земледѣльческихъ учрежденій, была отчасти вызвана какъ настояніями графа Н. С. Мордвинова, не перестававшаго напоминать Государю о необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ для улучшенія сельскаго хозяйства въ Имперіи, такъ и несогласіемъ съ заключеніемъ Государственного Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и двухъ членовъ совѣта, бывшихъ членами и Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія, — оберъ-гофмаршала Нарышкина и генераль-адъютанта графа Васильчикова, который подалъ даже отдѣльное мнѣніе. Изъ подлинныхъ журналовъ Государственного Совѣта видно, что графъ Мордвиновъ, занимавшій въ это время должность предсѣдателя гражданскаго департамента Государственного Совѣта, не принималъ лично участія въ обсужденіи соединенными департаментами законовъ и государствен-

ной экономіи предположеній комитета 1833 года и не присутствовалъ даже въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, 11-го марта 1835 года, когда слушалось это дѣло съ заключеніемъ означенныхъ департаментовъ. Отсутствіе графа Мордвинова, безъ сомнѣнія, можно объяснить только болѣзнію; но въ виду уклончиваго или вѣрнѣе, отрицательнаго отзыва департаментовъ, онъ рѣшился поправить дѣло другимъ путемъ, и не ошибся въ своемъ расчетѣ. Въ то время, когда вопросы, возбужденные особымъ Комитетомъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи разсмотрѣны были Государственнымъ Совѣтомъ окончательно и оставалось только представить на Высочайшее усмотрѣніе меморію общаго собранія Совѣта по сему предмету, графъ Мордвиновъ обратился съ новымъ всеподданнѣйшимъ письмомъ къ Государю, въ надеждѣ убѣдить его въ несостоятельности мнѣнія Государственнаго Совѣта.

«Я не могу убѣдиться, писалъ онъ между прочимъ, чтобы въ настоящее время Россія дошла уже до того изнеможеннаго состоянія, которое лишило бы ее всѣхъ способовъ отыскать нѣсколько милліоновъ рублей, числомъ малыхъ, и чтобы важнѣйшій подвигъ для приумноженія доходовъ, коихъ требуетъ самая необходимость, отлагаясь былъ еще на дальнѣйшее время.

«Опыты доказали, что при всѣхъ случаяхъ и не столь великой важности, каково есть усовершенствованіе земледѣлія, всегда потребное количество денегъ отыскиваемо было, хотя и не предстояло особенно побудительной къ тому причины, и самый предметъ употребленія могъ бы отложенъ быть до дальнѣйшаго времени. Единое изъявленіе воли Вашего Величества, и въ деньгахъ никогда не было недостатка.

«Въ настоящемъ же случаѣ министръ финансовъ имѣлъ деньги въ готовности, и внеся въ Государственный Совѣтъ предположенія земледѣльческаго Комитета, ожидалъ токмо разрѣшенія на употребленіе ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при утвержденіи Вашимъ Величествомъ тѣхъ предположеній, какъ ведущихъ къ устроенію счастливой судьбы Имперіи Вашей и къ доставленію государственному казначейству изобильныхъ доходовъ, деньги найдены будутъ и недостатка въ оныхъ не явится».

Послѣдствіемъ этого письма было то, что Императоръ Николай, не видя изъ него *), на какомъ основаніи графъ Мордвиновъ вновь обращался къ нему съ этимъ предметомъ, и узнавъ отъ графа Канкринна, что письмо вызвано, по всей вѣроятности, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о необходимости отклонить предложенныя Комитетомъ мѣры для улучшенія земледѣлія въ Россіи, приказалъ немедленно представить себѣ меморію Государственнаго Совѣта о земледѣльческихъ заведеніяхъ особю, и положилъ на ней уже извѣстную намъ резолюцію, которая дала совершенно неожиданный оборотъ всему дѣлу.

Стараясь дѣйствовать непосредственно на самого Государя, графъ Мордвиновъ не упускалъ въ то же время случая распространять свои убѣжденія о пользѣ и первостепенной важности земледѣльческихъ учрежденій и между высшими правительственными лицами; особенно же старался онъ привлечь на свою сторону графа Канкринна, какъ лицо особенно вліятельное. Въ этихъ видахъ онъ не щадилъ выраженій и въ то время, когда дѣло принимало не совсѣмъ благопріятное направленіе въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ передалъ графу Канкрину, между прочимъ, слѣдующій рѣзкій отзывъ свой по этому предмету: «Еслибы представленіе сіе (министра финансовъ въ Государственный Совѣтъ отъ лица Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія), столь благотворное для всего руссійскаго народа, и нераздѣльно съ тѣмъ и для Государственнаго Казначейства, могло въ Государственномъ Совѣтѣ встрѣтить возраженіе, то въ то же время должно будетъ согласиться, что Россія отъ существующихъ въ оной учебныхъ заведеній, какъ-то: университетовъ, академій, гимназій, кадетскихъ корпусовъ, лицеевъ и прочихъ, не получила никакой пользы, что употребленныя донинѣ на заведенія и содержаніе ихъ суммы утрачены совершенно напрасно, и остается намъ изъявлять сожалѣніе, что таковыя понятія о просвѣщеніи въ наукахъ не были извѣстны Петру Великому, Екатеринѣ Великой и прочимъ государямъ, ревностно заботившимся

*) Резолюція была слѣдующая: «Препровождаю къ вамъ (графу Канкрину) полученные Мною бумаги: не знаю, съ чего нынѣ Н. С. Мордвиновъ съ симъ ко Мнѣ обратился». Къ письму своему графъ Мордвиновъ приложилъ и проектъ манифеста.

о благѣ Россійской Имперіи. Послѣ сего мы должны будемъ признать еще другую истину, что въ учебныхъ заведеніяхъ полезно намъ имѣть профессоровъ танцованія, вольтижированія, но намъ вовсе не нужны ни учителя сельскаго хозяйства, ни просвѣщенные и искусные управители въ деревняхъ нашихъ».

Но все это производило мало впечатлѣнія на графа Канкринъ, и хотя онъ увѣрялъ письменно графа Мордвинова *), «что не престанетъ настаивать о необходимости улучшенія у насъ сельскаго хозяйства въ совокупности съ лѣсною частью», однако ничѣмъ не доказавъ этого во время разсужденія Государственного Совѣта по этому предмету, и сочувствіе его отрицательному рѣшенію Государственного Совѣта не подлежитъ сомнѣнію. Только одна твердая воля Императора Николая и его свѣтлый взглядъ на этотъ предметъ спасли отъ забвенія благотѣльную идею графа Мордвинова и бывшаго Комитета для изысканія мѣръ къ усовершенствованію земледѣлія, относительно водворенія у насъ сельско-хозяйственнаго образованія и другихъ способовъ поощренія къ улучшенію земледѣлія.

Исполняя волю Государя, графъ Канкринъ не замедлилъ представить требуемыя отъ него соображенія, которыя заключались въ томъ, чтобы немедленно приступить къ учрежденію одной земледѣльческой школы въ Московской или Кіевской губерніи, для чего и послать лѣтомъ того же 1835 года одного агронома и одного довѣреннаго чиновника для осмотра и выбора удобнаго для сего мѣста въ одномъ изъ казенныхъ имѣній. Современемъ графъ Канкринъ предполагалъ устроить другую подобную же школу въ Приволжскомъ краѣ. Всѣ первоначальныя распоряженія по устройству земледѣльческихъ школъ графъ Канкринъ принималъ на собственное свое попеченіе, дальнѣйшее же завѣдываніе этимъ дѣломъ предполагалъ передать новому управленію казенными крестьянами, по утвержденіи этого учрежденія; затѣмъ особое управленіе директора земледѣльческихъ заведеній графъ Канкринъ признавалъ излишнимъ, и всѣ дѣла по сельскому хозяйству, вѣдавшіяся прежде въ мини-

*) Въ письмѣ отъ 5-го апрѣля 1835 года, по поводу Высочайшей резолюціи, послѣдовавшей на всеподданнѣйшее письмо графа Мордвинова отъ 2-го апрѣля 1835 года,

стерствѣ внутреннихъ дѣлъ, предполагалъ оставить тамъ по-прежнему. Мнѣніе графа Канкринъ было утверждено Государемъ 19-го апрѣля 1835 года.

Отстранивъ главный вопросъ объ учрежденіи отдѣльнаго высшаго управленія по земледѣлію, графъ Канкринъ, въ виду положительной воли Государя о скорѣйшемъ осуществленіи предположеній Комитета 1833 года и для удовлетворенія немногочисленныхъ еще въ то время защитниковъ сельско-хозяйственныхъ учреждений, во главѣ которыхъ стоялъ графъ Мордвиновъ и которые были сильны только сочувствіемъ, оказаннымъ ихъ программѣ Государемъ Императоромъ, рѣшился разработать нѣсколько частныхъ предложеній Комитета 1833 года и съ этою цѣлью пожертвовать даже изъ государственнаго казначейства нѣсколько сотъ тысячъ рублей для основанія нѣсколькихъ казенныхъ учреждений и для оказанія частію постоянныхъ, частію временныхъ пособій нѣкоторымъ частнымъ обществамъ и предпріятіямъ.

Быстрота, съ которою дѣйствовалъ графъ Канкринъ, и щедрость, которую онъ обнаружилъ при этомъ на первыхъ порахъ, поистинѣ изумительны. Въ 1835 году уже было приискано мѣсто для открытія казенной земледѣльческой школы, въ Оршанскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, а въ 1836 году учреждено положеніе для этой школы и приступлено къ самому ея устройству *). На ежегодное содержаніе школы назначено было отпускать изъ государственнаго казначейства по 135.000 р. асс. или 38.580 р. с., и сверхъ того въ распоряженіе школы было отдано казенное Горьгорѣцкое имѣніе съ принадлежащими къ нему землями, оброчными статьями и крестьянами въ числѣ 2.735 душъ, которые должны были обрабатывать поля школы и исполнять при ней всѣ хозяйственныя работы, по примѣру крестьянъ въ помѣщичьихъ и арендныхъ имѣніяхъ; всѣ доходы отъ хозяйства, получаемые на этихъ основаніяхъ, предоставлены были школѣ на ея потребности и на дальнѣйшее ея развитіе.

Въ 1836 году, при Технологическомъ Институтѣ въ С.-Петербургѣ устроено было небольшое заведеніе для приготовленія моде-

*) Открытіе Горьгорѣцкой школы послѣдовало 15-го августа 1840 года.

лей разныхъ земледѣльческихъ орудій и разсылки ихъ по губерніямъ, съ цѣлю составленія образцовыхъ коллекцій при казенныхъ палатахъ.

Сверхъ того графъ Канкринъ, согласно постановленію Комитета отъ 19 августа 1835 г., испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на отпускъ Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства 210.000 р. асс. единовременно, для отстройки земледѣльской школы и хутора, и по 44.000 р. асс. ежегодно, на содержаніе этихъ заведеній и вообще на усиленіе ихъ дѣятельности. Императорское Вольное Экономическое Общество также почувствовало на себѣ неожиданную щедрость министра финансовъ. Съ 1837 года ему назначено было къ отпуску въ теченіе четырехъ лѣтъ по 10.000 р. асс. на содержаніе учениковъ Общества въ земледѣльской школѣ графини Строгановой, или въ другихъ заведеніяхъ, независимо отъ постоянного пособія въ 20.000 руб., дарованнаго въ 1833 году. Къ этимъ пожертвованіямъ изъ государственнаго казначейства въ 1836 г. присоединилась еще ссуда 70.000 руб. асс. безъ процентовъ московскимъ фабрикантамъ земледѣльческихъ орудій братьямъ Бутеновъ, на распространеніе незадолго предъ тѣмъ основаннаго ими заведенія.

Такимъ образомъ въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ для поощренія сельскаго хозяйства назначено было болѣе 200.000 руб. асс. постоянные и болѣе 200.000 р. асс. на единовременные расходы изъ государственнаго казначейства. Какъ ни значительны были эти денежные пособія со стороны правительства, особенно для того времени, когда министру финансовъ приходилось бороться съ постоянными и весьма значительными дефицитами, вслѣдствіе разныхъ политическихъ обстоятельствъ и тѣхъ чрезвычайныхъ усилій, которыя требовались для отвращенія бѣдствій, причиненныхъ неурожаемъ 1833 года *), графъ Мордвиновъ не думалъ, чтобы слѣдо-

*) Дѣйствительный дефицитъ, оказавшійся при исполненіи бюджета, составлялъ, какъ видно изъ *Статистич. Временника Россійской Имперіи* 1866 г. Отд. III, гл. III, стр. 80—81:

Въ 1832 году	4.842.354 р. сер. "
» 1833 »	9.472.471 » »
» 1834 »	21.306.641 » »

вало останавливаться на этомъ. Тѣсно связывая интересы государственнаго казначейства и народа съ развитіемъ богатства, извлекаемаго изъ земледѣльческой промышленности, графъ Мордвиновъ старался убѣдить графа Канкринъ въ необходимости несравненно большихъ пожертвованій и съ этою, конечно, цѣлью, въ официальной перепискѣ своей съ нимъ, по званію президента Вольнаго Экономическаго Общества, старался какъ можно чаще повторять графу Канкрину истины въ родѣ слѣдующихъ: «Я не перестану утверждать, писалъ онъ ему въ 1836 году *), что для усовершенствованія земледѣлія въ Россіи, сего великаго и благотворнаго подвига, если бы назначаемо было собственно изъ государственнаго казначейства и по десяти милліоновъ рублей въ годъ, никогда не было бы излишнимъ, а напротивъ, симъ средствомъ, ускоряя успѣхъ къ раскрытію богатѣйшаго источника доходовъ, съ вѣщаю лихвою возвращался бы употребляемый капиталъ, а доходы Казначейства постепенно возрастали бы въ количествахъ своихъ и по всѣмъ другимъ итогам. Я увѣренъ, что статья такая пріукрасила бы роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, была бы великимъ торжествомъ для Россіи и прославила бы на вѣчныя времена имя вашего сіятельства, какъ перваго виновника, положившаго залогъ къ благоденствію россійскаго народа».

Если графъ Канкринъ не легко уступалъ увѣщаніямъ графа Мордвинова, не проникался его горячими убѣжденіями о полезномъ вліяніи, какое могутъ оказывать на сельское хозяйство правительственная помощь и хозяйственныя учебно-практическія учрежденія, и вслѣдствіе того не охотно усвоивалъ себѣ той программы правительственной дѣятельности въ отношеніи сельскаго хозяйства, какую выработалъ Комитетъ, — это можно объяснить, конечно, не только тою строгою бережливостію и постояннымъ стремленіемъ къ сокращенію

Въ 1835 году	15.045.607 р. сер.
» 1836 »	6.545.935 » »
» 1837 »	5.373.498 » »

*) Письмо отъ 25-го марта 1836 г., по поводу возбужденнаго въ то время гр. Мордвиновымъ вопроса о новомъ усиленіи средствъ Вольнаго Экономическаго Общества отдачей въ его распоряженіе на 50 лѣтъ нѣкоторыхъ казенныхъ оброчныхъ статей, находится въ дѣлѣ канцеляріи министра финансовъ 1836 г., № 37, о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усовершенствованію въ Россіи сельскаго хозяйства.

государственныхъ расходовъ, которыя характеризовали финансовое управленіе графа Канкринъ, но и недостаточно еще сильнымъ и убѣдительнымъ въ то время примѣромъ западной Европы въ отношеніи развитія правительственныхъ сельско-хозяйственныхъ учреждений. Дѣйствительно, хотя правительства во многихъ странахъ уже начинали проявлять свою дѣятельность на пользу сельскаго хозяйства, хотя и сами хозяева начинали сознавать необходимость введенія разныхъ улучшеній и съ этою цѣлію стремились къ болѣе дѣятельному и частому общенію между собою, въ формѣ агрономическихъ кружковъ или обществъ, но нигдѣ еще система правительственнаго поощренія не достигала въ то время тѣхъ обширныхъ размѣровъ, какіе мы видимъ нынѣ; нигдѣ принимаемыя съ этою цѣлію мѣры не имѣли еще того разнообразія; ни одна страна не была еще покрыта такою густою сѣтью сельско-хозяйственныхъ обществъ; нигдѣ еще сознаніе потребности въ распространеніи агрономическаго образованія не успѣло породить такой обширной системы спеціальнаго общественнаго образованія, какъ нынѣ. Всюду эта отрасль образованія была еще въ зародышѣ, и притомъ почти всюду первыя попытки было дѣлаемы частными лицами, а не правительствомъ.

Впрочемъ, сѣмя, брошенное графомъ Мордвиновымъ и Комитетомъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, не пропало совершенно безслѣдно. При образованіи въ 1837 г. новаго управленія для завѣдыванія государственными крестьянами и имуществами, въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, какъ представителѣ главнаго въ государствѣ вотчинника, наиболѣе заинтересованнаго потому въ улучшеніи сельскаго хозяйства, отведено было скромное мѣсто и завѣдыванію дѣлами по развитію и поощренію земледѣльческой промышленности.

Въ составѣ новаго Министерства, которое учреждалось, между прочимъ, и, для высшаго и общаго по всему государству вѣдомства дѣлъ, *принадлежащихъ вообще къ усовершенію и распространенію сельскаго хозяйства*, образованъ былъ для завѣдыванія дѣлами этого рода особый *Департаментъ*. Сперва онъ носилъ наименованіе *третьяго Департамента*, но въ 1845 году былъ переименованъ

въ Департаментъ Сельскаго Хозяйства, а въ 1866 — въ Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности. Изъ этого центральнаго учрежденія вышелъ цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ развитію агрономическаго образованія въ разныхъ слояхъ населенія, къ возбужденію духа соревнованія между земледѣльцами путемъ выставокъ, конкурсовъ, премій, наградъ и т. п., къ изученію состоянія разныхъ отраслей сельской промышленности и изысканію средствъ для ихъ развитія. Ежегодный бюджетъ расходовъ этого Департамента, собственно по сельскому хозяйству, достигаетъ въ настоящее время до 2 милліоновъ рублей.

Результаты 50-лѣтней дѣятельности этого учрежденія изложены подробно въ 3-мъ томѣ изданнаго въ 1888 году, по случаю юбилея Министерства Государственныхъ Имуществъ, *Историческаго Обозрѣнія* этой дѣятельности.

ЖУРНАЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННАГО КОМИТЕТА ОБЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

ЗАСѢДАНІЕ I.

24 Ноября 1833 г.

Рукою ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ
сдѣланъ знакъ: ÷

Рукою Министра Финансовъ напи-
сано:
С.-Петербургъ, 8 Декабря 1833 г.

Высочайше учрежденный, по журналу Комитета Министровъ 31 Октября 1833 года, Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи имѣлъ первое засѣданіе свое 24 Ноября.

Выслушавъ положеніе Комитета Министровъ, въ коемъ изложены причины и цѣль учрежденія настоящаго Комитета, оный прежде всего счелъ нужнымъ постановить правила касательно самаго производства дѣлъ въ Комитетѣ, почему и положилъ:

1) Завѣдываніе дѣлами Комитета поручить исправляющему должность Директора Канцеляріи Министра Финансовъ Статскому Совѣтнику Княжевичу, придавъ ему въ помощь, для занятій, подъ руководствомъ его, двухъ чиновниковъ по назначенію Министровъ: Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ.

2) Для избѣжанія излишняго письменоводства, не составлять журналовъ по каждому засѣданію Комитета, но только по тѣмъ, въ коихъ будутъ постановлены какія-либо окончательныя мѣры.

3) По ближайшему отношенію предметовъ занятій, Комитету подлежащихъ, къ Министерствамъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, сношенія по дѣламъ Комитета съ Губернскими начальствами и другими вѣдомствами производить чрезъ управляющихъ сими Министерствами, сообразно съ родомъ дѣла,

и 4) Не назначая для засѣданій Комитета опредѣленнаго времени,

членамъ онаго собираться по мѣрѣ открывающейся надобности въ совѣщаніяхъ, по предварительному о томъ соглашенію.

Засимъ, обратясь къ сужденію о самой цѣли, побудившей къ учрежденію Комитета и о способахъ къ достиженію оной, Комитетъ выслушалъ записку, всеподданнѣйше представленную Его Императорскому Величеству членомъ онаго, президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества, о необходимости принять ближайшія мѣры къ улучшенію земледѣлія въ Россіи и о преподаніи для сего означенному Обществу способъ, а равно нѣкоторыя предварительно начертанныя соображенія о предметахъ, кои въ дѣлѣ сѣмъ преимущественно требуютъ вниманія.

По прочтеніи сѣхъ бумагъ, члены Комитета, для соглашенія и утвержденія собственныхъ мыслей о прѣлежащемъ дѣлѣ, вошли въ подробныя разсужденія какъ по содержанію означенныхъ бумагъ, такъ и по свѣдѣніямъ о настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи, исключая Остзейскія губерніи, которыя находятся не совсѣмъ въ одинаковомъ съ прочими состояніи, и убѣдились въ слѣдующемъ:

а) Въ сѣверной и средней части Россіи существуетъ издревле преимущественно трехпольное хозяйство, а въ южной Россіи обычаемъ введены перелогъ.

б) Первый способъ хотя составляетъ первый шагъ къ правильному хлѣбопашеству, но самое воздѣлываніе земли требовало бы болѣе рачительности и искусства, а трехпольная система постепенно должна переходить въ порядокъ многопольнаго или плодоперемѣннаго хозяйства, сколько по необходимости, по причинѣ возрастающаго народонаселенія, столько и въ томъ уваженіи, что по географическому положенію Россіи, для полученія зимняго корма и для лѣсовъ, уже чрезмѣрно истощенныхъ, требуется гораздо большее пространство земли, нежели въ климатахъ умѣренныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо нужно ввести, ближайшими способами и неотложно, травосѣяніе, разведеніе картофеля въ значительномъ количествѣ, улучшеніе содержанія скота и самыхъ породъ онаго и усиленіе удобренія земли посредствомъ туковъ, донныѣ не употребляемыхъ. Сими способами не только отвратится постепенно оскудѣніе класса земледѣльцевъ, но умножится ихъ достатокъ, доходъ съ имѣній и самое народное богатство — хотя конечно не вдругъ, и особенно относительно самихъ поселенъ, такъ какъ введеніе улучшенныхъ методовъ земледѣлія должно начаться съ помѣщиковъ.

с) Система перелоговъ, безъ унавоживанія, весьма свойственная тѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть изобиліе въ плодородной землѣ, имѣетъ однако необходимое послѣдствіе, какъ то доказываютъ и опыты, что въ теченіе столѣтій почва земель, часто обрабатываемыхъ и часто запускаемыхъ, мало по малу истощается, подвергается частымъ неурожаемъ и при значитель-

номъ умноженіи числа народа, не можетъ доставить оному безнужднаго продовольствія, что у насъ довольно уже замѣтно въ Малороссіи и Слободско-Украинской губерніи. Посему необходимо нужно вводить и здѣсь улучшенное сельское хозяйство на вышеизложенномъ основаніи, съ приспособленіемъ однако къ мѣстности; причемъ должно обратить особое вниманіе на разведеніе кукурузы, сего полезнаго замѣна зернового хлѣба, тамъ, гдѣ она произрастать можетъ.

д) Если обратиться къ причинамъ, отчего, не взирая на настоятельную надобность въ улучшеніи земледѣлія, оказывается такъ мало въ томъ успѣховъ, то нельзя не признать, что онѣ состоятъ въ слѣдующемъ. Введеніе улучшеннаго хозяйства само по себѣ довольно трудно: оно требуетъ основательныхъ познаній, и всѣ методы земледѣлія, употребляемыя въ чужихъ краяхъ, должны быть напередъ, посредствомъ размысленій и опытовъ, примѣнены къ климату и мѣстностямъ Россіи. Но у насъ свѣдѣнія сіи не довольно еще распространены, и что еще болѣе — при силѣ закоренѣлыхъ привычекъ, у насъ недостаетъ убѣжденія въ необходимости перемѣны, тогда какъ при таковомъ достаточномъ убѣжденіи, содѣйствіе многихъ умовъ и способовъ и привлеченіе собственной пользы могли бы имѣть наивыгоднѣйшія послѣдствія. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе зажиточные помѣщики уже сдѣлали начало ко введенію иностранныхъ методовъ земледѣлія; но опыты сіи не имѣли еще желаемыхъ успѣховъ, наиболѣе кажется потому, что приложеніе утонченнаго сельскаго хозяйства сдѣлано безъ надлежащаго примѣненія онаго къ обстоятельствамъ нашего отечества, а отчасти и потому, что они составляли, такъ сказать, одинъ предметъ сельской роскоши, и хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сдѣланы опыты съ дѣйствительною удачею, но они еще рѣдки, разсѣяны и не имѣютъ общаго вліянія. По всѣмъ симъ уваженіямъ Комитетъ убѣдился, что первый приступъ къ усовершенствованію сельскаго хозяйства долженъ состоять въ возбужденіи, елико можно, въ большемъ числѣ владѣльцевъ увѣренности въ необходимости исправленій — увѣренности, которая относительно овцеводства оказала уже, какъ извѣстно, столь быстрые успѣхи.

е) Не менѣе важнымъ препятствіемъ къ достиженію желаемой цѣли служатъ у насъ и недостатокъ того класса людей средняго состоянія, кои, имѣя основательныя теоретическія и практическія познанія о раціональномъ земледѣліи, могли бы управлять значительными имѣніями и вводить въ оныхъ усовершенствованную методу хлѣбопашества, равно какъ и тѣхъ людей низшаго разряда, кои могли бы быть частными исполнителями, и что для приготовленія таковыхъ людей почти вовсе недостаетъ у насъ ни земледѣльческихъ школъ высшей и низшей степени, ни опытныхъ запашекъ, кои отъ оныхъ нераздѣльны.

f) Нельзя не признать, что съ улучшеніемъ хлѣбопашества усилятся и количество произведеній; но какъ съ тѣмъ вмѣстѣ число потребителей не можетъ вдругъ умножиться въ той же постепенности, то при одномъ разведеніи хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ, цѣны онымъ должны весьма понизиться; почему въ то же время должно помышлять и объ усиленіи разведенія такъ называемыхъ торговыхъ растений, какъ то: красильныхъ и проч., причемъ овцеводство можетъ оказать особенную пользу, такъ какъ добываемая отъ онаго тонкая шерсть можетъ имѣть легкій сбытъ за границу. Сюда принадлежатъ также конскіе заводы, пчеловодство и подобныя отдѣльныя отрасли сельскаго домоводства.

g) При всемъ семъ нельзя не обратить вниманія на недостаточность употребляемыхъ у насъ земледѣльческихъ орудій, кои въ средней и сѣверной полосахъ требуютъ не токмо различныхъ усовершенствованій, но отчасти и перемѣнъ, со введеніемъ неизвѣстныхъ еще у насъ орудій и машинъ; къ южной же необходима почти во всѣхъ отношеніяхъ коренная перемѣна; особенно требуетъ сего употребляемый тамъ плугъ, въ который впрягаются по четыре и болѣе пары воловъ, коими поселяне часто должны заимствоваться другъ отъ друга, съ большою остановкою работъ. Справедливо, что стараніями разныхъ владѣльцевъ, и особенно содѣйствіемъ Вольнаго Экономическаго Общества, сдѣлано начало введенію лучшихъ земледѣльческихъ орудій; но къ сему должно сказать, что тѣ изъ нихъ, кои не согласуются съ обстоятельствами Россіи, остались болѣе предметами одного любопытства; другія же, которыя могли бы дѣйствительно быть полезны, не довольно еще извѣстны и нѣтъ способовъ получать оныя съ удобностію и съ увѣренностію въ ихъ добротѣ, почему открывается необходимость ускорить устройеніемъ особаго заведенія для выдѣлки таковыхъ орудій, имѣть онымъ депо въ приличныхъ мѣстахъ и познакомить съ ними публику.

Основываясь на сихъ убѣжденіяхъ, Комитетъ заключаетъ, что главныя мѣры достиженія подлежащей оному цѣли должны быть троякаго рода: 1) возбужденіе владѣльцевъ къ улучшенію земледѣлія и распространеніе свѣдѣній, къ сему относящихся; 2) приготовленіе людей къ практическому производству улучшеннаго хлѣбопашества, какъ въ видѣ управителей имѣній, такъ и въ видѣ способныхъ исполнителей работъ и 3) облегченіе въ приобрѣтеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. — Сообразно съ симъ:

I. Для достиженія первой изъ сихъ мѣръ, то есть для распространенія свѣдѣній о необходимости введенія улучшеннаго сельскаго хозяйства и о способахъ примѣненія оныхъ къ Россіи, Комитетъ признаетъ лучшимъ средствомъ изданіе особой *Земледѣльской Газеты*, которая, будучи продаваема по возможно низкой цѣнѣ, могла бы такимъ образомъ зна-

комить большее число людей, хлѣбопашествомъ занимающихся, съ тѣми улучшеніями, которыя, при нужныхъ измѣненіяхъ, могутъ быть полезны для Россіи. Сія газета должна сообщать краткія свѣдѣнія какъ о самыхъ усовершенствованныхъ методахъ земледѣлія, такъ и о частныхъ улучшеніяхъ въ орудіяхъ, машинахъ, сосудахъ, упряжи, кормѣ, породѣ скота и проч., о размноженіи видовъ растений хлѣбныхъ, корнеплодныхъ, кормовыхъ и торговыхъ, о способахъ удобренія земли, приготовленіяхъ различныхъ туковъ и т. п., съ примѣненіемъ всего сего къ климату, почвѣ, обычаямъ и мѣстностямъ Россіи, и особливо присовокупляя показанія, изъ какихъ источниковъ можно почерпнуть подробнѣйшія обо всемъ семъ свѣдѣнія. Газета сія, подобно прочимъ періодическимъ изданіямъ, можетъ быть также органомъ разныхъ мнѣній, возникающихъ по части сельскаго домоводства, развивая тѣ, кои признаются полезными, и указывая ошибочность такихъ, коихъ укорененіе могло бы вредить доброму хозяйству. Въ ней равномерно могутъ быть помѣщаемы и объявленія о вновь выходящихъ по сей части сочиненіяхъ, о дѣлаемыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, о продающихся улучшенныхъ орудіяхъ, хорошихъ сѣменахъ и т. п. Съ симъ вмѣстѣ, при изданіи сей газеты должно быть обращено вниманіе и на то, чтобы помѣщаемыя въ оной статьи, какъ по содержанію, такъ и изложенію своему, были доступны для большей части публики.

Для сего Комитетъ положилъ: предоставить Министрамъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, пріискавъ какъ способнаго для подобнаго изданія редактора, такъ и нужные на сіе денежные способы, начертать, по взаимномъ сношеніи, подробный планъ упомянутой газеты; члену же Комитета, Президенту Вольнаго Экономическаго Общества, поручить предложить оному, не угодно ли будетъ и ему принять участіе въ семъ изданіи какъ сообщеніемъ свѣдѣній для распространенія оныхъ посредствомъ предполагаемой газеты, такъ главнѣйше назначеніемъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ, кои совѣтами и руководствомъ вспомоществовали бы редактору къ содѣланію сей газеты столь возможно полезнѣйшею, послѣ чего дѣло сіе внести на окончательное обсужденіе Комитета.

II. Касательно приготовленія людей какъ въ званіе управителей большихъ имѣній, кои пріобрѣли бы высшія свѣдѣнія въ наукѣ сельскаго хозяйства, такъ и обыкновенныхъ исполнителей, кои изучили бы на опытѣ начальныя основанія улучшеннаго земледѣлія и пріобыкли бы обращаться съ усовершенствованными орудіями и машинами, Комитетъ признаетъ нужнымъ учрежденіе учебныхъ земледѣльческихъ заведеній съ опытными при нихъ хуторами, куда могли бы поступать какъ казенные поселяне, такъ помѣщичьи и вообще разнаго званія люди. Но какъ

подобныя заведенія могутъ приносить пользу только при примѣненіи теоретическихъ свѣдѣній къ мѣстностямъ, то по обширности Россіи и при различіи климата и почвъ оной, необходимо учредить таковыя земледѣльческія школы въ нѣсколькихъ мѣстахъ государства. Въ семъ случаѣ Комитетъ обратился къ существующему уже раздѣленію Россіи на академическіе или учебные округа, подходящіе довольно близко и къ раздѣленію Россіи на полосы, по видамъ сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, Комитетъ полагалъ бы учредить земледѣльческія школы съ опытными при нихъ запашками: для сѣверной полосы Россіи въ одной изъ губерній, принадлежащихъ къ С.-Петербургскому учебному округу, для средней — къ Московскому, для южной — къ Кіевскому и Харьковскому, для западной — къ Бѣлорусскому, для восточной — къ Казанскому. При семъ Комитетъ хотя и имѣетъ въ виду, что близость университетовъ, какъ ученыхъ сословій, къ коимъ принадлежатъ и профессоры сельскаго хозяйства, можетъ имѣть полезное вліяніе на самые успѣхи земледѣльческихъ школъ, но не полагаетъ основывать сіи послѣднія непременно при самыхъ университетахъ или въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ они находятся, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе сего обстоятельства главнѣйше зависитъ отъ пріисканія удобныхъ мѣстностей. Изъ таковыхъ заведеній Комитетъ полагаетъ приспособить, по ближайшему удобству, одно или два для преподаванія науки сельскаго хозяйства въ большемъ объемѣ, для людей средняго класса, кои, принявъ на себя впослѣдствіи управленіе большими имѣніями, содѣйствовали бы къ вѣдшему распространенію улучшенныхъ методъ земледѣлія.

Для перваго къ сему приступа, Комитетъ положилъ: поручить Министру Финансовъ собрать свѣдѣнія, нѣтъ ли удобныхъ для помянутыхъ заведеній мѣстъ въ числѣ казенныхъ имѣній, оброчныхъ статей или лѣсныхъ полянъ, а по западнымъ губерніямъ — въ конфискованныхъ мятежническихъ имѣніяхъ; причемъ въ особенности желательно было бы, чтобы таковыя мѣста имѣли уже нѣкоторыя строенія или обзаведенія, кои могли-бы съ пользою быть употреблены для хуторовъ, дабы сократить издержки, на устройство оныхъ потребныя. Для учрежденія же высшаго земледѣльческаго заведенія, Комитетъ обратился уже къ существующей близъ Москвы земледѣльческой школѣ, съ опытнымъ при ней хуторомъ, состоящей въ завѣдываніи Московскаго общества сельскаго хозяйства, которая, по нахожденію Москвы почти въ центрѣ средней, т. е. обширнѣйшей земледѣльческой полосы Россіи, представляетъ особое къ тому удобство. Посему Комитетъ признаетъ нужнымъ собрать свѣдѣнія о настоящемъ положеніи означеннаго заведенія и о средствахъ приспособить оное къ предполагаемой Комитетомъ цѣли.

По собраніи таковыхъ свѣдѣній, Комитетъ предоставляетъ себѣ об-

судить ближе, въ какомъ порядкѣ, какими способами и на какихъ основныхъ началахъ должно будетъ приступить къ заведенію упомянутыхъ школъ и хуторовъ, учреждая ихъ мало по малу, и отнюдь не полагая, чтобы важныя ожидаемыя имъ отъ оныхъ послѣдствія могли созрѣть слишкомъ скоро и безпрепятственно.

III. Что относится до пользы учрежденія по государству особыхъ депо для снабженія губерній усовершенствованными земледѣльческими орудіями, то она столь очевидна, что не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Посему Комитетъ заключилъ нынѣ же поручить:

а) Министру Финансовъ—войти въ соображеніе, гдѣ удобнѣе было бы учредить механическое заведеніе для приготовленія означенныхъ орудій: при Практическомъ ли Технологическомъ Институтѣ, или Александровскомъ чугунолитейномъ или другомъ, по его усмотрѣнію, заводѣ.

б) Министрамъ: Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ—согласиться между собою, въ какихъ мѣстахъ и на какомъ положеніи учредить по губерніямъ депо для продажи таковыхъ орудій,

и в) Предложить Вольному Экономическому Обществу, чрезъ Президента онаго, когда означенныя распоряженія будутъ положены на мѣрѣ, сообщить свѣдѣнія о тѣхъ улучшенныхъ орудіяхъ и машинахъ, кои могутъ быть болѣе полезны для разныхъ странъ Россіи, а между тѣмъ поручить и Министру Внутреннихъ Дѣлъ собрать свѣдѣнія о тѣхъ усовершенствованныхъ орудіяхъ, кои въ государствѣ въ частности уже введены и съ пользою употребляются.

Подписали: *Н. Мордвиновъ, князь В. Кочубей, графъ И. Васильчиковъ, графъ Е. Канкринъ, К. Нарышкинъ, Д. Васильчиковъ, Д. Блудовъ.*

Скрѣпилъ: Управляющій дѣлами Комитета *А. Княжевичъ.*

ЗАСѢДАНІЕ II.

3-го Января 1834 г.

Во 2-мъ засѣданіи Комитета не присутствовалъ: Адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ и Генералъ-отъ-Кавалеріи графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

Министръ Финансовъ внесъ слѣдующія бумаги:

I. Записку съ изложеніемъ соображеній его, по возложенному на него, обще съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, журналомъ I-го засѣданія Комитета, порученію, и при оной:

а) Планъ Земледѣльской Газеты;

б) Положеніе объ управленіи Главнаго Директора земледѣльскихъ заведеній, со штатомъ онаго;

с) Положеніе о казенныхъ земледѣльческихъ школахъ, со штатомъ, генеральнымъ планомъ, примѣрнымъ соображеніемъ о образцовой запашкѣ и примѣрною смѣтою,

и d) Положеніе о заведеніи для приготовленія земледѣльческихъ орудій и о депо оныхъ со штатомъ.

II. Записку съ проектомъ фонъ-Штейгера объ устройствѣ учебнаго землепашества.

III. Отношеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ со всеподданиѣйшею запискою Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора объ отдачѣ принадлежащаго тамошнему Обществу сельскаго хозяйства опытнаго хутора въ поссессионное на 40 лѣтъ владѣніе профессору Павлову, съ приложеніями.

IV. Отношеніе Министра Народнаго Просвѣщенія, съ приложеніями, касательно учрежденія близъ Дерпта, на мызѣ Альткустгофъ, учебнаго заведенія сельскаго хозяйства.

Комитетъ, выслушавъ первую записку Министра Финансовъ и приложенныя къ ней планъ Земледѣльской Газеты и положеніе о Главномъ Директорѣ земледѣльческихъ заведеній, со штатомъ управленія онаго, согласился предварительно исполнѣть съ изложенными въ сихъ бумагахъ основаніями и, сдѣлавъ въ частности нѣкоторыя исправленія, предоставилъ Министру Финансовъ препроводить бумаги сіи къ присутствовавшимъ въ настоящемъ засѣданіи членамъ Комитета, на тотъ конецъ, дабы они сообщили по сему предмету свои мнѣнія, а буде признаютъ нужнымъ—и замѣчанія, и потомъ внести означенные планъ и положеніе въ будущее засѣданіе Комитета на окончательное утвержденіе онаго.

Засимъ, отложивъ разсмотрѣніе прочихъ внесенныхъ Министромъ Финансовъ при упомянутой запискѣ приложеній до другого раза, Комитетъ слушалъ отношеніе Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ Министру Финансовъ отъ 20-го ч. минувшаго Декабря (№ 11.055), въ коемъ Тайный Совѣтникъ Уваровъ проситъ внести на разсмотрѣніе Комитета планъ учрежденія учебнаго заведенія сельскаго хозяйства, предполагаемаго профессоромъ сельской экономіи и технологіи при Дерптскомъ Университетѣ Шмальцемъ на мызѣ, принадлежащей Лифляндскому Предводителю дворянства фонъ-Липгарту.

Профессоръ Шмальцъ заключаетъ съ Предводителемъ Липгартомъ условіе, по коему беретъ въ арендное содержаніе принадлежащую послѣднему, близъ Дерпта, мызу Альткустгофъ, на 10 лѣтъ, съ 1-го Мая настоящаго года, съ платежемъ за то по 18 т. руб. ассигнаціями въ годъ, на извѣстныхъ условіяхъ. На сей мызѣ Шмальцъ предполагаетъ учредить практическое учебное заведеніе сельскаго хозяйства, какъ для студентовъ Дерптскаго Университета, кои обучались въ ономъ тео-

ретической части науки сельского домоводства, такъ и для другихъ молодыхъ образованныхъ людей, кои пожелаютъ практически ознакомиться съ новѣйшими основаніями сельского хозяйства на извѣстныхъ правилахъ за положенную плату какъ за ученіе, такъ содержаніе ихъ на мызѣ, услугу и проч., а равно, если найдутся желающіе, и для молодыхъ людей низшихъ сословій, съ цѣлю приготовить ихъ быть управителями имѣній, овчарами, винокурами и т. п. На жалованье же опредѣляемому при означенномъ заведеніи Инспектору и на производство необходимыхъ при таковомъ практическомъ обученіи опытовъ Шмальцъ испрашиваетъ пособія отъ казны, по 5 т. руб. ассигнаціями въ годъ.

Совѣтъ Дерптскаго Университета, равно какъ Попечитель онаго, одобрили начертанный профессоромъ Шмальцемъ планъ упомянутаго заведенія, и признавая испрашиваемое для онаго со стороны казны пособіе умѣреннымъ, ходатайствуютъ объ утвержденіи сего плана и о назначеніи по ожидаемому новому штату Дерптскаго Университета потребныхъ для заведенія 5 т. р. въ годъ, съ разрѣшеніемъ нынѣ же отпуска оныхъ изъ университетскихъ остаточныхъ суммъ, такъ какъ утвержденіе новаго штата можетъ еще замедлиться, а приведеніе плана профессора Шмальца въ исполненіе не терпитъ отлагательства.

Министръ Финансовъ при семъ случаѣ отозвался, что ежегодный отпускъ означенныхъ 5 тыс. руб. изъ Государственнаго Казначейства не можетъ встрѣтить препятствій.

Комитетъ, равнымъ образомъ признавая учрежденіе практическаго учебнаго заведенія сельского хозяйства при Дерптскомъ Университетѣ полезнымъ, находитъ, что составленный оному профессоромъ Шмальцемъ планъ есть не иное что, какъ практическое дополненіе академическаго курса агрономіи, съ допущеніемъ, сверхъ студентовъ, и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей къ участію въ ученіи, и что самое содержаніе студентовъ основано на обычаяхъ, существующихъ въ университетахъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ студентовъ, почему и не встрѣчаетъ съ своей стороны препятствія къ приведенію онаго въ исполненіе, равно какъ, согласно съ отзывомъ Министра Финансовъ, и къ отпуску изъ казны испрашиваемыхъ для сего 5 тыс. р. въ годъ. Но имѣя въ виду, что Комитетъ, при предположеніяхъ своихъ объ учрежденіи въ Россіи земледѣльческихъ школъ и опытныхъ при нихъ запашекъ, не имѣлъ намѣренія основывать таковыя въ Остзейскихъ провинціяхъ, что учреждаемое профессоромъ Шмальцемъ заведеніе существенно отъ оныхъ различается, и что, принадлежа къ Дерптскому Университету, оно будетъ состоять подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не счелъ нужнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе и обсужденіе плана, Шмальцемъ составленнаго, а положилъ поручить Министру Финансовъ, сооб-

павъ Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія таковое мнѣніе Комитета, предоставить ему дать дѣлу сему дальнѣйшій ходъ независимо отъ Комитета.

Подписали: князь *В. Кочубей*, графъ *Е. Канкринъ*, *К. Нарышкинъ*, *Дмитрій Васильчиковъ*, *Д. Блудовъ*.

Скрѣпилъ: Управляющій дѣлами Комитета *А. Княжевичъ*.

ЗАСѢДАНІЕ III.

27 Января 1834 г.

Въ сіе засѣданіе былъ приглашенъ Московскій Г. Военный Генералъ-Губернаторъ и Президентъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства Генералъ-отъ-Кавалеріи Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

Слушаны: препровожденныя Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, переданныя ему изъ Комитета Министровъ: а) всеподданнѣйшая докладная записка Московскаго Генералъ-Губернатора о дозволеніи тамошнему Обществу сельскаго хозяйства отдать принадлежащій оному близъ Москвы опытный хуторъ въ сорокалѣтнее поссессионное владѣніе профессору Павлову, съ изложеніемъ причинъ, побуждающихъ Общество къ сей мѣрѣ, и правилъ, на коихъ полагается произвести самую передачу, и б) записка Министра Внутреннихъ Дѣлъ по сему предмету.

Комитетъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, принялъ въ уваженіе съ одной стороны изложенныя Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства выгоды передачи помянутаго хутора въ долговременное поссессионное владѣніе одного лица, въ главныхъ основаніяхъ своихъ не подверженныя сомнѣнію, а съ другой нашелъ также нѣкоторыя затрудненія, сопряженныя съ подобною сей мѣрою, ибо а) здѣсь вся увѣренность Общества въ точномъ выполненіи предположенной имъ цѣли основывается единственно на личной извѣстности оному профессору Павлова, между тѣмъ какъ при заключеніи условія на сорокалѣтній срокъ, въ случаѣ смерти Павлова, наслѣдники его едва ли въ состояніи будутъ дать таковое же ручательство, а съ употребленіемъ со стороны Павлова на возведеніе зданій и другія требуемыя Обществомъ устройства значительнаго капитала было бы несправедливо устранять ихъ отъ тѣхъ выгодъ, кои должны вознаградить ихъ за пожертвованіе симъ капиталомъ; б) что собственныя выгоды будутъ иногда побуждать временнаго владѣльца заботиться главнѣйше объ извлеченіи своихъ пользъ, кои не всегда могутъ соотвѣтствовать главной цѣли Общества, — сдѣлать хуторъ образцомъ собственно для сельскихъ хозяевъ, и с) что отдача принадлежащей къ хутору земли въ сорокалѣтнее владѣніе частнаго лица можетъ иногда встрѣтить за-

трудненіе отъ Бутырской церкви, отъ коей земля сія отдана Обществу только на время существованія онаго, которое можетъ прекратиться прежде сорока лѣтъ, а посему потребуетъ о семъ новое Высочайшее повелѣніе.

Съ симъ вмѣстѣ Комитетъ, имѣя въ виду, что при первоначальныхъ разсужденіяхъ онаго о необходимости устройства земледѣльческихъ школъ съ опытными при оныхъ запашками Комитетъ обратилъ уже вниманіе на существующую при Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства Земледѣльческую школу съ опытнымъ хуторомъ, въ томъ уваженіи, не откроется ли возможность ближе приспособить сію школу и хуторъ къ предположенной Комитетомъ цѣли вящаго распространенія въ Россіи науки о сельскомъ хозяйствѣ и лучшаго практическаго производства, и признавая и нынѣ, что сіе тѣмъ удобнѣе можетъ быть исполнено, что Московская школа и хуторъ устроены съ тѣмъ же намѣреніемъ, какое имѣлъ и Комитетъ при предположеніяхъ объ учрежденіи помянутыхъ школъ и запашекъ, и что заведеніе сіе, какъ существующее уже и, слѣдовательно, неотложно пользу приносящее, при нѣкоторомъ пособіи со стороны правительства, могло бы значительно соотвѣтствовать означенной цѣли, положилъ, по согласію съ Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, какъ Президентомъ Общества сельскаго хозяйства, предложить чрезъ него Обществу, не признаетъ ли и оно полезнѣйшимъ оставить управленіе опытнымъ хуторомъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи, съ полученіемъ отъ казны нужныхъ какъ на дальнѣйшее онаго устройство, такъ и на годовое содержаніе денежныхъ пособій, съ тѣмъ, что если Общество изъявитъ на сіе согласіе, то не угодно ли будетъ г. Президенту извѣстить Комитетъ какъ о предположеніяхъ Общества по сему предмету, такъ въ подробности о пособіяхъ, какія признаетъ оно нужными для приведенія оныхъ въ дѣйствіе, и въ какое ближайшее отношеніе къ казенному управленію полагаетъ онъ поставить Московское Земледѣльческое заведеніе; если же и засимъ Общество предпочтетъ остаться при прежнемъ намѣреніи своемъ передать хуторъ въ посессионное владѣніе частнаго лица, то увѣдомить о семъ Комитетъ, для дальнѣйшаго обсужденія сего дѣла.

Поелику же при согласіи Московскаго Общества сельскаго хозяйства на предложеніе Комитета, необходимо будетъ оказать оному немаловажныя денежные пособія, то предоставитъ Министру Финансовъ на таковое предложеніе Обществу испросить предварительно Высочайшее соизволеніе.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей не присутствовалъ въ Комитетѣ за болѣзнію.

Подписали: *Н. Мордвиновъ*, графъ *И. Васильчиковъ*, графъ *Е. Канкринъ*, *К. Нарышкинъ*, *Д. Блудовъ*.

Скрѣпилъ: Управляющій дѣлами Комитета *А. Княжевичъ*.

ЗАСѢДАНІЕ III.

27 Генваря 1834 г.

Рукою ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ
написано: *исполнить*.

Рукою Министра Финансовъ: Спб. 2
февраля 1834.

Комитетъ слушалъ:

1) Внесенные Министрами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, исправленные согласно съ дѣланными во II-мъ засѣданіи Комитета замѣчаніями:
а) планъ изданія Земледѣльской Газеты и б) проектъ положенія объ управленіи Главнаго Директора земледѣльческихъ заведеній,

и 2) Записку Адмирала Мордвинова слѣдующаго содержанія:

а) Когда Департаментъ Мануфактуръ находится въ управленіи Министра Финансовъ, то и Департаментъ объ усовершенствованіи земледѣлія необходимо долженъ отъ него же зависѣть; ибо въ Россіи земледѣліе есть первая и главная мануфактура.

б) Земледѣліе тѣсно соединено съ рукодѣліемъ; отъ взаимнаго ихъ дѣйствія токмо одного на другое возможно ожидать благосостоянія обоихъ. Какъ нуженъ сбытъ для земледѣльца сырыхъ его произведеній, такъ равно для пространнаго фабричнаго производства нужна дешевизна таковыхъ произведеній.

в) Въ Россіи главныя статьи доходовъ государственныхъ приобрѣтаются отъ земледѣльцевъ, ибо число ихъ изъ всего народонаселенія составляетъ $\frac{9}{10}$.

г) Способы къ усовершенствованію земледѣлія въ Россіи и къ содѣланію онаго богатѣйшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ находятся въ рукахъ Министра Финансовъ: безъ пожертвованія на сіе денегъ нельзя надѣяться никакого успѣха. Должно послѣдовать примѣру земледѣльца, который начинаетъ съ расхода. Онъ бросаетъ зерно въ землю, которое потомъ, при усовершенствованномъ земледѣліи, возрождается въ 15 и 20 зернъ, и тѣмъ за пожертвованное сначала щедрое получаетъ вознагражденіе.

По симъ уваженіямъ, земледѣльческій Департаментъ долженъ быть въ зависимости Министра Финансовъ; а притомъ Министръ Финансовъ долженъ быть предсѣдателемъ Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія.

Сверхъ того, въ Россіи нѣтъ сословія, которое бы особенно занималось земледѣльческою наукою и изъ котораго бы главнѣйше могли вы-

ходить люди, способные быть управителями въ селахъ и деревняхъ; и какъ успѣхи во всякомъ новомъ государственномъ предпріятіи зависятъ отъ поощрительныхъ со стороны Правительства мѣръ, то по мнѣнію Адмирала Мордвинова, Комитету предлежитъ священный подвигъ возродить таковое сословіе, испросивъ отъ Высочайшей власти право, чтобы люди всякаго званія, опредѣлившіе себя на изученіе усовершенствованному сельскому хозяйству и получившіе въ знаніи онаго аттестаты отъ Вольнаго Экономическаго Общества и отъ подобныхъ же Обществъ Московскаго, Одесскаго и Лифляндскаго, освобождаемы были отъ податнаго состоянія, если бы они въ таковомъ находились.

Въ присвоеніи правъ ученымъ земледѣльцамъ возможно было бы принять за руководство Высочайше утвержденное положеніе объ устройствѣ С.-Петербургскаго Технологическаго Института, коего въ 15-мъ § сказано: «выпускаемымъ воспитанникамъ, окончившимъ курсъ ученія съ совершеннымъ успѣхомъ, присвоивается званіе ученыхъ мастеровъ и они снабжаются аттестатами и безсрочными паспортами. Они лично освобождаются отъ поступленія въ рекруты, кромѣ какъ по судебному приговору, и отъ тѣлеснаго наказанія и исключаются изъ подушнаго оклада. На нихъ не возлагается обязанности записываться въ торговые разряды, если сами не будутъ заводить торговаго или фабричнаго дѣла, и имъ дозволяется производить работы безъ записи въ цехъ. Сими правами воспользуются и дѣти ихъ, если пойдутъ по стезѣ родителей; въ противномъ случаѣ обязаны они будутъ избрать себѣ родъ жизни».

Подвигъ Правительства объ усовершенствованіи въ Россіи земледѣлія есть столь важный и столь благотворный, что не должно ли объ ономъ обнародовать Высочайшимъ Манифестомъ, и тѣмъ обратить всеобщее вниманіе и усердіе.

Комитетъ *положилъ*:

1) Утвердивъ окончательно одобренный Комитетомъ планъ Земледѣльской Газеты, предоставить Министрамъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, по взаимномъ соглашеніи о всѣхъ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ по сему предмету, равно какъ и о Департаментѣ, коему поручить заведываніе редакціею газеты, приступить къ окончательнымъ мѣроположеніямъ касательно изданія оной. Цѣну газеты назначить по два руб. сер. въ годъ; за первый же годъ, такъ какъ начнется нѣсколькими мѣсяцами позже, по соразмѣрности со временемъ начатія, 5 руб. ассигнаціями или одинъ рубль серебромъ. Засимъ предоставить Министру Финансовъ въ свое время испросить Высочайшее разрѣшеніе на отпускъ потребныхъ на сіе изданіе издержекъ.

2) Касательно подчиненія Главнаго Директора земледѣльческихъ заведеній Министерству Финансовъ, хотя Министръ Финансовъ и ото-

звался, что по обширности и сложности частей, сему Министерству подвѣдомственныхъ, всякое новое занятіе будетъ для онаго обременительно, но прочіе члены, имѣя особенно въ виду, что первоначальное учрежденіе земледѣльческихъ школъ и опытныхъ заповѣдей потребуетъ большихъ построекъ и значительныхъ на то суммъ, полагали удобнѣйшимъ, на первый разъ, впредь до усмотрѣнія, поставить Главнаго Директора въ непосредственной зависимости отъ Министра Финансовъ, почему Комитетъ и положилъ имѣть о семъ предметѣ окончательное разсужденіе по прочтеніи всѣхъ вообще проектовъ постановленій, касательно предложенныхъ Комитетомъ учреждений. Съ симъ вмѣстѣ Комитетъ не могъ не принять съ признательностію мнѣнія объ учрежденіи особаго класса людей, свѣдущихъ въ земледѣліи, какъ собственно по части науки, такъ и по примѣненію оной, при самомъ исполненіи. А какъ Министръ Финансовъ при семъ объяснилъ, что въ составленномъ уже проектѣ положенія о земледѣльческихъ школахъ включена и статья о предоставленіи воспитанникамъ оныхъ высшаго разряда всѣхъ правъ воспитанниковъ Технологическаго Института, то и оставалось бы только положить на мѣрѣ касательно дарованія сихъ правъ воспитанникамъ другихъ учебныхъ заведеній, аттестованныхъ Вольнымъ Экономическимъ и прочими Обществами сельскаго хозяйства. Комитетъ, по ближайшей связи предмета, призналъ за лучшее отложить окончательное объ ономъ сужденіе до разсмотрѣнія вышесказаннаго проекта положенія о земледѣльческихъ школахъ. Засимъ, одобливъ окончательно проектъ положенія объ управленіи Главнаго Директора земледѣльческихъ заведеній, Комитетъ счелъ нужнымъ только сдѣлать въ ономъ слѣдующія измѣненія: *во первыхъ*: относительно упомянутой выше зависимости Главнаго Директора, впредь до усмотрѣнія, отъ Министра Финансовъ, буде сіе окончательно за необходимое признано будетъ, и *во вторыхъ*: поеліку при производствѣ строеній земледѣльческихъ школъ, занятія по управленію Главнаго Директора умножатся, то на время таковыхъ большихъ построекъ дозволить прибавить къ оному еще одинъ столъ, по строительной части, и другихъ необходимыхъ для сего чиновниковъ, съ обращеніемъ потребныхъ на сіе издержекъ на сумму, на самое производство строеній назначенную. Сообразно съ симъ, Комитетъ заключилъ: положеніе о Главномъ Директорѣ съ вышесказанными измѣненіями, по утвержденіи остальныхъ проектовъ объ учрежденіи земледѣльческихъ школъ и заведеній для усовершенствованныхъ орудій, совокупно съ оными, по особому журналу Комитета, представить куда слѣдовать будетъ.

и 3) Въ то же время постановить заключеніе и насчетъ самаго образа обнародованія принимаемыхъ нынѣ Правительствомъ мѣръ касательно распространенія въ Россіи усовершенствованнаго земледѣлія.

Членъ Комитета Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей не присутствовалъ въ настоящемъ засѣданіи онаго за болѣзнію.

Подписали: *Н. Мордвиновъ*, графъ *И. Васильчиковъ*, графъ *Е. Канкринъ*, *К. Нарышкинъ*, *Д. Блудовъ*.

Скрѣпилъ: Управляющій дѣлами Комитета *А. Княжевичъ*.

ЗАСѢДАНІЕ IV.

7 Февраля 1834 г.

Слушана сообщенная Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ выписка изъ отношенія Бѣлорускаго Генераль-Губернатора князя Хованскаго, объ отдачѣ принадлежащаго тамошнему Вольному Экономическому Обществу хутора съ крестьянами въ пятилѣтнее пользованіе члена того Общества, Статскаго Совѣтника Гюбенталя, на предложенныхъ имъ условіяхъ.

Изъ означеннаго отношенія князя Хованскаго видно, что Бѣлорусское Общество, пріобрѣтя по акціямъ, съ выдачею 10 т. р. отъ казны, фольварокъ съ двумя деревнями и 38-ю душами крестьянъ, хотя и предполагало устроить въ ономъ образцовый хуторъ съ земледѣльческою школою для помѣщичьихъ крестьянъ, но по неотысканію знающихъ и благонадежныхъ людей для приведенія сего въ исполненіе цѣль Общества не могла быть достигнута, и опасаясь, чтобы въ настоящую трудную годину хуторъ не пришелъ въ вѣщшее разстройство, Общество признало послѣднимъ средствомъ отдать оный съ крестьянами на 5 лѣтъ члену своему Статскому Совѣтнику Гюбенталю, который, принимая хуторъ въ полное свое распоряженіе, съ законною властію надъ крестьянами, вызывается въ означенное время возвести на свой счетъ всѣ нужныя, по назначенію и плану Общества, хозяйственныя строенія, вмѣсто принимаемыхъ отъ Общества 20 дойныхъ коровъ возвратитъ 50 штукъ рогатаго скота улучшенной породы и столько же испанскихъ овецъ, выстроить, также на свой счетъ, деревню съ 8-ю домами, со всѣмъ нужнымъ для крестьянскаго быта устройствомъ, фруктовыми садами и огородами, раздѣлить поля удобнѣйшимъ образомъ, устроить пролегающія по землямъ хутора дороги и, отвѣтствуя за исправный платежъ крестьянами всѣхъ повинностей и во все время срока, по истеченіи онаго сдать всѣ поля обрѣянные надлежащимъ образомъ, и сверхъ того на цѣлый годъ хлѣба для посѣва, какъ озимаго, такъ и ярового.

Комитетъ, имѣя въ виду съ одной стороны, что данныя Обществу отъ казны въ пособіе 10 т. р. отпущены безвозвратно и означенное

имѣніе, будучи куплено по акціямъ, составляетъ собственность Общества, а съ другой, что показанный хуторъ не можетъ входить въ число тѣхъ заведеній, кои Комитетъ предположилъ учредить въ разныхъ странахъ Россіи для ознакомленія съ усовершенствованными методами земледѣлія, и сверхъ того, усматривая очевидную выгоду условій, на коихъ предлагаетъ Гюбенталь взять тотъ хуторъ въ пятилѣтнее содержаніе, не находитъ съ своей стороны никакихъ препятствій къ изъявленію своего на то согласія, и даже полагаетъ возможнымъ, если успѣхъ будетъ соответствовать ожиданію, предоставить Гюбенталю управленіе тѣмъ хуторомъ и на бѣльшее число лѣтъ, почему и заключилъ: разрѣшить Генералъ-Губернатору князю Хованскому, чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, дозволить Обществу отдать принадлежащій оному хуторъ Статскому Совѣтнику Гюбенталю на предложенныхъ имъ условіяхъ.

Подписали: *Н. Мордвиновъ, графъ И. Васильчиковъ, графъ Е. Канкринъ, К. Нарышкинъ, Дмитрій Васильчиковъ, Д. Блудовъ.*

Скрѣпилъ: Управляющій дѣлами Комитета *А. Княжевичъ.*

ЗАСѢДАНІЕ IV.

7 Февраля 1834 г.

Рукою Министра Финансовъ написано: Высочайше повелѣно представить проекты въ Государственный Совѣтъ.
Спб. 23 Февраля 1834 г.

Министръ Финансовъ предъявилъ Комитету Высочайше утвержденные во 2 день сего Февраля:

1) Журналъ прошедшаго засѣданія Комитета, коимъ заключено было испросить Высочайшее соизволеніе на предложеніе Московскому Обществу сельскаго хозяйства, не признаетъ ли оно полезнѣйшимъ, вмѣсто предположенной имъ отдачи принадлежащаго ему опытнаго близъ Москвы хутора въ посессионное сорокалѣтнее владѣніе профессору Павлову, оставить управленіе симъ хуторомъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи, съ полученіемъ отъ казны нужныхъ какъ на дальнѣйшее онаго устройство, такъ и на годовое содержаніе денежныхъ пособій,

и 2) Докладную записку Министра Финансовъ: а) о дозволѣніи принять въ службу извѣстнаго уже Комитету, по представленной запискѣ объ учрежденіи въ Россіи практическихъ опытныхъ зашашекъ, иностранца фонъ-Штейгера въ званіи практическаго агронома, съ причисленіемъ

его, впредь до учрежденія особаго управленія земледѣльческими заведеніями и до опредѣленія его къ постоянному мѣсту, къ Министерству Финансовъ и съ производствомъ жалованья по 3 т. р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы первоначально употребить его при отысканіи мѣстъ для предполагаемаго учрежденія опытныхъ запашекъ и при самомъ устройствѣ оныхъ, и б) объ отправленіи въ нынѣшнемъ году до 8-ми и въ будущемъ до 4-хъ воспитанниковъ Горнаго и Лѣсного Институтовъ сперва въ Дерптъ для слушанія лекцій профессора Шмальца, а потомъ въ чужіе краи, съ отпускомъ нужныхъ на то издержекъ изъ Государственнаго Казначейства, по ближайшему усмотрѣнію Министра Финансовъ.

Комитетъ, принявъ сіе къ свѣдѣнію, предоставилъ Министру Финансовъ сдѣлать надлежащія по сему предмету распоряженія. Присемъ Комитетъ не могъ не признать всей важности образованія въ Россіи людей, свѣдущихъ въ наукѣ сельскаго хозяйства, ибо не токмо земледѣльческія школы, но и каѳедры нашихъ университетовъ нуждаются въ оныхъ, а потому и счелъ нужнымъ поручить Министру Финансовъ обратить особенное вниманіе какъ на усиленіе внослѣдствіи числа молодыхъ людей, назначаемыхъ на сей конецъ къ отправленію въ Дерптъ и потомъ за границу, такъ и на самый выборъ оныхъ; при посылкѣ же ихъ въ чужіе краи, имѣть въ виду не столько, чтобы они объѣхали многія мѣста, ибо тогда могутъ они получить одни общія свѣдѣнія, но чтобы пробыли достаточное время въ какомъ-либо извѣстномъ учебномъ земледѣльческомъ заведеніи, для пріобрѣтенія частныхъ и подробныхъ практическихъ познаній.

Засимъ предложены были къ слушанію Комитета, исправленные сообразно съ дѣланными въ прошедшемъ засѣданіи онаго замѣчаніями, проекты:

а) Положенія о казенныхъ земледѣльческихъ школахъ съ опытными при оныхъ запашками, штатъ оныхъ и примѣрные соображенія о потребныхъ для сего строеніяхъ и издержкахъ,

и б) Положенія о заведеніи для приготовленія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ и о депо оныхъ, со штатомъ.

Комитетъ положилъ проекты сіи утвердить.

Съ симъ вмѣстѣ, Комитетъ, окончивъ все то, что подлежало на первый разъ къ исполненію для достиженія Высочайше предположенной при учрежденіи онаго цѣли, обратился къ окончательнымъ мѣроположеніямъ, по сему нужнымъ, и сообразно съ тѣмъ положилъ:

1) поручить Министру Финансовъ поднести на предварительное благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества утвержденные Комитетомъ проекты разныхъ положеній: объ управленіи Главнаго Директора земледѣльческихъ заведеній, о земледѣльческихъ школахъ съ запашками и о

заведенія для приготовленія орудій и испросить Высочайшее соизволеніе на внесеніе оныхъ въ Государственный Совѣтъ. А какъ при семъ Министръ Финансовъ вторично отозвался, что онъ полагаетъ невозможнымъ умножить занятія Министерства Финансовъ присоединеніемъ къ оному, хотя на время, дѣлъ по Главному Управленію земледѣльческими заведеніями, Комитетъ же, какъ по связи земледѣлія съ промышленностію и мануфактурами, такъ по важности государственныхъ доходовъ, отъ усовершенствованія онаго ожидаемыхъ, и особенно по значительности расходовъ, требующихся на первоначальное учрежденіе предполагаемыхъ для сей цѣли заведеній, полагалъ, что для самаго успѣха дѣла необходимо подчинить означенное управленіе Министру Финансовъ, то представить о семъ на благоусмотрѣніе Государа Императора.

2) Если на дальнѣйшее представленіе означенныхъ положеній послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, то поручить Министрамъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ внести одобренные Комитетомъ проекты въ Государственный Совѣтъ, при особой запискѣ, въ которой изложить какъ ходъ сего дѣла, такъ и все то, что къ вѣщшему объясненію предположеній Комитета нужно быть можетъ. Поелику же вопросъ о томъ, должно ли обнародовать означенныя положенія при Высочайшемъ Манифестѣ или при указѣ Правительствующему Сенату, Комитетомъ не разрѣшенъ, то представить въ Государственный Совѣтъ проекты тому и другому, на дальнѣйшее онаго усмотрѣніе.

3) Когда помянутыя положенія удостоятся одобренія Государственного Совѣта и Высочайшаго утвержденія, то присканіе мѣстъ для земледѣльческихъ школъ, составленіе подробныхъ плановъ и смѣтъ и прочія мѣроположенія предоставить, впредь до назначенія Главнаго Директора земледѣльческихъ заведеній, тому Министерству, которому Главное Управленіе сими заведеніями поручено будетъ, причемъ имѣть въ виду, чтобы при семъ, особенно же при составленіи плана о дѣйствіяхъ практическаго хутора, были дѣлаемы совѣщанія съ опытными по сей части людьми, всѣ же предположенія по сему предмету представлять на дальнѣйшее разсмотрѣніе Комитета.

При семъ Комитетъ, принявъ въ соображеніе необходимыя важныя издержки, сопряженныя съ учрежденіемъ земледѣльческихъ школъ, и что удобнѣе будетъ не начинать слишкомъ многихъ предпріятій вдругъ, положилъ: ограничиться на первый разъ двумя школами: одною въ губерніи Кіевской или которой либо изъ югозападныхъ, по дальнѣйшему впредь усмотрѣнію, а другой, на семъ же основаніи, въ одной изъ восточныхъ губерній, напримѣръ—Нижегородской или Казанской, такъ какъ въ Москвѣ существуетъ уже земледѣльческая школа и опытный при ней хуторъ, которые могутъ замѣнить потребность въ подобныхъ

заведеніяхъ собственно въ срединѣ земледѣльческой Россіи, по построеніи же сихъ школъ самыя опыты укажутъ, въ какихъ мѣстахъ и на какомъ основаніи число ихъ можетъ быть умножено; а между тѣмъ предоставить Министру Финансовъ пріискать суммы, на покрытіе такихъ заведеній потребныя.

4) Какъ изданіе Земледѣльческой Газеты положено уже Комитетомъ окончательно на мѣру и приведеніе сего въ исполненіе предоставлено взаимному соглашенію Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, то поручить первому изъ нихъ испросить въ свое время Высочайшее соизволеніе на отпускъ потребной на сіе изданіе суммы,

и 5) Что касается до предположенія Адмирала Мордвинова объ освобожденіи изъ податнаго состоянія людей, обучившихся усовершенствованному сельскому хозяйству и получившихъ въ познаніяхъ своихъ аттестаты отъ Вольнаго Экономическаго Общества и отъ подобныхъ же Обществъ: Московскаго, Лифляндскаго и Южной Россіи, то поручить Министрамъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ включить о семъ какъ въ представленіи ихъ въ Государственный Совѣтъ, такъ и въ проектахъ Манифеста и Указа, при коихъ предполагается обнародовать вновь составленныя по сей части положенія, упомянувъ, что означеннымъ Обществамъ предоставляется, чрезъ своихъ Президентовъ, ходатайствовать о награжденіи людей свободнаго состоянія, пріобрѣвшихъ отличныя свѣдѣнія въ земледѣліи, тѣми преимуществами, кои въ 6-мъ § Положенія о казенныхъ земледѣльческихъ школахъ предназначены воспитанникамъ оныхъ.

Подписали: *Н. Мордвиновъ, графъ И. Васильчиковъ, графъ Е. Канкринъ, К. Нарышкинъ, Дмитрій Васильчиковъ, Д. Блудовъ.*

Скрѣпилъ: Управляющій дѣлами Комитета *А. Княжевичъ.*

ЗАСѢДАНІЕ V.

23 Марта 1835 г.

На подлинномъ написано: Докладывано
Его Величеству. С-Петербургъ 5 Апрѣля
1835 г. Графъ *Канкринъ.*

О НЕПРИЗНАВАНІИ ЗАПИСКИ ТАЙНАГО СОВѢТНИКА МУРАВЬЕВА О ХЛѢБОПАШЕСТВѢ
ЗАСЛУЖИВАЮЩЕЮ ОСОБАГО ВНИМАНІЯ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, получивъ отъ Его Императорскаго Величества записку Тайнаго Совѣтника Муравьева подъ заглавіемъ «Новое истинное понятіе о русскомъ хлѣбопашествѣ», по разсмотрѣніи оной, всеподданнѣйше представлялъ Его Величеству, что предполагаемая въ

оной т. с. Муравьевымъ система обезпеченія народнаго продовольствія, взамѣнъ принятой въ положеніи 5-го Іюля 1834 г., имѣющая, какъ кажется, въ главномъ основаніи, сходство съ системою обезпеченія посредствомъ общественной запашки—въ примѣненіи ко всему государству представляется неудобною въ исполненіи и едва ли возможною; но при всемъ томъ записка его, какъ заключающая въ себѣ сверхъ того разныя другія къ государственному и сельскому хозяйству относящіяся свѣдѣнія, можетъ быть, заслуживаетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія людей, извѣстныхъ своею опытностію въ сельскомъ хозяйствѣ.

Вслѣдъ за симъ, Статсъ-Секретарь Танѣевъ отнесся къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что Государь Императоръ соизволяетъ, чтобъ записка сія была препровождена на разсмотрѣніе и заключеніе Комитета, учрежденнаго по Высочайшему повелѣнію для изысканія средствъ къ улучшенію земледѣлія и сельскаго хозяйства въ Россіи.

Существенное содержаніе сей записки заключается въ слѣдующемъ:

Продовольствіе 50.000.000 жителей Россіи, изъ коихъ 40 м. хлѣбопашествующихъ, а изъ нихъ 20 м. работающихъ и могущихъ работать, обезпечивается совершенно хлѣбомъ, произрастающимъ ежегодно въ количествѣ по крайней мѣрѣ 350 м. четвертей, полагая посѣва на каждыя двѣ работающія обоюго пола души отъ 4-хъ до 6-ти четвертей озимаго хлѣба, т. е. до 60 м. четвертей, а ярового вдвое, т. е. до 120 м. четвертей, и урожай низшій: озимаго въ самъ-третей, до 150 м. четвертей, а ярового въ два раза, до 200 м. четвертей.

Сіе исчисленіе вѣроятно не согласно съ свѣдѣніями, собираемыми въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, ибо по таковымъ за 1833 г. показано въ посѣвѣ озимаго хлѣба только 19 м. четвертей, что составитъ едва по 2 четверти на работающаго, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ Новгородской губерніи помѣщичьи крестьяне засѣваютъ для себя и для господина на каждое тягло по 4 четверти, а въ Тульской, Воронежской и прочихъ по 6-ти четвертей.

Еслибъ посѣвъ былъ столь малъ, а неурожай столь великъ, какъ показано въ 1833 г., то едва ли можно было бы пособить 25 губерніямъ, въ которыхъ на одно пропитаніе потребно озимаго хлѣба до 40 м., а ярового до 60 м. четвертей, издержанными на сей предметъ 20 милліонами рублей.

Изъ сего слѣдуетъ, что голода въ Россіи не было и не могло быть.

Долговременный опытъ убѣдилъ сочинителя, что во всѣхъ губерніяхъ земля обдѣлывается и засѣвается надлежащимъ образомъ, и вообще русскіе отменно хорошо знаютъ сельское хозяйство.

Но они не довольно расчетливы и бережливы, а потому при малѣйшей опасности недостатка жалуются на оный и тѣмъ даютъ поводъ къ про-

возглашенію голода, коего возможности сочинитель никакъ не допускаетъ, потому, что на столь огромномъ пространствѣ, какъ Россія, повсемѣстнаго урожая быть не можетъ, а случайный недостатокъ въ одномъ мѣстѣ замѣняется избыткомъ въ другомъ.

По симъ уваженіямъ сочинитель считаетъ учрежденіе сельскихъ магазиновъ совершенно бесполезнымъ, ибо сборъ и храненіе отъ 25 до 75 м. четвертей хлѣба есть тягость какъ для народа, такъ и для должествующихъ отвѣтствовать за исполненіе сей мѣры. Количество сіе отнюдь не обезпечиваетъ продовольствія Имперіи, коей нужно одного озимаго до 100 милліоновъ четвертей.

Узаконенія о сельскихъ запасныхъ магазинахъ, существующія со временъ Императора Петра I и возобновляемыя въ каждое слѣдующее царствованіе, никогда не могли быть приведены въ полное исполненіе, а запасъ 75 м. четвертей можетъ уронить бодрость хлѣбопашцевъ, угрожая имъ пониженіемъ цѣнъ, и сверхъ того свидѣтельствованіе сихъ магазиновъ сопряжено съ большими злоупотребленіями и неправдою, что составляетъ вредъ моральный.

Полагая, что обширная, даже и поверхностная запашка несравненно выгоднѣе и свойственнѣе Россіи, чѣмъ глубокое ораніе и чрезмѣрное удобреніе малыхъ полей, сочинитель предлагаетъ для обезпеченія навсегда не только продовольствія, но и благосостоянія Россіи:

1) Въмѣсто тягостной повинности откладывать ежегодно въ запасные магазины по $\frac{1}{2}$ четверика ржи съ ревизской души, издать положительный законъ, чтобъ каждый работающій житель селенія ежегодно непременно засѣвалъ по четыре четверти озимаго хлѣба, уваживая не менѣе 4-хъ десятинъ земли тукомъ отъ малочисленнаго скота, нужнаго ему для воздѣланія сего пространства земли, и чтобы онъ затѣмъ четыре десятины, бывшія у него подъ озимью, засѣялъ, равномерно по произволу, яровымъ хлѣбомъ, такъ, чтобы на каждую ревизскую душу мужескаго пола было неотмѣнно пашни не менѣе полуторы десятины въ каждомъ полѣ, вообще крестьянскомъ или помѣщичьемъ, засѣянныхъ, по причинѣ умѣреннаго удобренія, 2-мя четвертями озимаго хлѣба, $4\frac{1}{2}$ четвертями овса и 2-мя четвертями ячменя или гречи, или чтобъ на каждую ревизскую душу было засѣяно озимаго хлѣба не менѣе двухъ четвертей въ пользу собственно того, кому поле принадлежитъ.

2) Ободрять хлѣбопашество улучшеніемъ цѣнъ на сельскія произведенія и освобожденіемъ онаго отъ гнета, многочисленности и взыскательности узаконеній.

3) Принять непремѣннымъ правиломъ, чтобъ въ Россіи было всюду на каждую ревизскую хлѣбопашествующую душу по 10 и даже по 15-ти десятинъ земли.

4) Въмѣсто направленія вниманія хлѣбопашцевъ къ многопольному хозяйству, обратить оное на необходимость уменьшать всѣми возможными средствами излишнюю снѣговую воду на пашняхъ и лугахъ, подвергающую, какъ застоичивостью, такъ и медленнымъ стеченіемъ своимъ, озимый хлѣбъ и травы неизбѣжнымъ и вреднѣйшимъ для нихъ вымочкамъ, препятствующимъ скорому созрѣванію и подводящимъ неспѣлый хлѣбъ подъ осенніе дожди и ранніе морозы.

Для сего необходимо нужно избѣгать запруживанія воды для видовъ садовыхъ, и стараться спускать оную прокопами изъ лощинъ и углубленій, окруженныхъ возвышеніями въ срединѣ полей, а также постановить законъ, покровительствующій усиліямъ благоразумныхъ владѣльцевъ къ отдаленію застоичивыхъ и излишнихъ водъ, даже и по желанію одного только изъ владѣющихъ сими водами.

При соблюденіи сихъ основныхъ правилъ, сельское хозяйство въ Россіи, по мнѣнію сочинителя, не потребуетъ никакого несвойственнаго климату улучшенія, и можно будетъ смѣло оставить крестьянамъ легкую ихъ соху, взрыхливающую землю не болѣе какъ на два или на три вершка, дабы успѣть заорать сколь можно большее пространство земли, засѣять оную ранѣе и скорѣе убрать созрѣвшій хлѣбъ.

Сообразивъ изъясненія сочинителя въ главныхъ чертахъ и не входя въ подробность, открывается слѣдующее:

1) Наводится сомнѣніе на вѣрность показаній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о количествѣ посѣва и урожая хлѣба, и сочинитель дѣлаетъ съ своей стороны другое исчисленіе. Но если согласиться, что по существенной трудности самаго дѣла, свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ могутъ быть не совсѣмъ положительны, то и исчисленія, помѣщенные въ запискѣ, также совершенно произвольны, почему и не могутъ вести къ вѣрному заключенію.

2) Хотя Россія есть обширнѣйшее государство, имѣющее большія различія въ климатѣ, почвѣ и мѣстоположеніи вообще, но сочинитель, по инымъ объясненіямъ, излагаетъ такія общія правила, кои отнюдь не могутъ служить повсемѣстно, напр. что вездѣ луговъ такъ много, что ихъ нельзя успѣть косить, а въ другихъ случаяхъ даетъ правила столь тѣсныя, что они могутъ служить только для части Россіи. Такъ, въ запискѣ придается особенная важность водяности полей, что можетъ быть принято до извѣстной степени только въ губерніяхъ плоскихъ и сѣверныхъ, напр. Новгородской, тогда какъ южная полоса болѣе страдаетъ отъ засухи.

3) Сочинитель считаетъ, что въ Россіи на каждую душу должно имѣть 15 дес. земли, обрабатывать не менѣе $1\frac{1}{2}$ десят. въ каждомъ полѣ и высѣвать до 2 четвертей озимаго и до $6\frac{1}{2}$ ярового на ревизскую

душу, но правительство не въ состояніи умножать количества земель тамъ, гдѣ оныхъ нѣтъ, и вообще число свободныхъ земель не столь велико.

4) Если сочинитель увѣряетъ, что излишне всякое улучшеніе хлѣбопашества, и что только нужно умножить посѣвы, то правило сіе можетъ быть отчасти допущено въ мѣстахъ весьма изобилующихъ хорошими землями, а извѣстно, что во многихъ лучшихъ губерніяхъ терпятъ отъ недостатка земли, слѣдовательно улучшеніе хлѣбопашества необходимо, дабы на меньшемъ пространствѣ получить большее количество произведеній. Самое расширеніе посѣвовъ въ мѣстахъ мало плодородныхъ отнюдь не ведетъ, по сложности лѣтъ, къ умноженію жатвъ, ибо умѣренное количество пашни, хорошо обработанной и хорошо унавоженной, приноситъ болѣе пользы; но если бы въ самомъ дѣлѣ можно было расширить до предполагаемой степени посѣвы зернового хлѣба, то что дѣлать съ излишествомъ онаго? Вывозъ изъ государства ограниченъ, развозка въ дальнія мѣста затруднительна; слѣдовательно цѣны на хлѣбъ упадутъ до ничтожности. Посему не одно увеличеніе количества добываемаго хлѣба нужно для Россіи, но надобно умножить и число другихъ произведеній, кои могутъ находить удобный сбытъ, а сіе есть также цѣль улучшеннаго хлѣбопашества. Впрочемъ, польза сего послѣдняго въ Россіи не есть одна книжная мечта, а доказана нѣкоторыми провинціями, гдѣ многопольное хозяйство—важнѣйшее условіе улучшеннаго земледѣлія—введено съ очевидною пользою въ большей части имѣній, и другими губерніями, гдѣ начинаютъ оное отчасти вводить.

5) Разсужденія сочинителя о сельскихъ запасныхъ магазинахъ могли бы имѣть нѣкоторое основаніе, если бы можно было полагать, что весь предположенный къ сбору хлѣбъ, всего до 30 м. четвертей, могъ накопиться сполна. Но какъ въ теченіе назначеннаго для сбора времени будутъ и неурожайные годы, то всегда значительная часть хлѣба должна будетъ находиться въ раздачѣ въ ссуду, и вовсе не накопится слишкомъ огромнаго количества. Кромѣ того, всегда изъ года въ годъ долженъ оставаться большой запасъ хлѣба, и польза сельскихъ запасныхъ магазиновъ, особливо для посѣва, оправдалась тамъ, гдѣ они не были пусты.

6) Нельзя считать, чтобы послѣ неурожая 1833 г. Россія была въ такомъ бѣдственномъ положеніи, изъ коего могла бы быть извлечена 20 м. руб., ибо дѣйствительно не было такого голода, и если бы онъ былъ, то никакими мѣрами правительству нельзя было бы отвратить онаго. Впрочемъ, высокія цѣны на хлѣбъ суть лучшее доказательство скуднаго урожая во многихъ мѣстахъ.

Разныя другія одностороннія утвержденія сочинителя, какъ-то: о мелкомъ паханіи, о превосходствѣ сохи и проч. отнюдь не могутъ быть признаны истинными для всей Россіи.

Заключеніе. По всѣмъ симъ уваженіямъ Комитетъ, не предвидя, чтобы изъ сего сочиненія можно было извлечь какую либо пользу, ни для правительства, ни для публики, положилъ о таковомъ заключеніи своемъ довести чрезъ Министра Финансовъ до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества.

Подписали: графъ *Н. Мордвиновъ*, графъ *И. Васильчиковъ*, графъ *Е. Канкринъ*, *Кирилъ Нарышкинъ*, *Дмитрій Васильчиковъ*, *Д. Блудовъ*.

Скрѣпилъ: Управляющій дѣлами Комитета *А. Княжевичъ*.

ЗАСѢДАНІЕ VI.

10 Августа 1835 года.

На подлинномъ написано: Высочайше
утверждено въ Теплицѣ 22 Сентября (4
Октября) 1835 года. Графъ *Канкринъ*.

Комитетъ слушалъ внесенный Министромъ Финансовъ, при особой запискѣ, отзывъ Президента Московскаго Общества сельскаго хозяйства и приложенныя къ оному:

- 1) Мнѣніе о внутреннемъ составѣ того Общества со штатомъ.
- 2) Мнѣніе о новомъ устройствѣ опытнаго хутора и земледѣльческой школы, со штатомъ и росписаніемъ учебныхъ часовъ, и
- 3) Приблизительное исчисленіе матеріаловъ и суммъ, потребныхъ на построеніе опытнаго хутора сельскаго хозяйства.

Изъ дѣлъ Комитета по сему предмету видно:

Высочайше конфирмованнымъ журналомъ онаго 27 Января 1834 г. положено было: по согласіи съ Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, какъ Президентомъ тамошняго Общества сельскаго хозяйства, предложить чрезъ него Обществу: не признаетъ ли оно полезнѣйшимъ, не отдавая опытнаго своего хутора въ поссессионное владѣніе профессору Павлову, оставить управленіе онаго въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи съ полученіемъ отъ казны нужныхъ какъ на дальнѣйшее устройство онаго, такъ и на годовое содержаніе денежныхъ пособій, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если Общество изъявитъ на сіе согласіе, извѣстить Комитетъ какъ о предположеніяхъ Общества по сему предмету, такъ въ подробности и о пособіяхъ, какія признаетъ нужнымъ для приведенія оныхъ въ дѣйствіе, и въ какое ближайшее отношеніе къ казенному управленію полагаетъ онъ поставить Московское Земледѣльское заведеніе; если же и засимъ Общество предпочтетъ остаться при прежнемъ намѣреніи своемъ передать хуторъ въ поссессионное владѣніе

частнаго лица, то увѣдомить о семъ Комитетъ для дальнѣйшаго обсужденія.

Вслѣдствіе сего Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ сообщилъ нынѣ Министру Финансовъ, что Общество, по возвращеніи его изъ С.-Петербурга, въ 1834 г., имѣло по сему предмету въ Маѣ мѣсяцѣ экстраординарное засѣданіе, въ коемъ заключило: оставить въ непосредственномъ завѣдываніи своемъ опытный хуторъ и, по испрошеніи нужныхъ для устройства онаго пособій, назначить Директору сего заведенія жалованье, или предоставить ему пользоваться произведеніями управляемаго имъ хутора, по данному отъ Общества наставленію; земледѣльческую же школу сдѣлать казеннымъ заведеніемъ, въ коемъ бы Директоръ, учителя и смотрители получали жалованье отъ казны, а по мѣрѣ получаемаго отъ нея пособія, сбавить цѣну платы за учениковъ и тѣмъ облегчить способы помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ школу.

Существо требованій Московскаго Общества по сему предмету состоитъ въ слѣдующемъ:

Денежныя пособія:

	Единовременно. Ежегодно.	
На постройку опытнаго хутора по приложеннымъ планамъ одновременно	112.000 р.	—
На ежегодное содержаніе онаго	—	10.000 р.
На отстройку дома земледѣльской школы и наемъ квартиры на время постройки одновременно	98.000 р.	—
На ежегодное содержаніе оной, по прилагаемому штату	—	25.000 р.
И собственно для Общества, сверхъ отпускаемыхъ уже оному изъ казны 5 т. р. въ годъ еще ежегодно	—	9.000 р.
Всего	210.000	44.000 р.

Присемъ общество ходатайствуетъ, дабы избираемые онымъ въ званіе Непремѣннаго Секретаря и Производителя дѣлъ, помощниковъ его и письмоводителей, числясь въ дѣйствительной службѣ, буде на то имѣютъ право, состояли заурядъ: первый въ 6-мъ, помощники его въ 7-мъ, а письмоводители въ 9-мъ классѣ, и пользовались правомъ на полученіе пенсій изъ Государственнаго Казначейства по выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ въ сихъ должностяхъ, по примѣру профессоровъ и адъюнктовъ при университетахъ; Директоръ же земледѣльской школы и учителя оной были бы сравнены во всѣхъ правахъ съ таковыми же при Губернскихъ гимназіяхъ, и наконецъ, дабы ученики земледѣльской

школы, отдаваемые изъ Императорскихъ воспитательныхъ домовъ и съ успѣхомъ окончившіе въ ней ученіе, пользовались правами свободныхъ воспитанниковъ Воспитательнаго дома, на прежнемъ основаніи и не были обязываемы къ поступленію въ податное состояніе.

Комитетъ, по подробномъ разсмотрѣніи сихъ бумагъ, хотя, съ одной стороны, не могъ не принять въ уваженіе, что Московское земледѣльческое заведеніе раздроблено между самымъ училищемъ и опытнымъ хуторомъ, въ разныхъ мѣстахъ состоящихъ; что хуторъ сей основанъ болѣе на подгородномъ, нежели на общемъ сельскомъ хозяйствѣ, — слѣдовательно учрежденіе сіе не можетъ приносить одинаковой пользы съ подобнымъ заведеніемъ, сосредоточеннымъ на одномъ мѣстѣ и основаннымъ на правилахъ общаго земледѣлія и обыкновенномъ въ Россіи порядкѣ производства работъ; съ другой однакоже стороны, отдавая полную справедливость трудамъ и успѣхамъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства, и не сомнѣваясь, что подъ управленіемъ онаго Московская земледѣльческая школа и опытный хуторъ принесутъ важную пользу, Комитетъ не можетъ не согласиться на отпускъ просимыхъ суммъ, сообразно вышепрописанному распредѣленію, а именно единовременно 210.000 р. и ежегодно по 44.000 р., съ предоставленіемъ Министру Финансовъ, изыскавъ нужные денежные способы, предоставить о выполненіи таковыхъ расходовъ Его Императорскому Величеству особо.

Если на отпускъ вышеозначенныхъ суммъ послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, то предоставить какъ единовременныя, такъ и годовыя суммы, подъ главнымъ направленіемъ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, въ полное распоряженіе Общества, на предначертанномъ онымъ основаніи, не требуя подробнаго отчета, какъ слѣдуетъ при израсходованіи казенныхъ денегъ; равномѣрно оставить на попеченіи Общества всѣ внутреннія распоряженія по заведеніямъ онаго, безъ особаго участія правительства, съ тѣмъ только, чтобы Президентъ Общества увѣдомлялъ Комитетъ, по временамъ, чрезъ Министра Финансовъ, какъ объ успѣхахъ предназначаемыхъ построекъ, такъ и о дальнѣйшемъ ходѣ самаго заведенія.

Что касается до нѣкоторыхъ частныхъ предположеній Общества, то *во-первыхъ*: Комитетъ соглашается, что справедливость требуетъ считать Непремѣннаго Секретаря Общества и прочихъ чиновниковъ канцеляріи онаго въ государственной службѣ, распредѣлить ихъ по разрядамъ чиновъ и предназначить имъ пенсіи; но Комитетъ не находитъ себя въ правѣ дѣлать подробное о семъ предположеніе, предоставляя Предсѣдателю Общества войти о семъ съ особымъ представленіемъ и поступить на семъ же основаніи относительно сравненія Директора земле-

дѣльческой школы и учителей оной съ служащими при другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Во-вторыхъ: Комитетъ признаетъ справедливымъ не вмѣнять въ обязанность обучавшимся въ Земледѣльческой школѣ питомцамъ воспитательныхъ домовъ Опекунскихъ Совѣтовъ избирать родъ жизни; но дѣло сіе также требуетъ разсмотрѣнія общимъ порядкомъ, почему и предоставить предсѣдателю Общества войти о семъ въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ.

Въ заключеніе Комитетъ положилъ: всѣ вышеизложенныя предположенія представить на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе чрезъ Министра Финансовъ.

Въ семъ засѣданіи, за ненахожденіемъ въ столицѣ, не присутствовали: Генераль-Адъютантъ Графъ Васильчиковъ и Двора Его Императорскаго Величества Егермейстеръ Васильчиковъ.

Подписали: графъ *Н. Мордвиновъ*, графъ *Е. Канкринъ*, *Кирилъ Нарышкинъ*, *Д. Блудовъ*.

Скрѣпилъ: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *А. Княжевичъ*.

ЧЕРНОГОРСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

ВЪ РОССИИ

1803 — 1838.

(Составилъ П. О. Морозовъ).

Начало сношеній Россіи съ Черногоріею относится къ первымъ годамъ прошлаго столѣтія. Во время прутскаго похода (1711) Савва Лукичъ Владиславлевичъ, — простой торговецъ масломъ изъ Дубровника, а впослѣдствіи — графъ Рагузинскій, обратилъ вниманіе Петра Великаго на черногорцевъ, которыхъ очень хорошо зналъ, такъ какъ самъ былъ родомъ изъ Герцеговины и съ дѣтства находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ владыкою Черной Горы, митрополитомъ Данииломъ Петровичемъ. Желая воспользоваться содѣйствіемъ черногорскаго народа въ трудной войнѣ съ турками, Петръ Великій поручилъ Владиславлевичу изготovitъ грамоты, призывавшія черногорцевъ, во имя Христова, къ борьбѣ противъ общаго врага; эти грамоты были посланы владыкѣ Даниилу и его брату, князю Лукѣ Петровичу, черезъ двухъ сербовъ, бывшихъ тогда на русской службѣ, — полковника Михаила Милорадовича и капитана Ивана Лукачевича *).

Черногорцы, дѣйствительно, оказали помощь русскимъ войскамъ, удерживая отъ участія въ войнѣ самыхъ храбрыхъ и воинственныхъ жителей Балканскаго полуострова, — потурченныхъ босняковъ, герцеговинцевъ и албанцевъ, — и не давая имъ возможности двинуться къ Пруту.

*) С. Милутиновичъ. Исторія Црне-Горе одъ искона до новіега времена. У Бѣограду 1835, стр. 46 — 49; Кочубинскій. Мы и они (1711 — 1878). Очерки исторіи и политики славянъ. Одесса 1878, стр. 129 — 131. Архимандритъ Н. Дучичъ. Црна Гора, бильешке. У Београду 1874, стр. 42.

Удаляясь, по заключеніи мира, изъ Черногоріи, Милорадовичъ оставилъ тамъ грамоту, написанную имъ въ народномъ собраніи 16 апрѣля 1712 года: восхваляя храбрость и мужество черногорцевъ, онъ подтверждалъ этою грамотою ихъ права и вольности и обѣщалъ, что если они и впредь пожелаютъ сражаться за русскаго царя, то царь снабдитъ ихъ въ изобиліи свинцомъ и порохомъ и всякимъ оружіемъ; въ мирное же время ни они отъ царя, ни царь отъ нихъ ничего не должны требовать («а кад је мир, да не ишту ништа у цара, ни цар од них да не иште ништа, ни други који господар»). Эта грамота, написанная съ общаго согласія и одобренія всего черногорскаго народа, сдѣлалась съ тѣхъ поръ для черногорцевъ, такъ сказать, уставною грамотою, опредѣлявшею и до сихъ поръ еще опредѣляющею отношенія ихъ къ Россіи и Россіи—къ нимъ *).

Турки жестоко отомстили черногорцамъ за эту дружбу съ Россіею: въ 1714 году въ Черногорію вторглось огромное турецкое войско, которое не оставило тамъ камня на камнѣ: «многихъ порубили и предательски умертвили, иныхъ же по каторгамъ развезли, монастыри же и церкви пожгли, и церковныя утвари и ихъ пожитки разграбили, и все весьма разорили и опустошили» **). Послѣ этого погрома владыка Даніиль пріѣхалъ (1715) въ Петербургъ съ просьбою о помощи на возстановленіе разрушенныхъ церквей и монастырей, и Петръ Великій повелѣлъ «за показанныя черногорцами ко Имперію Русскому вѣрную службу и христіанскую ревность, ему митрополиту изъ казны дать церковныя сосуды, архіерейскую и священническія одежды и въ церкви потребныя къ святой службѣ книги», а также 10 тысячъ рублей деньгами и 160 золотыхъ «персонъ» (медалей съ изображеніемъ царя) для раздачи юнакамъ (храбымъ); въ царской грамотѣ было выражено желаніе, «еслибы султанъ паки на государство русское войну всчалъ», то чтобы черногорцы «по единовѣрію и единойзычію» снова пришли на по-

*) Напечатана (на сербскомъ языкѣ) у Милутиновича, 55 — 57, и отсюда перепечатана Кочубинскимъ, I. с., 165—167. Ср. О. М. Бодянского предисловіе къ «Исторіи о Черной Горы» митр. Василия Петровича, въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1860, кн. II.

**) Грамота Петра В. отъ 9 іюля 1715 г.—Милутиновичъ, 65; Кочубинскій, 171.

мощь русскому оружію, и позволено было владыкѣ черезъ два года въ третій присылать въ Петербургъ и Москву монаховъ за вспомошествованіемъ, «съ которыми и посылать въ указный годъ въ Цетинскій монастырь по 500 рублей».

Съ этого времени черногорцы, а также и другіе сербы, начинаютъ все чаще и чаще пріѣзжать въ Россію, одни — за пособіемъ, другіе — вступая въ русскую службу и навсегда оставаясь потомъ у насъ *). Преемникъ Даніила, владыка Савва, пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1744 году и получилъ за все прошедшее время, отъ кончины Петра I, обѣщанное денежное пособіе и грамоту Императрицы Елизаветы **); его преемникъ, митрополитъ Василій Петровичъ, былъ въ Россіи три раза, и въ послѣдній свой пріѣздъ скончался въ Петербургѣ въ 1766 году.

Три года спустя (1769) снова началась война между Россіей и Турціей. Императрица Екатерина II не оставила безъ вниманія черногорцевъ, равно какъ и другихъ христіанъ Балканскаго полуострова. Князь Ю. В. Долгоруковъ былъ посланъ въ Цетинье съ грамотою, приглашавшею всѣхъ балканскихъ христіанъ ополчиться заодно съ Россіей противъ турокъ ***). Всѣ черногорцы откликнулись на этотъ призывъ, немедленно начали войну съ турками и оказали Россіи большую услугу тѣмъ, что отвлекали отъ участія въ борьбѣ противъ русскихъ войскъ самыя надежныя части турецкой арміи.

То-же повторилось и во вторую турецкую войну (1788—92), когда къ черногорскому владыкѣ Петру Петровичу были посланы полковникъ Тутолминъ и премьеръ-майоръ Драшковичъ съ царскою грамотою и письмомъ генерала Заборовскаго, причемъ Императрица пожаловала владыкѣ драгоцѣнную панагію ****). Черногорцы немедленно открыли противъ турокъ военныя дѣйствія заодно съ герцеговинцами, которые были призваны на помощь Россіи особою

*) Какъ показываютъ сербскія фамиліи: Милорадовици, Зоричи, Ивеличи, Шевичи, Симоничи, Станкевичи, Николичи, Дудровичи и др. Ср. *Бодянскаго* I. с.

**) *Милутиновичъ*, 76 — 77.

***) Грамота отъ 29 января 1769, *Милутиновичъ*, 101; Ср. *Рус. Вѣстникъ* 1841, VII: «Поѣздка кн. Юрія Долгорукова въ Черногорію».

****) Грамота отъ 14 марта 1788 г. и письмо Заборовскаго — у *Милутиновича*, 115—120; см. ниже.

грамотою, доставленною имъ полковникомъ графомъ Маркомъ Ивеличемъ *). По приглашенію Ивелича герцеговинцы напали на пограничный турецкій городъ Оногоштъ и истребили его, а также и окружающія его селенія; потомъ, составивъ четырехъ-тысячный отрядъ, подъ личнымъ предводительствомъ другого брата Ивелича, Ивана, капитана русской службы, вмѣстѣ съ черногорцами часто нападали на турецкія селенія и разоряли ихъ и шесть разъ одержали побѣду надъ войсками скутарійскаго пашы, не требуя во все продолженіе военныхъ дѣйствій ни жалованья, ни провіанта.

Но по окончаніи войны, не получивъ отъ нея никакихъ выгодъ, на которыя они были вправѣ разсчитывать, и черногорцы, и герцеговинцы оказались въ самомъ жалкомъ положеніи и были предоставлены ярости и мести фанатическихъ турокъ. Спустя четыре года послѣ этой войны (1796), албанскій визирь Кара-Махмудъ Бушатлія съ 20-тысячнымъ войскомъ напалъ на Черногорію. Произошла генеральная битва, окончившаяся полнымъ пораженіемъ турокъ. Но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ визирь собралъ новое войско, больше прежняго, и снова двинулся на Черногорію. И на этотъ разъ турки потерпѣли страшное пораженіе у села Круссе, причемъ и самъ визирь былъ убитъ. Эта блестящая побѣда черногорцевъ обратила на себя вниманіе всей Европы. Императрица Екатерина II привѣтствовала побѣдителя турокъ, владыку Петра Петровича, особою грамотою; еще болѣе сочувственно отнесся къ черногорцамъ Императоръ Павелъ I, пожаловавшій владыкѣ орденъ св. Александра Невскаго и назначившій Черногоріи 1000 дукатовъ (3000 рублей) ежегоднаго пособія **).

Гораздо печальнѣе была участь герцеговинцевъ. Когда Ивеличъ уѣхалъ отъ нихъ въ Россію, турки напали на Требинье и разрушили этотъ городъ. Жители Требинья — племена Никшичей, Бѣлопавличей, Пиперовцевъ, Дробняковъ, Граховцевъ и другія — отступили на границу Черногоріи, на р. Морачу, но и здѣсь на нихъ постоянно нападали турки изъ Оногошта и Колашина. Тогда-то у гер-

*) См. ниже.

**) Подробности см. въ статьѣ В. И. Жмакина: Россія и Черногорія въ началѣ XIX в., въ *Древн. и Нов. Россіи* 1881, т. XIX, № 3, стр. 407—454.

цеговинцевъ, а затѣмъ и у черногорцевъ, явилась мысль о переселеніи въ Россію.

Въ дѣлахъ бывшаго Департамента Государственныхъ Имуществъ по управленію колоніями (IV Отдѣленіе) имѣются до сихъ поръ еще неизвѣстныя въ печати документальныя свѣдѣнія объ этихъ первыхъ черногорскихъ и герцеговинскихъ поселенцахъ въ Россіи, представляющія несомнѣнный историческій интересъ и послужившія матеріаломъ для нижеслѣдующаго очерка *).

Прежде своихъ ближайшихъ родичей и сосѣдей, жителей княжества Черногорскаго, обратились къ русскому правительству съ просьбою о дозволеніи поселиться въ Новороссійскомъ краѣ герцеговинцы. Въ январѣ 1803 года избранные ими для этого ходатайства депутаты, сердарь Мина Лазаревичъ *Никшичъ* и оберъ-воевода Иванъ *Тіоти*, прибыли въ Петербургъ и подали на Высочайшее имя слѣдующее прошеніе, любопытное по изложеннымъ въ немъ историческимъ даннымъ:

Августѣйшій Монархъ,

Всемилоствѣйшій Государь.

Славянскій народъ населяетъ Черную Гору и близъ оной провинцію Герцеговину. Храбрость всего народа и непримиримая ненависть его къ имени и игу магометанскому и ненарушимая вѣрность и преданность Всероссійскому престолу всей Европѣ извѣстенъ (*такъ*), кой по сіе время во всѣхъ войнахъ жертвовалъ не только жизнію, но всѣмъ имѣніемъ и имуществомъ своимъ въ пользу Престола Вашего Императорскаго Величества, какъ свидѣлствуютъ прилагаемыя у сего копіи съ Высочайшихъ грамотъ и манифестовъ, предками нашими и нами полученныхъ отъ 1711 и 1715 годовъ въ Бозѣ почивающаго великаго государя императора Петра перваго, потомъ паки при царствованіи возлюбленной бабки Вашего Величества, императрицы Екатерины второй, въ двухъ съ Портою Оттоманскою войнахъ, а особливо же въ послѣднюю, когда прибылъ къ намъ съ Высочайшею грамотою и манифестомъ подполковникъ, что нынѣ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, графъ Марко Ивеличъ, который, яко единаго рода и племени съ нами, во всемъ успѣлъ по желанію своему, что по добродушію нашему и вѣрности отказался весь нашъ народъ брать жалованье и провизію, даже и собственные свои дома, которые были по близости турецкихъ городовъ,

*) Дѣла №№ 2264, 2279, 2290, 2402, 2403, 2459, 2466, 2480, 2639.

выжили, и все время продолженія войны содержа себя собственнымъ своимъ коштомъ, безпрестанно храбро поражали турковъ и выжигая многія ихъ селенія и тѣмъ удерживали, по крайней мѣрѣ, до сорока тысячъ лучшихъ военныхъ турокъ и не допускали присоединиться къ главной ихъ арміи, какъ о томъ въ свое время отъ него къ Высочайшему Двору доносило было. Потомъ, отѣзжая отъ насъ въ силу присланныхъ ему повелѣній, клятвою увѣрилъ насъ о засвидѣтельствованіи предъ Высочайшимъ Престоломъ о нашей храбрости, вѣрности и разореніи и о исходатайствованіи намъ отъ Ея Императорскаго Величества неисчетныхъ милостей, какъ свидѣтельствуется копія съ писма его руки, и переселенія въ Тавриду, дабы наслаждаться преимуществами милостиваго правленія Россійскаго, чего мы не сомнѣвались получить, такъ какъ и Высочайшій манифестъ насъ удостовѣрялъ. Итакъ, многіе изъ народа, потерявъ свои дома, по заключеніи мира переселились на границахъ Черногорскихъ въ Морачу, дожидаясь обѣщаннаго; но къ несчастію нашему получили въ прошломъ 1793 году отъ вышереченнаго графа Ивелича: хотя Ея Императорское Величество къ намъ и расположена великимъ своимъ благоволеніемъ, но онъ въ томъ успѣть не могъ, ибо обстоятельства тогдашнія не допустили Ея Императорское Величество о семъ нашемъ желаніи дать повелѣнія до удобнаго времени; почему я съ архимандритомъ Аксентіемъ и былъ посланъ отъ народа, прошлаго 1794 года, къ Высочайшему Престолу Вашего Императорскаго Величества, для испрашиванія за нашу службу земель для переселенія народа. По прибытіи же нашемъ въ Санктпетербургъ, приняты были съ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества благоволеніемъ и въ знакъ Высочайшей милости пожалована митрополиту Черногорскому панagia, богато осыпанная алмазами, при рескриптѣ о неоставленіи нашего народа до удобнаго времени къ преселенію, и намъ вручена, да архимандриту крестъ, алмазами украшенный, а мнѣ — золотая медаль на голубой лентѣ. Но, не получа никакого успѣха, вторично въ 1796 году іюля 23 дня принужденнымъ себя народъ нашелъ отправить меня къ Россійскому Престолу для полученія той обѣщанной милости въ разсужденіи переселенія. Приѣхавъ же по восшествіи на престолъ въ Божѣ почивающаго родителя Вашего Императорскаго Величества, Государя Императора Павла перваго, Всемиловѣйше былъ принятъ и въ знакъ Высочайшей милости пожалована мнѣ золотая медаль на красной лентѣ и во увѣреніе народу отправлена была чрезъ меня, за подписаніемъ Его Императорскаго Величества рукою, отъ 30 апрѣля 1798 года грамота, съ которой у сего прилагаю копію, увѣряющая народу герцеговинскому и прочимъ Высочайшее свое благоволеніе и что дано будетъ повелѣніе въ Вѣнѣ послу и пограничнымъ военнымъ и граждан-

скимъ начальникамъ о всемъ, что къ безопасному путешествію нашего народа споспѣшествовать можетъ, и сверхъ того чрезъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и кавалера Лашкарева при письмѣ вручено мнѣ семь золотыхъ медалей и десять серебряныхъ на красныхъ лентахъ, съ портретомъ Его Императорскаго Величества, для раздачи по прїѣздѣ моемъ въ отечество почетнымъ старѣйшинамъ сербовъ, князьямъ и тѣмъ, кои подъ начальниками нашего общества заступаютъ первыя мѣста, съ коего при семъ прилагаю копію. По прибытіи же моемъ въ отечество, 1798 года въ декабрѣ мѣсяцѣ, вруча народу грамоту и старшинамъ знаки монаршей милости, которые съ неизреченною радостію принявъ и воздая Всевышнему хвалу, наперво приготовлено было 200 семействъ къ отправленію въ Россійскіе предѣлы, о чемъ и донесъ я находящемуся въ Вѣнѣ послу графу Разумовскому отъ 12 дня февраля 1799 года, прося его наставленія, уповаю, что онъ имѣетъ о томъ Высочайшее повелѣніе, и возможно ли мнѣ выступить чрезъ турецкія области, такъ какъ тогда въ союзѣ Порты находилась съ Россією, или бы онъ сообщилъ находящемуся съ флотомъ по близости насъ, въ Корфу, адмиралу Ушакову, дабы онъ изъ своей эскадры въ Рагузу прислалъ для забранія вышереченнаго народа военный корабль, фрегаты или транспортныя суда; но, не получа никакого отвѣта, принужденъ былъ прибыть въ республику Рагузу и требовалъ вспоможенія отъ находившагося тамо тогда російскаго консула Джика; но и отъ него не получивъ никакого вспоможенія, вторично изъ Рагузы доносилъ отъ 23 марта 1799 года вышереченному послу графу Разумовскому и управляющему Азіатскою Экспедиціею по Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Тайному Совѣтнику Лашкареву; но, не получивъ ни отъ кого отвѣта, рѣшился отправиться съ однимъ отъ народа выбраннымъ депутатомъ въ Триестъ, и прибывъ августа 13 дня прошлаго 1802 года, оттуда и еще писалъ къ находящемуся въ Вѣнѣ послу графу Разумовскому, прося отъ него хотя пашпорта для того народа и изъясняя мое и того народа разореніе; на которое отъ 23 того же августа получилъ для народа и меня несчастный отвѣтъ, что въ разсужденіи преселенія въ Россію народа хотя Его Императорское Величество, блаженные памяти въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Павелъ первый, соизволилъ было на сіе, но вслѣдъ потомъ угодно было Его Величеству указать вышереченному послу объ уничтоженіи вовсе сего дѣла, отмѣнивъ по сему предмету и прежнее свое соизволеніе, и что онъ, не имѣя новаго по сему обстоятельству предписанія, долженствуетъ сообразоваться послѣднему.

Всемиловѣйшій Государь! Народъ, страждущій въ бѣднѣйшемъ состояніи на границахъ Черногорскихъ, не получая никакой отъ митро-

полита Черногорскаго согласно Высочайшему рескрипту помощи, который по политическимъ обстоятельствамъ желаетъ, дабы оный оставался на вѣки въ тѣхъ краяхъ, для подкрѣпленія черногорцевъ, въ третій разъ выбралъ насъ и, снабдя полномочіемъ пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить о всемилостивѣйшемъ воззрѣніи на преданнѣйшій къ Россіи народъ, почему и осмѣливаемся, Всемилостивѣйшій Государь! всеподданнѣйше просить не оставить народъ, въ семъ несчастномъ состояніи пребывающій уже 13 лѣтъ безъ своихъ домовъ и земель, и когда всему народу, по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, нельзя дѣлать въ нынѣшнее время переселенія, то всемилостивѣйше пожаловать землю въ Новороссійской губерніи хотя намъ двоимъ и нашимъ сродственникамъ, до 15 семействъ, и для проѣзду, по неимуществу нашему, изъ монаршаго милосердія наградить насъ и тѣ семейства деньгами.

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшіе Сердарь *Мина Никшичъ*. Оберъ-воевода *Иванъ Тіоти*.

Генваря 25-го дня 1803 года.

Прошеніе депутатовъ было доложено дѣйствительнымъ камергеромъ Новосильцевымъ Государю, который и повелѣлъ препроводить это прошеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы послѣдній принялъ всѣ нужныя мѣры для удовлетворенія просьбы «какъ назначеніемъ мѣста и нужнаго количества земли для поселенія славянъ, такъ и изысканіемъ удобнѣйшихъ способовъ къ доставленію ихъ на тѣ мѣста, и сообразя, сколь великое число семействъ можетъ быть нынѣ переселено и по временамъ переселяемо, донесъ бы о томъ свое мнѣніе Его Величеству». *)

Изложивъ всѣ обстоятельства дѣла въ особой запискѣ, внесенной въ Комитетъ Министровъ и представленной на Высочайшее утвержденіе, гр. В. П. Кочубей высказалъ заключеніе, что хотя многіе пункты прошенія и «не суть соотвѣтственны съ прямымъ положеніемъ вещей (а именно—въ отношеніи могущества народа черногорскаго, никогда въ прошлую войну никого въ почтеніи не удер-

*) № 2264. Дѣло по отношенію дѣйствительнаго камергера Новосильцева съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія въ разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго прошенія депутатовъ славяносербскаго народа относительно водворенія ихъ въ Россіи и о ссудѣ, на нихъ употребленной. Нач. 13 февр. 1803, конч. 20 окт. 1805 г.

живавшаго), но, тѣмъ не менѣе, «націи, въ областяхъ Оттоманскихъ обитающія и съ нами соплеменные, всегда должны находить покровительство Россійскаго Двора; но какъ покровительство сіе не можетъ быть гласное и въ отношеніи къ цѣлой каковой изъ вышеупомянутыхъ націй, однакожь, тѣмъ не меньше, лично покровительство и пособіе каждому чинимо быть можетъ», то, въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ:

«1) Депутатамъ и семействамъ ихъ, на основаніи обѣщаній, имъ данныхъ, отвести по возможности нужныя земли въ Крыму и губерніяхъ Николаевской и Екатеринославской, предоставя имъ принять уже на себя собственно переселеніе свое.

«2) Уважая, что долгое время они здѣсь (въ Петербургѣ) находились, выдать по 300 червонныхъ на проѣздъ, обѣщавъ имъ, что всякая фамилія, которая прибудетъ въ черноморскіе порты, получить въ пособіе за издержки, въ пути сдѣланныя, по 20 червонныхъ и притомъ водворена будетъ на основаніи всѣхъ другихъ колонистовъ, то есть получая ссуду, послѣднимъ производимую.

«3) Объявить имъ, что всѣ единовѣрцы ихъ могутъ переселиться въ южныя наши провинціи и получать тамъ всякія поощренія, на какой конецъ и министръ Его Императорскаго Величества въ Константинополь получить повелѣніе защищать переселяющихся такимъ образомъ людей изъ націи ихъ, поколику сіе, основываясь на смыслѣ трактатовъ, чинимо имъ быть можетъ».

Эти предложенія были Высочайше одобрены и Херсонскому военному губернатору было дано (30 мая) повелѣніе объ отводѣ земель герцеговинскимъ переселенцамъ.

На запросъ о количествѣ свободныхъ земель, Контора опекунства новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ отвѣчала, что въ Маріупольскомъ уѣздѣ отыскано удобной для поселенія иностранцевъ земли 120 тысячъ десятинъ при рѣчкѣ Молочной; но Контора считала нужнымъ прибереечь эту землю для менонитовъ, которымъ она была уже обѣщана, а герцеговинцамъ предлагала отвести участокъ близъ Одессы, отданный въ 90-хъ годахъ капитану Вуковичу для заселенія иностранными колонистами, но по неисполненію имъ своего обязательства опять отъ него отобранный. «Пространство

той земли и мѣстных ея выгоды», доносила Контора, «дозволяютъ устроить тамъ слободу изъ нарочитаго поселенцевъ количества». Оказалось, однако, что участокъ Вуковича уже отданъ для поселенія служителей, составлявшихъ одесскій греческій дивизионъ; потому Контора предлагала выбрать для герцеговинцевъ другую землю, въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ. Сердарь Никшичъ пожелалъ лично ихъ осмотрѣть, но, не дождавшись командированнаго для этой цѣли чиновника, уѣхалъ изъ Одессы въ Тріестъ.

Онъ возвратился въ началѣ октября 1804 года, и вмѣстѣ съ нимъ на австрійскомъ купеческомъ суднѣ *La Magnifica* прибыло 17 герцеговинскихъ семействъ (всего 98 человѣкъ), желавшихъ поселиться въ Россіи. «Всѣ они — дворяне», писалъ дюкъ де-Ришелье министру внутреннихъ дѣлъ, — «носятъ шпаги такой длины, какъ носили во времена Карла Великаго, и прежде всего, какъ водится, стали просить у меня денегъ». Они просили выдать каждому семейству обѣщанные 20 червонцевъ, заплатить 500 червонцевъ шкиперу за провозъ и содержаніе ихъ во время пути и кромѣ того «оказать имъ еще нѣкоторое по настоящему времени и по новости ихъ пособіе». Всѣ эти просьбы были доложены гр. Кочубею Государю, который повелѣлъ ихъ исполнить и принять переселенцевъ подъ присмотръ Опекунской Конторы, «такъ какъ необходимо нужно, чтобы кто-нибудь имѣлъ о нихъ попеченіе, соотвѣтственно тому, какъ пріемлется оно о всѣхъ иностранцахъ, въ Россіи водворяющихся».

По выходѣ переселенцевъ изъ карантина, дюкъ де-Ришелье распорядился помѣстить ихъ на квартиры, дать отопленіе и производить выдачу кормовыхъ денегъ наравнѣ съ колонистами изъ грековъ и болгаръ. Но черногорцы отказались взять кормовыя деньги, «считая таковое продовольствіе съ ихъ состояніемъ несогласнымъ», и Никшичъ, вмѣстѣ съ двумя выборными — Михаиломъ Драгичевичемъ и Иваномъ Юрковичемъ — отправился въ Петербургъ, чтобы продолжать свои ходатайства о возможно лучшемъ устройствѣ быта переселенцевъ.

«Почитая долгомъ исполнить въ точности Высочайшіе манифесты, получаемые изъ Россіи», писалъ онъ графу Кочубею, — «мы возму-

щались и воевали противу турокъ, чрезъ что они и сдѣлались нашими гонителями, и мы принуждены удалиться, оставя свое отечество, прибѣгнуть подъ покровительство Россійскаго Престола, отъ коего щедротъ и милосердія нынѣ ожидаемъ за заслуги наши награжденія и сколько-нибудь пополненія потеряннаго нашего имѣнія, дабы тѣмъ утѣшаясь забыли все несчастіе, которое донинѣ по усердію и вѣрности нашей къ Россіи претерпѣвали, и то, что мы посему даже и отечества своего лишились... Теперь насъ 100 душъ здѣсь въ Россіи, голы и голодны, страдаемъ. Теперь Богъ единъ на небѣ, а Его Императорское Величество — на земли».

Въ прошеніи на Высочайшее имя, поданномъ 5 февраля 1805 года, Никшичъ просилъ подтвердить дворянскую грамоту, данную ему и его родственнымъ Императоромъ Павломъ, дать прибывшимъ въ Россію герцеговинцамъ 12 тысячъ десятинъ земли въ Екатеринославской губерніи, оказать милость и вспоможеніе за ихъ труды, заслуги и издержки и, наконецъ, его, стараго сердаря, не оставить безъ награжденія. По этому прошенію Высочайше повелѣно было: «Землю, гдѣ по разсмотрѣнію Херсонскаго военного губернатора признано будетъ удобнымъ и возможнымъ, имъ отвести, наблюдая, чтобъ каждая *дворянская* соотвѣтственно способамъ, которые она имѣть будетъ къ обработыванію земли или къ заведенію другихъ хозяйскихъ устроеній, получила нужное количество земли въ собственность свою; а изъ славянъ *поселянскаго* состоянія отведена бы была положенная пропорція земли, по 30 десятинъ на каждую мужеска пола душу; земли же въ одномъ 12-тысячномъ участкѣ, безъ опредѣленія, сколько кому именно имѣть ея назначается, отводить не признано соотвѣтственнымъ ни доброму устройству, ни собственнымъ пользамъ просителей. Затѣмъ водворить ихъ на основаніи всѣхъ другихъ колонистовъ, то есть выдавая ссуду, послѣднимъ производимую и состоящую въ постройкѣ для каждаго семейства по тамошнему обыкновенію дома, въ доставленіи нужнаго для землепашества скота, орудій и сѣмянъ на первый посѣвъ натурою или деньгами по мѣстнымъ цѣнамъ, и въ выдачѣ кормовыхъ денегъ на каждую душу обою пола по установленному количеству». Депутатамъ было приказано «безъ потерянія времени

отправиться къ своимъ семействамъ, дабы не упустить благопріятнаго времени къ водворенію ихъ и къ положенію начала сельскимъ занятіямъ ихъ, съ наступленіемъ весны наиудобнѣе производиться могущимъ, не обращаясь уже безъ нужды и къ единой разстройкѣ своей сюда (въ Петербургъ), а относясь во всѣхъ нуждахъ своихъ къ военному губернатору Херсонскому, которому поручено имѣть о всѣхъ вышедшихъ или впредь выйти могущихъ славянахъ особенное попеченіе». На проѣздъ въ Одессу было выдано депутатамъ по 100 червонцевъ каждому. Что касается до подтвержденія ихъ дворянства, то объ этомъ предметѣ не было сдѣлано никакихъ распоряженій.

Уѣзжая изъ Петербурга, Никшичъ опять просилъ, чтобы ему данъ былъ дворянскій дипломъ, а заслуженнымъ родственникамъ его—классные чины, и чтобы дѣти ихъ не лишены были воспитанія, для дворянъ учрежденнаго. Кромѣ того, говоря, что ревность къ російскому престолу ввергла его въ долги, онъ просилъ пожаловать ему на уплату ихъ единовременное пособіе или дать къ тому способъ пожалованіемъ пенсіи по смерти, «дабы не лишиться ему на старости и добраго имени».

Резолюція на эту просьбу была неблагопріятна для Никшича. «Такъ какъ сердаръ былъ уже удовлетворенъ въ требованіяхъ своихъ и отсель уже отправленъ, то и оставить прошеніе сіе безъ дальнѣйшаго дѣйствія».

Тѣмъ не менѣе, дюкъ-де-Ришелье принялъ во вниманіе заявленіе черногорцевъ объ ихъ дворянствѣ и, поселивъ ихъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ, на участкѣ, примыкающемъ къ Тилигулу, на урочищѣ Балаѣ, отвелъ каждому изъ 22 семействъ по 150 десятинъ земли и выдалъ каждому семейству по 150 р. на обзаведеніе; Никшичу же, по особому Высочайшему повелѣнію, было отведено 500 десятинъ и выдано на обзаведеніе 1000 рублей. Кормовыя деньги славянскимъ переселенцамъ выдавались, какъ это видно изъ дѣлъ Опекунской конторы, въ размѣрѣ нѣсколько большемъ сравнительно съ другими колонистами: именно, они получали по 10 коп. въ сутки на человѣка, между тѣмъ какъ остальные колонисты получали по 8 и 7 копѣекъ.

Сердарь Никшичъ умеръ въ ноябрѣ 1808 года. Въ слѣдующемъ году братъ его, капитанъ Богданъ Никшичъ, обратился къ дюку де-Ришелье съ прошеніемъ *), въ которомъ указывалъ, что родственники его, въ двадцати одномъ семействѣ состоящіе, вышедъ изъ Герцеговины, поселены въ Херсонской губерніи безъ твердаго основанія въ разсужденіи количества земли, имъ назначенной, и въ невѣдѣніи, къ какому званію и роду жизни причислены они будутъ; между тѣмъ, фамилія ихъ предковъ, въ Сербіи Никшичи именуемая, при королѣ Стефанѣ Вукаловичѣ изъ первыхъ княжескихъ фамилій была почитаема, и по паденіи царства сербскаго хотя и много утратила блеска своего, но между соотечественниками всегда была уважаема. Вѣрность и преданность Никшичей Россіи навлекли на нихъ гоненіе со стороны турокъ и въ конецъ разорили ихъ, такъ что они были вынуждены искать прибѣжища въ Россіи, въ томъ твердомъ упованіи, что благодѣтельная Россія усыновитъ ихъ наряду съ прочими отличными ея сынами и воспріиметъ подъ кровъ довольственнаго ея покровительства. Между тѣмъ, ихъ надежды не вполне оправдались, такъ что переселенцы были недовольны своимъ положеніемъ: «Въ Герцеговинѣ», писалъ Никшичъ «мы произошли отъ княжеской фамиліи, которая всегда изъ первыхъ почиталась, начальствуя непрерывно надъ тамошнимъ народомъ; здѣсь, въ Россіи, мы не знаемъ еще, къ каковому роду жизни причислены будемъ. Въ Герцеговинѣ мы имѣли выгодные дома, немалое количество земли, сады, луга и всякія выгоды, что составляло для всѣхъ довольственное состояніе; здѣсь на степи отведено каждому семейству по 150 десятинъ пустой земли, необработанной, отъ которой должны мы доставать пропитаніе въ кровавомъ потѣ лицъ нашихъ». Они просили «перемѣнить злую судьбу ихъ на добрую», вписать всѣ ихъ семейства въ дворянскую книгу Тираспольскаго уѣзда и къ имѣющимся у нихъ 3650 десятинамъ

*) Дѣло № 2403 по представленію Херсонскаго военнаго губернатора дюка де-Ришелье съ приложеніемъ прошенія славяносерба Богдана Никшича отъ имени собратій своихъ, поселенныхъ въ Славяносербской колоніи, о внесеніи ихъ въ дворянскую книгу Тираспольскаго уѣзда и о прибавкѣ имъ земли. Началось 19 іюля, кончено 3 августа 1809 г.

земли прибавить еще 8350, чтобы составилось 12.000, изъ которыхъ они и потомки ихъ безбѣдно довольствоваться могутъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ кн. А. Б. Куракинъ, на усмотрѣніе котораго была представлена эта просьба, не нашелъ ее заслуживающею уваженія, потому что герцеговинцы «и теперь занимаемыхъ ими земель по малолюдству своему едва ли въ состояніи сами обработать, а кольми паче, когда прибавится еще гораздо большее оныхъ количество, такъ какъ за всѣми обѣщаніями они въ теченіе трехъ лѣтъ не пригласили на оныя никого изъ своихъ соотчичей». Что же касается до записки ихъ въ дворянское званіе, то просителямъ объявлено, что объ этомъ они могутъ, на основаніи общихъ узаконеній, ходатайствовать въ мѣстномъ дворянскомъ собраніи.

Затѣмъ въ продолженіе восьми лѣтъ герцеговинскіе переселенцы жили на отведенной имъ землѣ, не возбуждая никакихъ ходатайствъ. На основаніи дѣйствовавшихъ въ то время правилъ о принятіи колонистовъ, желающихъ выйти въ Россію на поселеніе *), переселенцамъ предоставлялась свобода отъ платежа податей и всякихъ повинностей на 10 лѣтъ; по прошествіи же этого срока они должны были платить казнѣ поземельную подать въ первыя 10 лѣтъ за каждую десятину отъ 15 до 20 коп. въ годъ, а затѣмъ эта подать должна была быть уравнена съ платимою въ томъ мѣстѣ другими поселянами; повинности же земскія тотчасъ по истеченіи льготы они должны были нести наравнѣ съ тѣми россійскими подданными, между которыми поселены. Что касается до уплаты полученной отъ казны ссуды, то она должна была погашаться въ теченіе 10 лѣтъ по прошествіи льготнаго срока.

Руководствуясь этими правилами, управляющій одесскими колоніями донесъ въ 1817 г. Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, что на славянскихъ поселенцахъ числится 16.645 руб. казеннаго долга по ссудѣ на ихъ водвореніе и содержаніе и просилъ сообщить ему свѣдѣнія: 1) признаны ли они въ дворянскомъ достоинствѣ (такъ какъ всѣ они называютъ себя дворянами); 2) въ какое время и какимъ образомъ должны они заплатить весь свой долгъ; 3) обязаны ли они какимъ-либо платежемъ податей или повинностей, съ

*) № 2290. Дѣло о правилахъ, Высочайше утвержденныхъ, о принятіи на будущее время колонистовъ. Нач. 29 янв. 1804, конч. 23 янв. 1809.

какого времени и на какомъ правѣ, и 4) должны ли они состоять и далѣе въ вѣдомствѣ Опекунской конторы, которой поручена была забота только о ихъ водвореніи, или слѣдуютъ они вѣдомству гражданскаго правительсва *).

На запросъ Министерства по этому дѣлу Херсонскій военный губернаторъ гр. Манжеронъ отвѣчалъ, что по его мнѣнію долги, числящіеся на славяносербяхъ, должны быть взысканы, тѣмъ болѣе, что они—люди достаточные, и такое взысканіе ихъ не отяготило-бы. Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, полагалъ, что они должны быть обложены податями и повинностями сообразно изданнымъ для колонистовъ правиламъ и оставаться въ вѣдѣніи колонистскаго начальства,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ признаны дворянами. Взысканіе съ нихъ поземельнаго налога по 20 коп. съ десятины, а также и казеннаго долга приказано было начать съ 1818 года, разложивъ уплату долга на 10 лѣтъ.

Исполняя предписаніе министра, Опекунская контора приступила къ взысканію податей и долга; но герцеговинцы, «почитая себя дворянами и чиновными людьми, на неоднократныя требованія отзывались, что отправивъ въ Петербургъ депутатовъ для исходатайствованія о подтвержденіи благороднаго ихъ права, не примутъ званія колонистскаго, хотя бы то стоило имъ и жизни».

Въ самомъ дѣлѣ, Богданъ Никшичъ, съ довѣренностью отъ своихъ родственниковъ, прибылъ въ Петербургъ, чтобы снова ходатайствовать о дворянствѣ. Департаментъ Герольдіи, разсмотрѣвъ доказательства о дворянствѣ рода Никшичей, представленныя изъ Херсонскаго дворянскаго собранія, призналъ ихъ недостаточными, такъ какъ изъ нихъ не было видно, чтобы Никшичи служили въ російской службѣ въ офицерскихъ чинахъ; въ грамотѣ же Императора Павла I, на которую они ссылались, какъ на доказательство своего дворянства, изъявлены только имъ Высочайшая милость и благоволеніе съ обѣщаніемъ покровительства, о дворянствѣ же ихъ ничего не упомянуто.

*) № 2480. Дѣло по представленію управляющаго одесскими колоніями о славяносербяхъ, водворенныхъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ, относительно взысканія съ нихъ податей и долговъ. Нач. 27 марта 1817, конч. 1 іюня 1825 г.

Никшичъ просилъ перенести его дѣло въ общее собраніе Сената. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ главному попечителю и предсѣдателю Попечительнаго Комитета о колонистахъ Южнаго края Россіи, что «пока доказательства о дворянствѣ тѣхъ славяносербовъ разсмотрѣны будутъ въ Сенатѣ, то до тѣхъ поръ они должны считаться въ колонистскомъ званіи, ибо первоначальное водвореніе ихъ и ссуда на пособіе имъ по Высочайшему повелѣнію произведены были наравнѣ съ колонистами».

Получивъ это распоряженіе, генералъ-лейтенантъ Инзовъ самъ отправился въ колонію герцеговинцевъ, «чтобы лично и подробнѣе узнать, въ какомъ они положеніи, изъ какого состоянія и отчего столь устраняются отъ колонистскаго званія». Цѣлью этой поѣздки было, согласно желанію министра, «внушить славяносербамъ кроткими и благоразумными мѣрами, чтобы они оставались совершенно спокойными въ настоящемъ ихъ положеніи и не почитали бы для себя притѣсненіемъ распоряженій правительства, объ нихъ учиненныхъ, поставя въ виду ихъ, что колонистское званіе не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ предосудительно, ибо оному предоставлены важныя выгоды, права и преимущества, каковыми россійскіе казенные крестьяне не пользуются». Но ближайшее знакомство съ герцеговинцами привело г.-л. Инзова къ инымъ результатамъ, которые онъ и поспѣшилъ сообщить министру.

«Къ удивленію моему», писалъ онъ 24 іюля 1818 г., — «нашелъ я тамъ 21 семейство, составляющихъ одну фамилію или родъ Никшичей. Многіе изъ старѣйшинъ въ семьяхъ украшены медалями отъ временъ блаженной памяти Императрицы Екатерины II и Государя Павла I за ихъ службу и содѣйствіе въ войнѣ съ турками; представляли мнѣ также грамоту Государя Павла I, коею Всемилостивѣйше позволено нѣкоторымъ поименованнымъ въ оной благороднымъ фамиліямъ переселиться въ Россію, на основаніи которой одна только фамилія сердаря Никшича сдѣлала переселеніе. Въ 1807 году, во время войны съ турками, 12 человѣкъ изъ сего семейства добровольно находились на службѣ во все продолженіе войны. По заключеніи мира съ Оттоманскою Портою отправили они 15 человѣкъ сыновей своихъ на службу въ полки, а именно: въ Саратовскій полкъ 8, въ Виленскій—3, въ Алексапольскій—2, въ Тенгинскій—2; изъ нихъ въ продолженіе французской компаніи убито 6, а другіе и теперь служатъ въ полкахъ офицерами. Сыновья

ихъ въ службу приняты были, какъ дворяне, на основаніи документовъ, представленныхъ ими и признанныхъ достаточными уѣзднымъ дворянскимъ предводителемъ, по которымъ выдавались имъ свидѣтельства съ означеніемъ, что родъ ихъ вписанъ въ дворянскую книгу. Изъ нихъ нѣкоторые получили отставку и живутъ въ своихъ семействахъ. Не бывъ сами землепашцы, они обрабатываютъ поля свои наймомъ. *Нѣкоторые имѣютъ крестьянъ*, поселенныхъ межъ ими, которые и по ревизіямъ состоятъ за ними.

«Въ семъ находясь положеніи, принять званіе колонистовъ имъ тягостно и достоинству рода ихъ неприлично. Чувствуя, что по причинѣ токмо бѣдственныхъ послѣдствій отъ предпринятой ими войны противъ Оттоманской Порты принуждены были оставить край свой, въ коемъ имѣли по происхожденію своему вѣсь, значеніе и имущество, не полагая лишиться подъ покровительствомъ Россіи благороднаго своего званія. Если бъ могли помыслить объ ономъ, то охотнѣе рѣшились бы претерпѣвать всѣ бѣдствія въ землѣ своей, чѣмъ быть виновниками униженія своего потомства.

«Почтенные старики, объясняя мнѣ со слезами убивающее душу ихъ теперешнее положеніе, просили меня, во избѣжаніе стыда вносить повинности подъ общимъ названіемъ колонистовъ, обождать взысканіемъ слѣдующей съ нихъ суммы до возвращенія ихъ депутата, съ пріѣздомъ коего надѣются получить утвержденіе ихъ дворянства; тогда охотно внесутъ все, что слѣдовать будетъ, какъ дворяне. Сколько могъ, я успокоилъ огорченныя сіи семейства и нахожу, что требованіе ихъ справедливо. Всякій на мѣстѣ ихъ то же бы чувствовалъ и о томъ же бы просилъ.

«Изъ всего вышесказаннаго Ваше Высокопревосходительство усмотрѣть изволите, что не только трудно, но даже невозможно убѣдить ихъ въ томъ, чтобы нынѣшнее ихъ положеніе не полагали себѣ притѣсненіемъ и что званіе колониста не есть предосудительно по правамъ, каковыми пользуются преимущественно предъ казенными крестьянами, ибо чувствуютъ, что дворянское достоинство превышаетъ всякое состояніе».

Въ виду этого сообщенія г.-л. Инзова, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ Комитету Министровъ, что до разрѣшенія дѣла о дворянствѣ герцеговинцевъ можно было бы не записывать ихъ въ ревизію въ число колонистовъ и не взыскивать съ нихъ никакихъ колонистскихъ повинностей; но за владѣемую ими землю они должны вносить по 20 коп. за десятину, а также и уплачивать числящійся

на нихъ казенный долгъ. Комитетъ съ этимъ мнѣніемъ министра согласился.

Вслѣдъ за тѣмъ дѣло о Никшичахъ было препровождено изъ Сената на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ, къ которому землякъ Никшичей, гр. М. А. Милорадовичъ, обратился съ особеннымъ ходатайствомъ за нихъ. Министръ находилъ, что представленные Никшичами документы и свидѣтельства «можно было бы считать достаточными для причисленія ихъ рода въ дворянское достоинство, тѣмъ наиболѣе, что сами нынѣшніе искатели, находясь до выхода своего въ Россію подъ турецкимъ владѣніемъ, оказывали по воззваніямъ російскихъ военнопачальниковъ во время войны съ турками услуги пролитіемъ крови за Россію и пожертвованіемъ своего имущества и тѣмъ способствовали по силамъ своимъ къ одержанію надъ непріятелемъ побѣдъ, за что и предки ихъ со временъ Императора Петра Великаго монаршими манифестами и похвальными грамотами жалованы были.»

Съ этимъ мнѣніемъ согласился и министръ юстиціи. Представленіе Сената Государственному Совѣту о причисленіи рода Никшичей къ дворянскому Россійской Имперіи достоинству было утверждено и 19 декабря 1819 года удостоилось Высочайшаго одобренія.

Вскорѣ послѣ этого счастливаго исхода своихъ продолжительныхъ домогательствъ, Богданъ Никшичъ, указывая, что онъ «имѣетъ за собою по ревизіи Тираспольскаго уѣзда въ селеніи Славяносербскѣ 21 душу мужескаго пола крестьянъ и немалое число рогатаго скота, лошадей и овецъ», а земли только 150 десятинъ, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ исходатайствовать ему еще 150 десятинъ и на каждую ревизскую душу крестьянъ по 30 десятинъ; но Департаментъ государственнаго хозяйства не нашелъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство въ виду того, что славяносербы уклонялись отъ платежа подати и за ту землю, которою владѣли. По донесенію Опекунской конторы, эта уклончивость происходила «не отъ встрѣчаемаго ими затрудненія во взносѣ денегъ (ибо они находились весьма не въ бѣдномъ положеніи), но болѣе отъ несогласія и междоусобія ихъ, каковыя безпорядки и раздоры, по достовѣрному наблюденію, происходили отъ дворянъ Николая и

Степана Никшичей и Семена Петровича, которые при личной бытности члена Конторы Ланова довольно обнаружили буйный и безпкойный свой нравъ, клонящійся къ разстройству между ними и къ затрудненію начальства, что пресѣчь иначе невозможно, какъ строгими мѣрами, и что сіи лица, имѣя немалое заведеніе скотоводства и хлѣбопашества и владѣя большимъ количествомъ земли, притѣсняють слабѣйшихъ и отнимають у нихъ возможность уплачивать казенный долгъ и другія повинности, на нихъ лежащія, и притомъ сами отъ таковой уплаты уклоняются.»

Сами Никшичи объясняли свою неисправность въ уплатѣ долга и повинностей тѣмъ, что будучи дворянами, они не желаютъ оставаться въ вѣдѣніи колониистскаго начальства, и просили передать ихъ въ вѣдомство Губернскаго Правленія. Эта просьба была исполнена: указомъ Правительствующаго Сената 19 марта 1823 года всѣ славяносербы были сданы изъ Опекунской конторы въ Херсонское Губернское Правленіе, на которое и возложено взысканіе съ нихъ всякаго рода повинностей и казеннаго долга, съ разсрочкою послѣдняго на десять лѣтъ, начиная съ 1821 года.

Изъ самой Черногоріи первая попытка переселенія въ Россію была сдѣлана въ томъ же 1803 году, когда прибыли къ намъ и герцеговинскіе депутаты. Въ концѣ этого года пріѣхалъ въ Петербургъ венгерскій дворянинъ Иванъ Ожеговичъ, съ аттестатомъ отъ черногорскаго владыки Петра Петровича, въ которомъ было сказано, что Ожеговичъ, «отправляющій съ 1800 года въ Черногорской и Бердской націи должность канцлера и породу свою влекущій отъ благородной и древней фамиліи Ожеговичей, что въ Черной Горѣ, во все время своей должности служилъ рачительно, вѣрно и усердно своему отечеству, исправляя наложенныя на него отъ народа важныя коммиссіи со всевозможною и свойственною каждому сыну отечества ревностію, не пропуская также ни единого случая усугублять въ здѣшнихъ народахъ преданность къ Всероссійскому Двору и наблюдать интересъ онаго, а особливо во время бывшаго нынѣ въ здѣшнихъ моряхъ Всероссійскаго флота.

Нынѣ же оной Ожеговичъ, по единовѣрію и преданности своей къ Всероссійской Имперіи желая вмѣстѣ съ родственниками своими преселиться отсюда въ той же Имперіи, отправляется туда для исходайствованія Всемиловѣйшаго на то позволенія и вспоможенія. Мы же и весь народъ Черногорскій и Бердскій, вѣдая личныя достоинства и усердіе къ Всероссійскому Двору упомянутого нашего соотечественника Ожеговича, по его прибытіи туда всѣ единогласно препоручаемъ его Высокомонаршему благоволенію и милостямъ» *).

Ожеговичъ явился депутатомъ отъ 78 семействъ своихъ родственниковъ Ожеговичей, Стояновичей, Храбреневичей и Дамяновичей, которые, въ количествѣ 191 души мужескаго и 203 женскаго пола, уже совсѣмъ приготовились къ выходу изъ Черногоріи и ожидали только увѣдомленія отъ своего депутата. Въ прошеніи на имя министра внутреннихъ дѣлъ, основываясь на грамотѣ Императора Павла I, разрѣшавшей славянамъ селиться въ Россіи, онъ просилъ сообщить ему свѣдѣнія: «въ которой губерніи для поселенія ихъ будутъ назначены земли, какія ихъ выгоды, сколько десятинъ положено будетъ на семейство, какія льготы будутъ предоставлены, въ чемъ будутъ состоять обязанности коронѣ, какія пособія будутъ сдѣланы при водвореніи, въ вѣчное ли владѣніе каждое семейство получить участки и во сколько лѣтъ полагается уплата всѣхъ казенныхъ на то издержекъ».

Когда ему было объявлено, что довѣрители его могутъ селиться въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ они будутъ приняты на правилахъ, для поселяющихся тамъ колонистовъ установленныхъ, и что по дѣйствительномъ ихъ прибытіи въ Россію получаютъ и землю, и ссуду отъ казны, то онъ, согласившись на все, просилъ только, чтобы ему было позволено прежде осмотрѣть земли, удобныя для поселенія, и такъ какъ переселенцы поѣдутъ черезъ Бокка-ди-Каттаро, а оттуда — моремъ въ Константинополь, то рекомендовать ихъ находящемуся въ Рагузѣ русскому консулу и посланнику въ Кон-

*) № 2279. Дѣло по просьбѣ венгерскаго дворянина Ожеговича о желаніи 78 семействъ славяносербскаго народа поселиться въ Россіи. Нач. 17 ноября, конч. 8 декабря 1803 г.

стантинополѣ, чтобы имъ въ нужныхъ случаяхъ дѣлаемо было вспомо-
моществованіе.

Эта просьба была уважена, Ожеговичу выданъ паспортъ для
проѣзда въ Новороссійскій край и осмотра земель и всѣхъ нужныхъ
рекомендацій. Но о дальнѣйшихъ результатахъ его поѣздки въ
дѣлахъ Архива никакихъ свѣдѣній не имѣется, и предположенное
переселеніе, повидимому, не состоялось.

Въ августѣ 1808 года прибылъ въ Одессу уроженецъ
Бокка-ди-Каттаро, черногорскій князь Степанъ *Тановичъ* *), реко-
мендованный министромъ иностранныхъ дѣлъ, гр. Н. П. Румян-
цовымъ, Херсонскому военному губернатору дюку де-Ришелье. По
распоряженію послѣдняго, Тановичу было отведено для водворенія
500 десятинъ изъ участка земли, причисленнаго къ Славяносерб-
ской колоніи (Тираспольскаго уѣзда при Тилигульскомъ лиманѣ),
и дано 500 руб. на обзаведеніе хозяйствомъ изъ суммъ, назначен-
ныхъ на водвореніе колонистовъ. Весной 1809 года, по просьбѣ
Тановича, дюкъ де-Ришелье выдалъ ему еще 500 рублей въ ссуду
на 5 лѣтъ, чтобы доставить ему возможность заняться хлѣбопаше-
ствомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Тановичъ, въ прошеніи на Высо-
чайшее имя, указывая, что онъ не имѣетъ никакого имущества и ника-
кихъ способовъ къ возвращенію казнѣ полученной отъ нея суммы, хо-
датайствовалъ, чтобы «за потерпѣнные имъ и отцомъ его на пользу
службы Россійскому Престолу несчастія», отведенная ему земля
была утверждена за нимъ въ вѣчное и потомственное владѣніе и
чтобы выданные ему 1000 рублей не были съ него взыскиваемы.

Дюкъ де-Ришелье, препровождая эту просьбу министру вну-
треннихъ дѣлъ, съ своей стороны, въ уваженіе заслугъ и бѣдствен-
наго положенія Тановича, просилъ ходатайствовать передъ Госу-
даремъ Императоромъ въ его пользу.

Такъ какъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ никакихъ свѣ-
дѣній о Тановичѣ не оказалось, то о немъ сдѣланъ былъ запросъ

*) № 2402. Дѣло по отношенію Херсонскаго военнаго губернатора съ препровож-
деніемъ всеподданнѣйшей просьбы князя Тановича о утвержденіи за нимъ отведен-
ной ему земли и невзысканіи выданныхъ денегъ. Нач. 15 іюля 1809 г., конч. 2 февр.
1828 г.

въ министерство иностранныхъ дѣлъ; но отвѣта никакого не было получено, и потому дѣло остановилось.

Оно возобновилось только 18 лѣтъ спустя, вслѣдствіе новой просьбы Тановича объ утвержденіи за нимъ земли. Херсонская Казенная Палата, не находя въ дѣлахъ Высочайшаго повелѣнія объ отводѣ Тановичу земли, полагала землю эту отъ него отобрать и обратить въ число казенныхъ оброчныхъ статей, о чемъ и донесла министру финансовъ. Послѣдній препроводилъ донесеніе Палаты къ министру внутреннихъ дѣлъ, прося его сообщить по этому предмету свое мнѣніе, самъ же находилъ, что земля должна быть оставлена за Тановичемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, «принимая въ разсужденіе, что по Высочайшимъ повелѣніямъ, послѣдовавшимъ по просьбамъ славяносербовъ, обѣщаны имъ при дозволеніи переселиться въ Россію всякія поощренія и слѣдовало каждой фамиліи дворянской изъ числа прибывшихъ славяносербовъ, соотвѣтственно способамъ, которые она имѣть будетъ къ обработыванію земли или къ заведенію другихъ хозяйскихъ устройствъ, получить, на основаніи правилъ, для раздачи земель изданныхъ, нужное количество въ собственность, что предоставлено учинить Херсонскому военному губернатору»,—также полагалъ, что земля, отведенная князю Тановичу по распоряженію бывшаго Херсонскаго военнаго губернатора, за нимъ должна быть оставлена и утверждена по примѣру тому, какъ въ такомъ же количествѣ отведена земля славяносербу сердарю Никшичу.

Комитетъ Министровъ, соглашаясь съ этимъ заключеніемъ, представилъ его на Высочайшее соизволеніе, которое и послѣдовало 27 декабря 1827 года.

Въ августѣ 1815 года Главнокомандующій въ Петербургѣ С. К. Вязмитиновъ получилъ отъ одесскаго коменданта донесеніе, что въ одесскій портъ прибыли изъ Константинополя на англійскомъ купеческомъ кораблѣ 16 семействъ черногорцевъ, составляющія 90 душъ обоего пола,—люди крайне бѣдные и требующіе всякаго пособія. Желая поселиться въ Россіи, они обратились за содѣйствіемъ

къ нашему послу въ Константинополѣ, князю А. Я. Италинскому и представили ему собственноручное письмо черногорскаго владыки Петра Петровича, просившаго о помощи этимъ переселенцамъ. Приводимъ дословно это письмо, сохранившееся въ подлинникѣ *).

Сіятељвишии Князь

Мылостивнѣишии Государь.

Народъ Черногорской, какъ по единовѣрію и по единоплеменности, такъ и по документамъ, съ коихъ имѣю честь при семъ точніе копіе приложить, почитая себя подъ Россійскимъ Покровительствомъ и въ числѣ Россійскихъ воинствъ, съ 1711-го года служилъ Высочайшему Всероссійскому Двору во всѣхъ военныхъ случаяхъ своимъ ружьемъ, на собственномъ своемъ коштѣ, изъ ключая едини случаи военной акціи, произъходившей съ Французами и Турками, когда Россійская эскадра, подъ командою Его Превосходительства Господина Вице Адмирала и кавалера Синявина въздешнѣе море находилась, въ которомъ случае не токмо на Черногорцовъ, но и на Бокейцовъ и Герцеговинцовъ жалованѣ и прочее было отъ пускаемо.

По таковой отъ предковъ и отъ предъ мѣстниковъ моихъ наслѣдованной привязанности къ Россійской Имперіи, наблюдалъ я въ семъ отдаленномъ крае, между бурами напастѣй, всевозможными силами, съ чистою совѣстію, пользу Государственныхъ интересовъ во всякомъ случае, которую и нынѣ наблюдая, отъ правляю на поселеніе въ Россіи, подъ руководствомъ Губернаторскаго сына Господина Георгія Радонича, означенныхъ на приложенной бумажѣ Черногорскихъ жителей, кои по необходимости намѣренни было преселиться въ Неаполитанской Державы, имѣя надежду, что сіе принято будетъ съ уваженіемъ въ знакъ моего усердія и непоколебимой вѣрности моей и народа, пастирству моему въ ввѣреннаго, и что отъ правленіе мною соотечественники мои, за вышеупомянутіе услуги, возымѣютъ съ частіе ползоватся Высокомонаршею Милостію и службою на правахъ, каковыми наилучше ползуются Россійскіе казаки.

Іа знаю, что такъ малое число людей мало значить; но оное въ скорѣ умножено быть можетъ здѣшними жителями, естли толко Государю Императору благоугодно повелѣтъ, чтобы оны на таковыхъ правахъ и на хорошей земли въ новопріобрѣтенныхъ провинціяхъ принимаемы были, въ слѣдствіе чего всеобщимъ согласіемъ минувшаго года, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, отъправленъ къ Высочайшему Двору съ полною довѣренностію

*) № 2466. Дѣло о вышедшихъ въ Новороссійскій край черногорцахъ. Началось 8 сентября 1815, рѣшено 7 іюля 1819 г.

Гвардіи Его Величества капитанъ и кавалеръ Никичъ, котораго по нынѣшнимъ обстоятельствамъ съ крайнѣю нетерпѣливостію, еже минутно ожидаемъ. Всеусерднѣйше Сіятелнѣйшую Особу Вашу именемъ цѣлаго Народа прошу, неоставте о семъ гдѣ надлежитъ донести и приложить высокаго ходатайства Вашего, дабы благоволенно было рѣшеніе судьбы нашей учинить.

Поручая участь предреченныхъ соотечественниковъ моихъ велемочному покровительству и благопризренію Вашему, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю вѣчно называться

Вашего Сіятелства,

Мылостивѣйшаго Государя,

всепокорнѣйшій слуга

Митрополитъ Черногорскій

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ НЕГОШЬ.

Въ Цетинѣ,
Июля 6-го дня
1815-го года.

При письмѣ были приложены: именной списокъ отправленныхъ въ Россію черногорцевъ и копіи съ грамотъ Императора Петра Великаго, Екатерины II, Павла I и Александра I къ черногорскому народу.

Князь А. Я. Италинскій выдалъ въ пособіе черногорскому вождю Радоничу 1.000 піастровъ, и послѣдній, доставивъ своихъ соотечественниковъ въ Одессу, тотчасъ же отправился въ Петербургъ, чтобы ходатайствовать о возможно лучшемъ устройствѣ ихъ положенія. Черногорцы, между тѣмъ, были помѣщены въ карантинъ, а по окончаніи карантиннаго срока временно расквартированы въ порожнихъ домахъ болгарской колоніи Большой Буялыкъ (въ 50-ти верстахъ отъ Одессы).

С.-Петербургскій Главнокомандующій представилъ въ Комитетъ Министровъ записку о новоприбывшихъ поселенцахъ. Комитетъ Министровъ, «признавая прибывающихъ въ Россію черногорцевъ, по извѣстной ихъ приверженности къ Россіи, достойными пособія, предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ учинить къ призрѣнію и водворенію ихъ распоряженія, сообразно съ предположеніями о сербскихъ выходцахъ.»

Вслѣдствіе этого управляющему одесскими колоніями тотчасъ же была послана подробная инструкція о водвореніи черногор-

цевъ на такъ называемомъ Славяносербскомъ участкѣ, предоставляя имъ на выборъ—остаться на положеніи колонистовъ или сдѣлаться военными поселянами «на подобіе казаковъ», такъ какъ именно въ то время предполагалось составить изъ славянскихъ выходцевъ въ Новороссійскомъ краѣ военное поселеніе. Всѣмъ прибывшимъ приказано было выдать въ вознагражденіе за издержки въ пути по 20 червонцевъ на семью и кормовыхъ до 10 копѣекъ въ сутки; тѣмъ же изъ нихъ, которые пожелали бы остаться колонистами, приказано было дать на обзаведеніе ссуду въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ получали ее колонисты нѣмецкіе *). Съ устройствомъ быта переселенцевъ необходимо было поспѣшить, такъ какъ, по донесеніямъ мѣстнаго начальства, эти люди «безъ пособія ни прокормить, ни одѣть себя прилично осеннему и сближающемуся зимнему времени» были не въ состояніи. Прежде всего пришелъ къ нимъ на помощь одесскій городской Комитетъ, пожертвовавшій на прокормленіе ихъ 500 р.; такимъ образомъ, на первое время они были уже обезпечены; а относительно дальнѣйшаго управляющій одесскими колоніями высказалъ мнѣніе, что черногорцы, «будучи земледѣльческаго званія, могутъ посредствомъ заработковъ у болгаръ, въ одномъ съ ними селеніи живущихъ, и сверхъ нужнаго имъ для своего прокормленія добывать столько, чтобы достаточно имъ было снабдить себя и другими хозяйственными потребностями».

Ближайшее знакомство съ переселенцами привело, однако же, къ заключеніямъ иного рода. Три мѣсяца спустя послѣ перваго своего донесенія, тотъ же управляющій одесскими колоніями писалъ министру, что «едва-ли вышеозначенные люди способны носить земледѣльческое званіе: провождавъ жизнь свою болѣе въ войнѣ съ сосѣдственными народами, званіе сіе, требующее трудолюбія и любви къ тишинѣ, сомнительно, чтобы могло имъ быть пріятно; а потому можно полагать и по теперешней ихъ жизни, что весьма быть

*) Нѣмецкимъ колонистамъ выдавалось по 355 р. на семью, считая въ этой суммѣ повозку съ оковкою 35 р., плугъ и другія земледѣльческія орудія 56 р., скотъ 98 р., на сѣменной хлѣбъ 41 р. и на постройку дома 125 р. Черногорцамъ предполагалось выдать по 530 р. на семью, считая постройку дома въ 300 р., такъ какъ, по измѣнившимся въ то время мѣстнымъ условіямъ, на 125 р. выстроить домъ было уже невозможно.

можетъ, что они не воспользуются, какъ слѣдуетъ, ссудою, которая дается имъ на хозяйственное обзаведеніе».

Въ самомъ дѣлѣ, на предложеніе помогать болгарамъ въ полевыхъ работахъ черногорцы отвѣчали, что они — дворяне, а потому работниками болгарамъ быть не могутъ. Да и вообще ни за какія работы они приниматься не хотѣли, не рѣшаясь ни остаться колонистами, ни вступить въ казацкую службу, пока не возвратится изъ Петербурга Радоницъ, котораго они считали своимъ попечителемъ и безъ совѣта котораго ничего не предпринимали.

Между тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, по поводу письма черногорскаго владыки, указывавшаго на возможность дальнѣйшихъ переселеній черногорцевъ въ Россію, представилъ въ Комитетъ Министровъ особую записку, въ которой высказалъ мнѣніе о необходимости упорядочить эту иммиграцію: «Поелику издержки на черногорцевъ, когда бы вышло ихъ великое число, какъ общаетъ черногорскій митрополитъ, будутъ составлять весьма важныя суммы, именно — около 1.000 р. на семейство, кромѣ непредвидимыхъ издержекъ, напримѣръ — въ случаѣ болѣзней выходцевъ, падежа скота, коимъ они снабжаются отъ казны, неурожаевъ, нерѣдко случающихся у новыхъ поселенцевъ, и другихъ подобныхъ случаяхъ, въ коихъ правительство бываетъ въ необходимости ихъ поддерживать то я бы считалъ, что операцію сію, по уваженію нынѣшнихъ обстоятельствъ, слѣдуетъ по крайней мѣрѣ ограничить, такъ какъ и для бессарабскихъ колонистовъ къ отпуску суммы Комитетъ гг. Министровъ нашелъ большое затрудненіе. Ограниченіе же могло бы состоять въ томъ, чтобы Министерство Иностранныхъ Дѣлъ всякій разъ заблаговременно имѣло свѣдѣніе отъ начальниковъ сего народа или отъ миссій, сколько и какихъ семей могутъ къ намъ переселиться какъ колонисты, и число бы ихъ въ годъ не превышало 100 или 50 семей».

Комитетъ Министровъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, о чемъ и было сообщено русскому послу въ Константинополѣ, для руководства.

Что касается для черногорцевъ, уже прибывшихъ въ Россію, то относительно тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали бы сдѣлаться воен-

ными поселянами, возникло предположеніе о причисленіи ихъ къ Бугскому казачьему войску.

Военныя поселенія въ Новороссійскомъ краѣ, *) особенно въ мѣстности нынѣшней Екатеринославской губерніи, устраивались еще съ 1765 года изъ выходившихъ также въ то время въ Россію сербовъ. Для нихъ были сдѣланы разныя постановленія, а земли были раздаваемы по извѣстнымъ правиламъ; но современемъ эти поселенцы, смѣшавшись съ другими, вышедшими изъ внутреннихъ губерній, постепенно вошли въ общій составъ жителей. Послѣ того, а именно — уже въ 1802 г., многіе изъ задунайскихъ переселенцевъ, вышедшихъ въ Россію послѣ турецкой войны, пожелали по прежнему составить военное поселеніе, водворясь въ Херсонской губерніи, между Бугомъ и Днѣстромъ, почему и были названы Бугскими казаками. Между прочимъ, имъ было предоставлено право принимать, если пожелаютъ, въ свое сословіе прибывающихъ изъ-за границы подобныхъ же выходцевъ.

Радониць, которому въ Петербургѣ совѣтовали поспѣшить къ своимъ черногорцамъ, чтобы ускорить рѣшеніе ихъ участи, прибывъ въ Одессу, уговорилъ ихъ принять званіе военныхъ поселянъ и вмѣстѣ съ выбраннымъ ими депутатомъ отправился въ Бугское войско для выбора земли для поселенія. Затѣмъ, въ сентябрѣ 1816 года, всѣ черногорцы были оффиціально переданы въ вѣдомство Бугскаго войска и поселены на избранномъ ими мѣстѣ. Но въ слѣдующемъ же году Бугское казачье войско было преобразовано въ улановъ. Это новое положеніе уже не соотвѣтствовало ни образу жизни черногорцевъ, ни ихъ желанію оставаться, все таки, при занятіяхъ преимущественно земледѣльческихъ; потому и сами они просили, и Херсонскій военный губернаторъ ходатайствовалъ за нихъ, чтобы имъ было позволено переселиться въ Тираспольскій уѣздъ и водвориться на правахъ колонистовъ на участкѣ Славяно-сербской Колоніи. На эту просьбу послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и въ декабрѣ 1817 года черногорцы переселились на новое мѣсто жительства, причемъ имъ отведено было изъ Славяно-

*) Свѣденія о нихъ находятся въ дѣлѣ № 2459 о переселеніи вновь сербовъ въ Новороссійскій Край (1814—1816), ч. I, л. 251 и слл.

сербскаго участка по 60 десятинъ на семью, а въ виду ихъ бѣдности, болгары колоніи Терновки бесплатно перевезли ихъ изъ Бугскихъ станицъ въ Тираспольскій уѣздъ.

Однако и этимъ новымъ своимъ положеніемъ черногорцы были недовольны. Заявляя, что они «по недостаточному состоянію не могутъ сами отъ собственности водвориться», они просили «какъ на сіе поселеніе, такъ и на прокормленіе отъ казны вспоможенія» и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляли, что они не желаютъ считаться колонистами, а просятъ «записать ихъ въ вольномъ казачьемъ войскѣ».

Управляющій одесскими колоніями, имѣя въ виду, что «при обращеніи выходцевъ сихъ изъ Бугскаго войска они изъявили согласіе свое быть въ вѣдомствѣ колонистскомъ, а притомъ и не имѣется въ здѣшнихъ мѣстахъ такого рода званія, въ коемъ они намѣреваются быть записанными», предписалъ мѣстному ихъ начальству «внушить имъ не дѣльныя и даже противныя имѣющимся объ нихъ постановленіямъ намѣренія, съ тѣмъ, чтобы, согласно прежнимъ предположеніямъ, избрали они опредѣлительно то званіе рода жизни, которое незадолго предъ симъ объявили начальству и по каковому поводу приняты они изъ Бугскаго войска, впредь же не смѣли бы затруднять правительство таковыми непостоянными и нерезонными требованіями своими».

Черногорцы подчинились волѣ начальства и были водворены на Славяносербскомъ участкѣ особымъ селеніемъ. Въ іюлѣ 1819 года главный попечитель колонистовъ Южнаго края сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что новыя поселенцы, «изъ Сербіи, съ Черной Горы, княжества Цетына, села Гуни, греческаго исповѣданія земледѣльцы», уже обзавелись рогатымъ скотомъ, плугами, лошадьми и вещами, въ быту ихъ первоначально необходимыми, запахали и засѣяли свои поля и строятъ дома. На каждое семейство имъ было отпускаемо, по мѣрѣ устройства хозяйства каждаго, по 600 р., земли всѣмъ дано 1.050 десятинъ. По ихъ просьбѣ, эта новая колонія получила названіе «Четыны» (Цетинье).

Нѣсколько лѣтъ спустя, черногорцы, тяготясь своимъ положеніемъ, начали хлопотать въ Сенатѣ о причисленіи ихъ къ дворянскому сословію, объясняя, что всѣ они у себя на родинѣ пользо-

вались дворянскими правами и въ колонистское званіе поступили «единственно по ихъ иностранству и невѣдѣнію». Но Сенатъ нашелъ представленныя ими доказательства ихъ дворянства недостаточными и въ просьбѣ имъ отказалъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ 1834 г. девять семей черногорцевъ подали главному попечителю колоній прошеніе *), въ которомъ, объясняя, что они, родясь въ Черногоріи отъ предковъ дворянскаго происхожденія, не желаютъ лишиться дворянства, просили выдать имъ паспорта для возвращенія въ отечество, такъ какъ состоявшій на нихъ казенный долгъ сполна ими заплаченъ.

Препровождая это прошеніе министру, Попечительный Комитетъ отъ себя добавилъ, что «прилежаніе черногорцевъ къ сельскому хозяйству было всегда весьма слабое и обзаведеніе хозяйственное незначительно» и что удерживать ихъ въ сословіи колонистовъ нѣтъ особенной надобности, тѣмъ болѣе, что въ текущемъ году они не сдѣлали озимаго посѣва, не занимаются хозяйствомъ, не уплачиваютъ податей и, наконецъ, рѣшительно отказываются отъ составленія въ своей колоніи новой народной переписи. Но такъ какъ казенный долгъ лежалъ не на отдѣльных семействахъ, а на всемъ обществѣ черногорскихъ колонистовъ, то Комитетъ и полагалъ не увольнять ихъ до того времени, пока не будетъ погашена вся числящаяся на нихъ недоимка. Министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

Въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ трехъ лѣтъ (1836 — 38) черногорцы уплатили сполна весь лежавшій на цѣломъ обществѣ казенный долгъ и на основаніи постановленій внесли трехгодичную подать, а потому снова просили выдать имъ паспорта для отъѣзда на родину.

Комитетъ, давъ имъ въ концѣ 1838 года увольненіе, на участокъ земли, оставшійся послѣ ихъ отъѣзда свободнымъ, позволилъ переселиться молодымъ хозяевамъ Одесскаго уѣзда колоніи Петерс-таль, по недостатку въ этой колоніи полного количества земли.

*) № 2639. Дѣло по представленію Попечительнаго Комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго края о черногорскихъ колонистахъ, желающихъ возвратиться за границу. Нач. 10 Мая 1835, конч. 24 февр. 1839.

Эти молодые семейства петерстальцевъ (23 семьи), основавъ на бывшемъ черногорскомъ участкѣ поселеніе, выстроили здѣсь новые дома; согласно ихъ просьбѣ, колонія Цетинье получила новое названіе—Гелененталь. Такимъ образомъ, 20-лѣтнее существованіе черногорской колоніи въ Новороссійскомъ краѣ не оставило даже и географическаго слѣда.

Въ приложеніи къ настоящему очерку помѣщены, въ хронологическомъ порядкѣ, Высочайшія грамоты къ черногорскому и герцеговинскому народу, какъ документальные памятники нашихъ отношеній къ южному славянству, и нѣкоторые другіе документы. Какъ было указано выше, грамоты Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины II уже были напечатаны черногорскимъ историкомъ Милутиновичемъ и изъ его книги перепечатаны проф. Кочубинскимъ; но по сравненію ихъ съ точными копіями, хранящимися въ архивныхъ дѣлахъ, оказывается, что онѣ напечатаны не вполне исправно. Грамоты императрицы Екатерины II къ герцеговинцамъ и императора Павла I къ герцеговинцамъ и черногорцамъ до сихъ поръ не были еще напечатаны въ русскихъ изданіяхъ.

Приложенія.

1. Грамота Императора Петра Великаго черногорскому митрополиту Давіилу.

Божією милостію Мы, Петръ Первый, Царь и Императоръ Всеросійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Преосвященнымъ архипастырямъ, благороднымъ и превосходительнѣйшимъ князьямъ и прочимъ господамъ духовнаго и мірскаго чина, во Албаніи сущимъ Дукачиняномъ, Климентамъ, Кучамъ, Пиперамъ и инымъ какъ православно-греческаго, также и римскаго законовъ здравіе и всякое благополучіе отъ Всевышняго да будетъ.

Извѣстно вашимъ благороднымъ особамъ да будетъ и всеѣмъ народамъ, почитателямъ Распятія Христа Бога нашего, чрезъ котораго вси надѣемся во царствіе Его внити, потрудившися добросердечно за церковь и вѣру.

Понеже турки варвары, Христовой церкви и православнаго народа гонители, многихъ государствъ и земель неправедные завоеватели, многихъ святыхъ церквей и монастырей разорители, не довольни суть владѣніемъ грецкаго имперія и иныхъ многихъ потентатовъ, не завоеванныхъ, но неправедно отобранныхъ и, прельщая сырыхъ, убогихъ и вдовыхъ, склоняють прежде во свою протекцію, а потомъ яко волки овецъ расхищали и стадо христіанское разоряли и толикія христіанскія провинціи въ подданство неправедно привели, яко и донинѣ тиранствомъ и мученіемъ оныхъ раззоряють и въ поганскую магометанскую вѣру насильно привлекають, а нынѣ, видя они нечестивцы Насъ, Наше Царское Величество, христіанскому народу доброжелательныхъ и за помощію и милостію Божією въ воинскихъ поступкахъ предупѣвательныхъ, возымѣвше подозрѣніе, будто Мы намѣрены отбирать отъ нихъ неправедное завладѣніе земель и христіаномъ, подъ игомъ ихъ стесняющимъ, помогать, то они турки, союзився съ еретикомъ королемъ швецкимъ (который за Божією помощію чрезъ оружіе Наше побѣжденъ и войско его на голову побито и въ полонъ взято, и государства его немалая

часть завоевана, а достальное въ послѣднюю нищету и разореніе праведною Нашею войною приведено, и отобранны не токмо Нашихъ блаженныя памяти самодержцевъ земли и города отъ несправеднаго шведскаго владѣнія, но и три превеликія провинціи со многими городами кругъ моря Балтійскаго завоеваны, и тако чрезъ Божию милость оружіе Наше прославлено, о чемъ надѣмся, что вашимъ особамъ извѣстно), Нашему Царскому Величеству несправедно, безъ жадныя отъ Насъ данныя имъ причины войну объявили и посла Нашего, въ Константинополь пребывающаго, въ темницу засадили, намѣряюще и достальное стадо Христово въ подданство свое привести. Того ради Мы, видя такія ихъ неправды и призирая гоненіе, еже на христіанъ, призвавъ Бога на помощь, принуждены есмы собирать не токмо Наши войска и силы, но и прочихъ потентатовъ, союзниковъ Нашихъ, и сего года весною намѣреніе имѣемъ, дабы не токмо возможи напротивъ непріятеля онаго бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣтельства его вступить и утѣсненныхъ православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго его освободить ига. На которую войну полагаемъ крайніе Наши таланты и съ любезновѣрными и искусными Нашими войсками самоперсоннѣ выступаемъ противъ врага вѣры. Ибо всѣмъ добрымъ, чистымъ и кавалерскимъ христіанскимъ сердцамъ должно есть, презрѣвъ страхъ и трудности, за церковь и православную вѣру не токмо воевати, но и послѣднюю каплю крови проліяти, что отъ Насъ по возможности Нашей и учинено будетъ.

Притомъ, понеже извѣстны Нашему Царскому Величеству храбрость древнихъ вашихъ владѣтелей, и глубина добрыхъ вашихъ христіанскихъ сердець, и искусство, которое прежде сего по должности своей чрезъ храброе оружіе за вѣру въ воинскихъ случаяхъ оказывали есте, якоже Мы удостовѣрихомся изъ книгъ, каковы напечатаны по всему свѣту, восхваляя воинскія искусства вашихъ народовъ, что великій Александръ Македонскій съ немногими войсками тамошнихъ народовъ многихъ царей побѣдилъ и многіе имперіи завоевавъ, безсмертную славу въ воинскомъ обхожденіи по себѣ оставилъ; Георгій Кастріотъ, сирѣчь Скендербекъ, во всю свою жизнь съ немногими войсками вашего народа не токмо лютому поганскому зубу не допускалъ себя кусать, но еще на 63-хъ главныхъ баталіяхъ непріятеля на голову побивалъ. А ежели бы и прочіе деспоты и владѣтели съ такими же сердцами трудились, то не допустили бы себе въ неволю и наслѣдниковъ своихъ въ подданство.

Того для, въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ древнія свои славы обновити, союзившеся съ Нашими силами и единомышленно на непріятеля вооружившеся воевать за вѣру и отечество,

за честь и славу вашу, за свободу и вольность вашу и наслѣдниковъ вашихъ. Но еще кто изъ васъ въ сей праведной войнѣ потрудится, той перво отъ Бога получить всякое благое воздаяніе, а отъ Насъ милость и награжденіе, и пожалованъ будетъ всякъ по услугамъ и желанію вашему привилегіями Нашими, ибо Мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе народы христіянскіе отъ тиранства поганскаго высвободить, православныя церкви паки украсить и животворящій Крестъ возвысити. И тако еще будемъ единокупно всякъ по своей возможности трудиться и за вѣру воевати, то имя Христово прославится наивышше, а поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, въ пески и степи аравійскіе.

Данъ въ Москвѣ, лѣта Господня 1711-го, Марта въ 3-е.

2. Грамота Императора Петра Великаго черногорскому князю Лукѣ Петровичу.

Божіею милостію Мы, Петръ Первый, Царь и Императоръ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Благороднымъ, превосходительнѣйшимъ, почтеннѣйшимъ, преосвященнымъ митрополитамъ, княземъ, воеводамъ, сердаремъ, арамбашамъ, капитаномъ, витезамъ и всѣмъ доброжелательнымъ христіаномъ православныя вѣры греческія и римскія, и прочимъ духовнаго и мірскаго чина людемъ Сервіи, Славоніи, Македоніи, Босны, Ерцеговины, а именно Черногорцамъ, Никшичамъ, Баняномъ, Пивляномъ, Дробнякомъ, Гачаномъ, Требиняномъ, Хорватамъ и прочимъ христолюбивымъ, обрѣтающимся подъ игомъ тиранскимъ Турскаго Салтана, здравствовать и радоватися.

Извѣстно да будетъ вашимъ благороднымъ особамъ и всѣмъ народамъ, почитателямъ Распятія Христа Бога нашего, чрезъ Него же вси надѣмся во царствіе Его внити, добросердечно потрудившися за вѣру и церковь:

Понеже турки варвары, Христовой церкви и православнаго народа гонители, многихъ государствъ и земель неправедные завоеватели и многихъ святыхъ церквей и монастырей разорители, не довольни суть владѣніемъ грецкаго имперія и иныхъ многихъ потентатовъ, не завоеванныхъ, но неправдою взятыхъ, и прельщая сирыхъ, убогихъ и вдовыхъ склоняють прежде во свою протекцію, а потомъ яко волцы овецъ расхищаютъ и стадо христіанское разоряють, и толикія христіанскія провинціи въ подданство неправедно привели, яко и донинѣ тиранствомъ и мученіемъ оныхъ разоряють и въ поганскую магометанскую вѣру насильно приводятъ. А нынѣ, видя они, нечестивцы, Насъ, Наше Царское

Величество, и христiянскому народу доброжелательныхъ, и за помощію и милостію Божіею въ воинскихъ поступкахъ предиспѣвательныхъ, возымѣвше подозрѣніе, якобы Мы намѣрены отбирать отъ нихъ несправедное завладѣніе земель и христiяномъ, подъ ихъ игомъ стѣнящимъ, вспомогать, то они, турки, союзився съ еретикомъ королемъ швецкимъ, (который Божіимъ вспоможеніемъ чрезъ оружіе наше побѣжденъ, и войско его на голову побито и въ полонъ взято, и государства его немалая часть завоевана, а достальное въ послѣднюю нищету и разореніе праведною Нашею войною приведено, и отобраны не токмо Нашихъ блаженныя памяти самодержцевъ земли и города отъ несправеднаго швецкаго владѣнія, но и три превеликія провинціи со многими градами кругъ моря Балтійскаго завоеваны, и тако чрезъ Божію милость оружіе Наше прославлено, о чемъ надѣмся яко вашимъ особамъ есть извѣстно), Нашему Царскому Величеству несправедно, безъ жадныя отъ насъ данныя имъ причины, войну объявили и посла Нашего, въ Константинополѣ пребывающаго, въ темницу засадили, намѣряюще и достальное стадо Христово въ подданство привести.

Того ради, взирающе Мы на сиевыя ихъ неправды и на христiянъ гоненіе, призвавше Бога на помощь, понудихомся собирати не точію Наши войска и силы, но и прочихъ потентатовъ, союзниковъ Нашихъ, и сего года весною намѣреніе имѣемъ, дабы не токмо возмощи Намъ противу непріятеля онаго бусурмана съ воинствомъ отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣтельства его вступить и утѣсненныхъ православныхъ христiянъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго его освободити ига, на которую войну полагаемъ крайніе Наши таланты и съ любезновѣрными и искусными Нашими войска самоперсоннѣ противъ непріятеля онаго выступаемъ, ибо всѣмъ добрымъ, чистымъ и кавалерскимъ христiянскимъ сердцамъ должно есть, презрѣвъ страхъ и трудности, за церковь и православную вѣру не токмо воевати, но и послѣднюю каплю крове проліяти, что отъ Насъ, по возможности Нашей, и учинено будетъ.

Притомъ, понеже удостовѣрились есмы изъ многихъ исторей, яко древніе ваши короли, деспоты и князіе и прочіе господа не токмо отъ языка славенска славно всегда почитахуся, но и оружіемъ сами себя во всей Европѣ храбро ославляху даже до тиранскаго несправеднаго овладѣнія, того для въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно сѣть вамъ, подражая вышереченныхъ своихъ предковъ, древнія свои славы возобновити, союзився съ Нашими силами и единокупно на непріятеля вооружився, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу, за свободу и вольность вашу и наслѣдниковъ вашихъ. Прочее аще кто отъ васъ въ сію праведную войну за вспоможеніе христiяномъ

потрудится, имать той перво получить отъ всеблагаго Бога всякое благое возмездіе, а отъ Насъ—милость и награжденіе, и пожалованъ будетъ кійждо васъ привилегіями Нашими по услугамъ и желанію вашему, ибо Мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошныя народы христіянскіе отъ тиранства поганскаго избавити, православныя церкви паки украсити и животворящій крестъ возвысити. И тако наконецъ, аще будемъ единодушно кійждо по своей возможности трудиться и за вѣру воевати, то имя Христово вѣще прославится, а поганина Магомета наслѣдницы будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, въ пески и степи аравійскіе.

Сіи Наши Царскаго Величества грамоты доброжелательныя благороднымъ вашимъ особамъ вручены будутъ отъ посланныхъ Нашихъ.

Дано въ Москвѣ, лѣта Господня 1711-го, Марта въ 3-е.

[Обѣ грамоты, во многомъ дословно сходныя между собою, не имѣютъ никакой подписи, но были вложены въ конверты за государственною печатью].

3. Грамота полковника Милорадовича.

Мы, Михаилъ Милорадовичъ, Божіею милостію великій полковникъ и кавалиръ Благочестиваго Царя Петра Алексіевича, перваго Императора и непобѣдимаго монарха, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и надъ многими государствами государя и обладателя, втораго Константина Великаго.

Даемъ разумѣти свакому господару кои би се споменуо чести и вѣрне службѣ юнакахъ и храбріехъ и вѣрніехъ витезовахъ Црьногорскіехъ, кои найпрви почеше воевать за вѣру и законъ за благочестиваго Царя Петра и кои найпрви насъ примише и Царске кнѣге послушаше найпрви и у свою землю Црьнугору піацу одъ арме учинише, и многу муку и трудность подніеше, докле се око нихъ друга племена уединише и друга земля, зашто видетји мы, да на друго мѣсто ніе толико вѣрна и храбра народа, кои би могао учинитъ войску, коя би могла господаря и посланика Царева одержать до нихъ; зашто мы видетји нихъ вѣру и храбрость, кои су были држали своего господина Ивана Чрьноевитја и вѣрно га служили, кои бише Иванъ найпослѣдніи господинъ и самодержецъ Зетски и кои се найпослѣдніи отъ све Срьбске Господе цару турецкому противію, како се находѣ у лѣтописце царске. Зато видетји мы такову ихъ прѣву и садашню вѣрну службу, допускаемо имъ сваку слободу, да су своевластни, да не маю надъ собомъ господаря, токмо Царя, а другу меншу господа и офицере да имаю отъ своихъ племенахъ и отъ своего отечества, а отъ друге земле и отъ другога племена да нема

никада медју нима ни войводе, ни кнеза, ни капетана, ни никаквога старіега, токмо Цара, по царскому закону и суду, а по духовному митрополита, како смо ихъ тако и нашли и како имъ е было и кодъ Ива Чрноевитја, а духовни пастиръ и архіерей отъ нихъ племена и отечества, и войводе, и кнезови, и капетани и сваки офицеръ да има бити отъ нихъ отечества, а изъ друге стране никако, то имъ допущисмо съ заклетвомъ, и допущемо имъ, да немаю даватъ никакве даціе, ни харача, ни десетка, ни на баштину, ни на виноградъ, ни на ливаду, ни на коня, ни на вола, ни на дробну стоку, ни на пчелу, ни на никакву работу живу ни мртву, него да су либери и франки отъ свашта и да никаква другога измета не чине, ни службе ни съ конемъ, ни съ воломъ, ни юнакомъ, нако съ мачемъ и съ пушкомъ да су вояци Цареви, другога измета да не чине никаква, ни да имаю даватъ зовъ—ни масло, ни сиръ, ни месо, ни хлѣбъ никому у конатъ данка, нако што е кому отъ части драго. И да има свакому офицеру плата отъ Цара,—войвода войводску, а кнезь—кнежевску, капетанъ—капетанску и сваки офицеръ свою, како у најбольега краля, и да имаю ови пръви боляри стиманцу и болярство, кому е отъ кудје и отъ старине, и да су своевластни помедју себе судъ чинити за свое работе; и отъ овога нихъ племена црьногорскога кои бы трговину носіо крозь ону землю, кою бы Богъ допустіо Цару Петру владати, да нема ни еданъ црьногорацъ царине даватъ никаква данка ни на какву трговину, ни на малу, ни на велю, него имъ допущемо, да су отъ тога либери и франки, све имъ допущемо, да су отъ свашта своевластни до двое: едно црьква коя има што свое, или села, или ниве, или винограде, или ливаде, или планине, или бродове отъ рибе, сваки свое да има, како русоволи успишу, и то да е све подъ областъ Митрополита Цетинскога, у то мирски люде да се не міешаю безъ благослова архіереа. И коя се црьква надје пуста, а отъ притјее біо манастиръ, а буду кои турци притисли баштине, и то допущавамо, да се понови и до свое има и бродове отъ рибе, и баштине, и све свое, и што бы кои Царъ придао, и то свака да има, и да е слободна, како за светопочивше Господе Кралевахъ; и како кои пишу кнѣге такви доходакъ да узима, и што смо више писали, да имъ двіе ствари не допущавамо, оне су двіе поради духовне работе, а една да не има ни еданъ мирски човекъ уложи ти досадитъ, ни да се има и судъ міешати, а друго имъ све допущасмо да су вольни и слободни у сваки градъ съ мачемъ о пасу шетати и съ свіемъ оружіемъ, да су вольни предъ свакога господара слободни изистити, а они да су вазда готови съ оружіемъ у руци за Цара воеватъ на свою крапину о своме харчу, теке да имъ дава Царъ прахъ и олово, и кому узманка мачъ и пушка, и то Царъ да имъ дае, кадъ е ратъ; а кадъ е

миръ, да не ишту ништа у Цара, ни Царъ отъ нихъ да не иште ништа, ни други кои господаръ. И акобы у кое вріеме Царъ звао на другу краину воевать, да ихъ силомъ нема тјерать, накобы хтіо кто отъ свое воле пошао заслужитъ Цару, онда да имъ дава Царъ сву храну и сваки начинъ войнички.

Тако се ово писмо учини, да не буде никогда пометнуто, него потврдјено съ заклетвомъ. Писасе на збору Црьногорскому на Цетинѣ, априла 16, 1712.

Благочастиваго Цара Петра велики полковникъ и каваліеръ

Мы Михаилъ Милорадовичъ.

4. Грамота Императора Петра I.

Божією милостію Мы, Петръ Первый, Царъ и Самодержецъ Всеросійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Преосвященнымъ митрополитомъ, превосходительнѣйшимъ, почтеннѣйшимъ господамъ губернаторамъ, капитаномъ, княземъ и воеводамъ и всѣмъ христіаномъ православно-греческаго, также и римскаго исповѣданія, духовнаго и мірскаго чина въ Сервіи, Македоніи, Черногорцамъ и Приморцамъ, Герцеговцемъ, Никшичамъ, Баняномъ, Пивляномъ, Дробнякомъ, Гачаномъ, Требиняномъ, Кучамъ, Бѣлонавличамъ, Пиперомъ, Васоевичамъ, Братоножичамъ, Климентамъ, Граховляномъ, Рудиняномъ, Поповляномъ, Зубцемъ Наше Царскаго Величества благоволеніе.

Понеже Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, извѣстно, како въ прошломъ 1711-мъ году, когда противу Насъ турецкій салтанъ безъ всякія отъ Насъ данныя причины войну всчалъ, вы по Нашему желанію и къ вамъ письменному напомниманію чрезъ полковника Нашего Михаила Милорадовича и капитана Ивана Лукачевича отъ Подгорицы, которые отъ нихъ вручены Преосвященному Даниилу Счепчевичу *) Негошу, который своею ревностію и вашею христіанскою и ради единовѣрія и единойзычія съ Нами и подражая древнія славы предковъ вашихъ славенскаго единоплеменнаго съ Нами народа, вооружившися, всенародно показали воинскія противъ того общаго христіанству непріятеля храбрыя и славныя дѣйства, за что потомъ, когда тотъ салтанъ турецкій паки съ Нами миръ возобновилъ, прислалъ въ провинціи ваши турецкія свои войска, которые многихъ изъ вашихъ народовъ порубили и мучительски умертвили, иныхъ же по каторгамъ развезли, монастыри же и церкви пожгли и церковныя утвари и ваши

*) Степановичу.

пожитки разграбили, о чемъ Мы какъ изъ постороннихъ вѣдомостей, такъ и чрезъ присланныхъ вашихъ ко Двору Нашему извѣстилися и по христіанской должности соболѣзнуемъ, и повелѣли во всемъ Нашемъ царствіи въ Божіихъ церквахъ и въ монастыряхъ за оныхъ пострадавшихъ за вѣру христіанскую и вѣнчавшихся мученическимъ вѣнцемъ соборнѣ Бога молити и поминовеніе творити. Вамъ же въ животѣ оставшимся ратоборцамъ, Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, восхотѣли чрезъ сію Нашу грамоту вашъ тотъ съ начала оной войны ревностный по христіанству и единовѣрію съ Нами подвигъ и оказанныя воинскія дѣйствія Всемилоствѣйше похвалить и за показанное въ томъ случаѣ къ Намъ, Великому Государю, и ко всему Нашему имперію вспоможеніе возблагодарить, и хотя за нынѣшнюю долгопротяжною съ еретикомъ королемъ швецкимъ войною, на которую многія изживенія употреблять Мы принуждены, дабы оную какъ наискорѣе окончать, не можемъ Мы по достоинству и по заслугамъ вашимъ вамъ награжденіе учинить, однакожь во знакъ Нашей къ вамъ милости посылаемъ нынѣ съ преосвященнымъ Данииломъ Негошъ Сченчевичемъ, митрополитомъ Скендерійскимъ и Приморскимъ, чиновначальникомъ вашимъ сто шестьдесятъ золотыхъ персонъ Нашихъ, да денегъ пять тысячъ рублевъ на вспоможеніе разореннымъ людямъ и большей въ томъ случаѣ трудъ понесшимъ. Да ему, преосвященному митрополиту, на расплату долговъ его, въ семъ случаѣ полученныхъ, и на созиданіе разоренныхъ въ митрополіи его церквей и монастырей, пять тысячъ же рублевъ. А впредь, когда Мы миръ благополучный получимъ и отъ претяжкихъ воинскихъ изживеній освободимся, не оставимъ за ту вашу вѣрную службу Нашею Царскою милостію вѣще награждать. И понеже Мы имѣемъ нынѣ съ салтаномъ турскимъ миръ, и съ Нашей стороны желаемъ оный ненарушимо содержать, сего ради совѣтуемъ и вамъ имѣть съ нимъ миръ. Ежели же бы оный паки на Насъ и на государство Наше войну (чего въ нынѣшнее время не чаемъ) всчалъ, и въ такомъ случаѣ желаемъ отъ васъ паки по единовѣрію и единопольію оружію Нашему помощи и обнадеживаемъ васъ всякою Нашею Царскою милостію и награжденіемъ, которая Наша милость отъ васъ всѣхъ никогда и впредь неотъемлема будетъ. Въ прочемъ объявить вамъ Нашу милость бывший здѣсь при Дворѣ Нашемъ преосвященный митрополитъ Скендерійскій Данииль.

Данъ въ царствующемъ Нашемъ градѣ Санктпетербургѣ, лѣта отъ Рождества Христа Спасителя Нашего 1715-го, іюліа въ 9 день, государствованія Нашего 34-го года.

Государственный канцлеръ

Графъ Гаврило Головкинъ.

5. Грамота Императора Петра I.

Божією милостію Мы, Петръ Первый, Царь и Самодержецъ Всеросійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ симъ, кому вѣдать надлежитъ: понеже сего настоящаго 1715 году, прибывъ сюды къ Намъ, Великому Государю, преосвященный митрополитъ Даниль Скандаріи и Приморія и Черныя Горы, предлагалъ Намъ, что во время послѣдней между Нами и салтаномъ турскимъ войны народъ ихъ Монтенегринской и Приморской, по единовѣрствію съ Нами и согласію въ христіанскомъ православномъ греческаго исповѣданія законѣ, по ревности христіанской воздвигшій противъ тогдашнихъ нашихъ непріятелей турковъ оружіе, учинили на оныхъ немалую брань и чрезъ диверсію помощь Намъ, за что потомъ, когда салтанъ турецкой съ Нами миръ постановилъ, приславъ въ провинціи ихъ нѣсколько турецкихъ войскъ, многихъ изъ нихъ порубили, иныхъ же по каторгамъ развезли, монастыри же и церкви пожгли и вся церковныя утвари и ихъ пожитки разграбили, и такъ весьма разорили и опустошили, что тѣ, которые изъ народа ихъ люди, отъ того презестокаго разоренія кроясь въ горахъ и въ иныхъ странахъ, нынѣ возвратились не могутъ пожженныхъ монастырей и церквей создати и построить. Сего ради просилъ Насъ онъ, преосвященный Даниль митрополитъ, дабы, призирая на такое ихъ отъ салтана турецкаго многое разореніе, на созиданіе разоренныхъ отъ нихъ монастырей и церквей и церковныхъ вещей повелѣли дать архіерейское и священническое одѣяніе и книги, также и оскудѣлой ихъ народъ для ихъ христіанства чѣмъ пожаловать. И Мы, Великій Государь, вѣдая подлинно, что такое разореніе благочестивой Нашей вѣры монастырямъ, и святымъ церквамъ, и людемъ Монтенегринскаго народа отъ общихъ христіанъ гонителей турковъ учинилось ради единой вѣры ихъ съ Нами, такожь и за то, что во время съ Нами у турковъ войны оныя оружіе свое за благочестивую вѣру противъ тѣхъ непріятелей Христова имени воздвигали, и того ради, призирая на то преосвященнаго Данила митрополита сиравадливое прошеніе, за показанныя ихъ ко имперію Нашему вѣрную службу и христіанскую ревность пожаловали, повелѣли ему нынѣ изъ Нашей казны дать церковныя сосуды, архіерейскую и священническія одежды и въ церкви потребныя къ святой службѣ книги. Также соизволяемъ Мы, Великій Государь, изъ митрополіи Скендерійской и Приморія, изъ монастыря Рождества Пресвятыя Богородицы Цетинскаго, въ Черной Горѣ обрѣтающагося, въ предыдущія времена присланнымъ пріѣзжать въ государство Наше, а именно къ Москвѣ и сюды ко Двору Нашему,

въ Санктпетербургѣ въ третей годѣ по милостиню, а въ прїѣздѣ имъ быть по два и по три монаха, да по два жъ или по три человѣка изъ бѣльцовъ, съ которыми посылать въ тотъ монастырь въ такой указной годѣ по пяти сотъ рублевъ, да прїѣзжимъ монахомъ и бѣльцемъ давать кормъ и питье и на отпускѣ жалованье, и подводы противъ иныхъ такихъ же прїѣзжающихъ изъ греческихъ и другихъ подъ игомъ агарянскимъ обрѣтающихся благочестивыхъ монастырей. И когда изъ того монастыря по милостиню монахи въ государство Наше въ указной годѣ съ указнымъ числомъ людей поѣдутъ, и Нашимъ Ѳелдмаршаломъ, генераломъ, высшимъ и нижнимъ офицеромъ, а въ городѣхъ губернаторомъ, комендантомъ и всѣмъ вездѣ команду имѣющимъ пропускать ихъ къ Москвѣ и до резиденціи Нашей Санктпетербурга безъ задержанія и остановки, и въ дачѣ потребнаго числа подвоя и гдѣ надлежитъ провожатыхъ чинить имъ вспоможеніе. А преосвященному митрополиту Даніилу и впредь по немъ будущимъ митрополитомъ, іеромонахомъ и монахомъ, за сіе Наше Великаго Государя милостивое къ монастырю ихъ и къ народу Монтенегринскому призрѣніе и жалованіе, молити въ Троицѣ славимаго Бога о Нашемъ и всего Нашего Царскаго дома здравіи, о благополучіи нашихъ государствъ и о побѣдѣ на нашихъ непріятелей, за что Наша Царскаго Величества милость и впредь никогда отъемлема не будетъ. И во увѣреніе сего въ будущіе роды сію нашу Царскаго Величества жалованную грамоту имъ дать и Нашею государственною печатью утвердить повелѣли въ Нашемъ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ, лѣта отъ Рождества Христа Спасителя Нашего 1715-го, Іуліа въ 9-й день, государствованія Нашего 34-го года.

Государственный Канцлеръ

Графъ Гаврило Головкинъ.

6. Грамота Императрицы Елисаветы Петровны.

Божіею милостію Мы, Елисаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Благороднымъ и почтеннымъ господамъ Сербскихъ земель въ Македоніи и Скандаріи, Черной Горѣ и Приморіи, Монтенегринскаго народа губернаторамъ, воеводамъ, княземъ и капитаномъ, такожъ и инымъ духовнымъ и мірскимъ чиноначальникамъ Наше Императорское благоволеніе.

Предъ недавнимъ временемъ прибывшій сюда изъ Монтенегріи преосвященный Савва, митрополитъ Скандерійскій, Приморскій и Черногорскій, предлагая прежде оказанную Монтенегрійскаго народа къ Нашему любезнѣйшему Родителю, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти

Государю Императору Петру Великому вѣрную и усердную службу и объявляя нынѣшнее свое и общее ваше нужное состояніе, просилъ, дабы Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, призирая на ваши нужды и на возобновленіе для славословія Божія святыхъ церквей и монастырей, пожаловали, наградили денежною суммою и для священнослуженія архіерейскимъ облаченіемъ и священническими одеждами и церковными сосуды и книгами. И Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, оное прошеніе благосклонно воспріять соизволили, и по Нашему Императорскому Всемиловѣйшему благоволенію пожаловано за прежде оказанное къ Его Императорскому Величеству, блаженныя и высокославныя памяти Нашему Государю Родителю, Монтенегрійскаго народа усердіе, послано изъ казны Нашей съ вышепомянутымъ преосвященнымъ митрополитомъ Саввою вамъ награжденіе и на возобновленіе святыхъ церквей и монастырей денегъ три тысячи рублевъ; ему жъ митрополиту выдано опредѣленной по жалованной грамотѣ Родителя жъ Нашего, въ 1715-мъ году данной, въ Рождественской Цетинской въ Черной Горѣ находящейся монастырь милостини за всѣ прошедшіе по 1743-й годы три тысячи пятьсотъ рублевъ; еще съ нимъ же митрополитомъ въ Монтенегрію отправлено архіерейское облаченіе и священническія и діаконскія одежды, такожъ церковные сосуды серебряные и книгъ довольное число, чему прилагается при семъ реестръ; да особливо ему митрополиту, за учинившіяся въ путѣ дучи сюда, издержки и на обратной ево и со обрѣтающимися при немъ дорожной проѣздъ, дано денегъ тысяча рублевъ, и тако онъ митрополитъ съ сею Нашею Императорскаго Величества грамотою и со упомянутымъ жалованьемъ отправленъ въ Монтенегрію по прежнему. И уповаемъ Мы, Великая Государыня, что вы все сіе пріймете съ благодареніемъ. Въ прочемъ же Наша Императорская милость къ вамъ и впредь неотъемлема будетъ.

Данъ въ Москвѣ, мая 10-го дня 1744-го года.

По Всемиловѣйшему Ея Величества указу
Государственный Вице-канцлеръ

Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

7. Грамота Императрицы Елизаветы Петровны.

Божіею милостію Мы, Елисаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Благороднымъ и почтеннымъ господамъ Сербскія земли въ Македоніи и Скандаріи, Черной Горѣ и Приморіи Монтенегринскаго народа

губернаторамъ, воеводамъ, княземъ и капитанамъ, такожъ и инымъ духовнымъ и мірскимъ чинамъ Наше Императорское благоволеніе.

Предъ нѣкоторымъ временемъ прибывшій сюда изъ Монтенгеріи преосвященный Василій Петровичъ, архіерей черногорскій, предлагая преждеоказанную Монтенегринскаго народа къ Нашему любезнѣйшему Государю Родителю, блаженный и вѣчной высокой славы достойныя памяти Государю Императору Петру Великому, вѣрную и усердную службу и объявляя нынѣшнее свое, общее же и ваше нужное состояніе, просилъ, дабы Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, призирая на ваши нужды и на возобновленіе для славословія Божіи святыхъ церквей, пожаловали, наградили денежною суммою и для священнослуженія архіерейскимъ облаченіемъ, священническими одеждами и церковными книгами. И Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, оное прошеніе благосклонно воспріять соизволили и по Нашему Императорскому Всемиловѣйшему благоволенію за прежде оказанное къ Его Императорскому Величеству, блаженный и вѣчныя высокія славы достойныя памяти Нашему Государю Родителю, Монтенегринскаго народа усердіе, пожаловано и съ вышепомянутымъ преосвященнымъ архіереемъ Василиемъ послано вамъ въ награжденіе и на возобновленіе святыхъ церквей денегъ пять тысячъ рублевъ; ему жъ архіерею выдано опредѣленной по жалованной грамотѣ Родителя жъ Нашего, въ 1715-мъ году данной, въ Рождественской Цетинской въ Черной Горѣ находящейся монастырь милостини съ 1743 по 1753 годъ, да съ нимъ же архіереемъ отправлено архіерейскаго облаченія и священническихъ и діаконскихъ одеждъ и книгъ по приложенному присемъ реестру, и особливо ему архіерею за учинившіяся въ пути издержки и на обратной ево и со обрѣтающимися при немъ дорожной проѣздъ дано денегъ три тысячи рублевъ, да сверхъ того изъ Высочайшей Нашей Императорской милости ему жъ архіерею пожалована отъ Насъ панагія, украшенная драгоцѣнными брилліантами. И какъ онъ по такомъ Нашего Императорскаго Величества Всемиловѣйшемъ награжденіи, съ сею Нашею Императорскаго Величества грамотою обратно въ Монтенегрію отправленъ, такъ Мы, Великая Государыня, не сомнѣваемся, что вы, прибывая непременно въ прежнихъ къ Высочайшей Имперіи Нашей доброжелательныхъ и усердныхъ услугахъ, оныя и благодарность вашу при всякомъ случаѣ засвидѣтельствовать не оставите. Въ прочемъ же Наша Императорская милость къ вамъ и впредь неотъемлема будетъ.

Дана въ Москвѣ, 8-го Майя 1754 года.

По Всемиловѣйшему Ея Величества указу

Канцлеръ

Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

8. Грамота Императрицы Екатерицы II.

Божією милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Преосвященнымъ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и всѣмъ другимъ духовнымъ властямъ, благороднымъ, степеннымъ и храбрымъ князьямъ, воеводамъ, сердарямъ, арамбашамъ, капитанамъ, арматоламъ и прочимъ военнымъ и гражданскимъ начальникамъ, также и всѣмъ христіанскимъ обществамъ единовѣрныхъ Намъ благочестивыхъ святыхъ восточныхъ церкви греческихъ и славянскихъ народовъ, при желаніи вамъ всѣмъ, по состоянію чина и званія каждаго, славы и благополучія и всѣхъ другихъ благъ, объявляемъ сею Императорскою грамотою Высочайшую Нашу милость и благоволеніе.

Изъ дѣяній прошедшаго и настоящаго еще времени извѣстно Намъ и всему свѣту, съ коликою ревностію и съ коликимъ мужествомъ защищали и защищаютъ понынѣ православные греческіе и славянскіе народы истинное свое благочестіе и древнюю ихъ, отъ предковъ наслѣдованную, вольность и колікія должныствуютъ они повседневно почти претерпѣвать въ томъ и другомъ несносныя обиды, насильства и мученія отъ нечестивыхъ магометанъ и вѣчной ихъ ко христіанству ненависти. Не проходитъ почти ни одного дня, въ который бы по злобѣ за вѣру и благочестіе не лилась ручьями невинная кровь во Христѣ братьей нашихъ и вашихъ и согражданъ и въ который бы еще не былъ гдѣ ни есть оскверненъ или опустошенъ какой храмъ служенія Христа Спасителя Нашего. Сколько въ сихъ вашихъ плачевныхъ бѣдствіяхъ съ одной стороны содрогаетъ ужасомъ человѣколюбивое и теплое, къ единой истинной вѣрѣ любовію преисполненное сердце Наше, столько съ другой, по симъ самимъ богоугоднымъ побужденіямъ, хотимъ и желаемъ Мы, для совершеннаго оныхъ единожды навсегда отвращенія и упрежденія, подать всѣмъ вамъ, благочестивые греческіе и славянскіе народы, руку сильной помощи и употребить къ освобожденію Васъ изъ челюстей тяжелой неволи и утѣсненія варваровъ всѣхъ единовѣрной съ вами Имперіи Нашей отъ Всевышняго Промысла дарованныя силы и средства.

Мы находимся теперь въ явной съ Портою Оттоманскою войнѣ, которую начала она противу Насъ съ крайнимъ вѣроломствомъ и нарушеніемъ освященныхъ союзовъ вѣчнаго мира, за то, что Мы въ земляхъ сосѣдственной съ Нами Рѣчи Посполитой Польской предупредили стараніемъ и предстательствомъ нашимъ доставить православнымъ греко-россійскаго исповѣданія обывателямъ прежнія ихъ, на законахъ и торжественномъ трактатѣ съ Имперіею Нашею основанныя, права и преимущества полного съ папистами равенства, изъ коего они силою и на-

сильствомъ только сихъ послѣднихъ вовсе исключены были, называя она, Порта, сей Нашъ справедливостію и должною церкви Христовой стражею вынужденный подвигъ утѣсненіемъ вольности сей Рѣчи Посполитой, подобно какъ бы возстановленіе законнаго равенства между гражданами ея могло оному какъ ни есть предосудительно быть.

Храбрыя, благоустроенныя, всѣмъ изобильно снабдѣнныя и къ побѣдамъ обыкшія войска Наши собрались уже въ близости турецкихъ границъ, а когда вы получите сію Нашу Императорскую грамоту, въ то время будутъ уже они конечно двумя многочисленными арміями въ дѣйствительномъ ополченіи противъ общаго Нашего непріятеля.

Имѣя справедливость дѣла на Нашей сторонѣ, а притомъ Церковь святую и самое Благочестіе—неразлучными поборниками оружія Нашего, несумнѣнно надѣмся Мы, что благословеніе Царя войны и мира будетъ всегда съ онымъ и что Онъ увѣнчаетъ еще славнымъ и полезнымъ успѣхомъ всѣ Наши предпріятія, Ему единому въ честь и славу простирающіяся. Вы же, благочестивые греческіе и славенскіе народы, если хотите низринуть съ себя и попрасть несносное иго злочестивыхъ агарянъ, если хотите воздвигнуть для себя и для потомковъ своихъ Церковь Христову на камени твердомъ и привести ее въ совершенную на будущія времена безопасность, и если еще хотите не только оградить остатки древней и драгоцѣнной вашей вольности, но и распространить еще оную до высочайшей степени, какая приличествуетъ древнимъ завоевателямъ и обладателямъ большей части извѣстнаго тогда свѣта, отъ коихъ вы всѣ исходите родомъ, языкомъ и мужествомъ,—имѣете теперь случай удобнѣйшій, а можетъ быть, буде нынѣ тщетно упустится, и никогда уже не возвращаемый, достигнуть сихъ трехъ верховныхъ предметовъ общей вашей цѣлости и благополучія подъ покровомъ оружія Нашего въ здѣшней части непріятельскихъ владѣній и подъ сѣнію Нашей помощи въ собственныхъ вашихъ жилищахъ.

Успѣхъ теперь въ рукахъ вашихъ и единственно зависитъ отъ васъ самихъ. Призовите только съ вѣрою и надеждою Бога въ помощь и соединитесь между собою, предъ лицомъ Его, священнымъ и неразрывнымъ обязательствомъ взаимной клятвы и совершеннаго единомыслія, а затѣмъ и ударяйте уже на общаго вашего врага согласными сердцами и совокупными силами, продолжая и простирая ополченіе и побѣды ваши даже до самаго Константинополя, яко древней греческихъ императоровъ столицы и града, святыми мѣстами препрославленнаго, кои на Небо вопіютъ! Изжените оттуда остатки агарянъ со всѣмъ ихъ злостіемъ и возобновите православіе въ семъ ему посвященномъ градѣ! Слава сія вамъ теперь предлежитъ, и Всевышній будетъ вамъ, конечно,

Самъ невидимый и непобѣдимый Вождь! Насталъ къ тому часъ удобный, ибо вся громада невѣрныхъ будетъ въ удаленіи въ Нашей сторонѣ и тамъ совершенно упражняема дарованными Намъ отъ Бога силами. Кромѣ того, что число благочестивыхъ обывателей какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага несравненно вездѣ превосходитъ число невѣрныхъ и что они, безъ сомнѣнія, съ охотою и радостію къ подвигу вашему приобщаясь, силы ваши собою и имуществомъ своимъ гораздо умножать будутъ,—общаемъ Мы вамъ всѣмъ всякое отъ Насъ по дальности мѣстъ возможное подкрѣпленіе и вспомошествованіе и опредѣляемъ еще вамъ надежнаго и знатнаго предводителя испытанной неустрашимости и искусства, который еще своею теплою вѣрою и набоженствомъ къ сему для православной Церкви служенію сугубо подвигнуть, съ способными подъ нимъ военачальниками.

Въ прочемъ обнадеживаемъ Мы еще васъ сильнѣйшимъ и торжественнымъ образомъ, что отнынѣ навсегда будемъ признавать вѣрными и неложными друзьями Имперіи Нашей всѣ тѣ народы, кои въ настоящей войнѣ составятъ, ради собственной своей пользы, вольности и благополучія, общее съ Нами дѣло, и что Мы за такое ихъ дѣйствительное предпріятіе при возстановленіи мира не оставимъ, конечно, включить ихъ въ оный съ выговореніемъ въ пользу ихъ достаточной безопасности и другихъ выгодъ съ полною для благочестія свободою.

Святость Императорскаго Нашего слова, которымъ Мы сіе обнадеживаніе утверждаемъ, можетъ всѣмъ вамъ, благочестивымъ греческимъ и славянскимъ народамъ, служить вѣрнымъ и неподвижнымъ залогомъ исполненія его, ибо оно непричастно ни малѣйшаго ни въ какое время изъятія или двоеразумія.

Для довѣренности всему, въ сей грамотѣ написанному, повелѣли Мы утвердить ее государственною Нашею печатью, еже учинено въ престольномъ Нашемъ градѣ Санктпетербургѣ, Генваря мѣсяца въ 29-й день, лѣта отъ воплощенія Христа Спасителя тысяща седмь сотъ шестьдесятъ девятого, а государствованія Нашего седьмого года.

По Всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества указу,

Графъ Н. Панинъ с. р.

Князь Александръ Голицынъ с. р.

9. Грамота Императрицы Екатерины II.

Божіею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Преосвященнымъ митрополитамъ и прочимъ архіереямъ и всему духовенству, благороднымъ, почтеннымъ и Намъ любезновѣрнымъ прави-

телямъ, начальникамъ, воеводамъ, князьямъ, дворянамъ и всѣмъ гражданамъ славныхъ и храбрыхъ черногорскихъ и иныхъ имъ единоплеменныхъ народовъ Наше Императорское благоволеніе и милость.

Извѣстно уже вамъ, какимъ вѣроломнымъ и наглымъ образомъ непримиримый врагъ Креста Господня паки вызвалъ Насъ на брань, и что Мы паки принуждены нашлись, въ оборону Церкви Православной и въ отмщеніе оскорбленнаго достоинства Царскаго вѣнца Нашего, обратить на него сухопутныя и морскія Наши силы.

Въ ожиданіи, покуда флотъ Нашъ и войска, на немъ отряженныя, подъ главнымъ начальствомъ Нашего адмирала Грейга, достигнутъ Средиземнаго моря и мѣсть, оному прилежащихъ, для пораженія непріятеля Нашего, для исторженія народовъ христіанскихъ изъ-подъ ига агарянскаго и для обезпеченія свободы и безопасности тѣхъ, кои доселѣ еще храбростію, отъ предковъ наслѣдуемою, противоборствуютъ варварамъ, отправили Мы сухимъ путемъ въ Италію Нашего генерала-поручика Заборовскаго, снабдивъ его Нашею довѣренностію и наставленіемъ не токмо приуготовить все, для Нашего ополченія нужное, но и внять прошеніямъ и желаніямъ народовъ христіанскихъ, къ тому краю прилеглыхъ, удовлетворить онымъ по возможности и всякое подать имъ утѣшеніе.

Храбрыхъ черногорскихъ и прочихъ имъ единоплеменныхъ народовъ горячность къ вѣрѣ православной и приверженность ко Всероссійскимъ Самодержцамъ, исповѣдающимъ оную со всѣмъ царствомъ ихъ, вѣдомы всему свѣту, наипаче же со временъ безсмертно-славнаго Императора Петра Великаго. Удостоверены будучи въ таковыхъ же расположеніяхъ сихъ народовъ, поручили Мы помянутому генералу-поручику открыть съ вами сношенія, преподать вамъ обнадеженіе о нашихъ Императорскихъ милости и благоволеніи ко всѣмъ вамъ, и естли благочестіе, невѣрными поругаемое, свобода, отъ нихъ угрожаемая и угнетаемая, безопасность и покой, ими нарушаемые, вдохнуть въ васъ ревность раздѣлить съ Нами подвигъ противу врага имени христіанскаго, въ такомъ случаѣ о мѣрахъ къ подъятію оружія и о пособіяхъ вамъ въ томъ съ вами согласится; въ чемъ имѣйте къ нему вѣру и будьте благонадежны, что Мы всегда на сердцѣ имѣть будемъ стараться обезпечить васъ по всей возможности; тѣхъ же, кои отмѣнное къ общему благу усердіе и храбрость окажутъ, Нашею Монаршею милостію и воздаяніемъ отличить не преминемъ. Богу же Всемогущему васъ во всѣхъ благихъ намѣреніяхъ вашихъ поручая, пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію всегда благосклонны.

Дана въ Царствующемъ Нашемъ градѣ Святаго Петра, марта четвер-

таго-на-десять дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча семь сотъ восемьдесятъ осмое, государствования Нашего двадесять шестое.

ЕКАТЕРИНА.

Графъ Иванъ Остерманъ.

10. Письмо генераль-поручика Заборовскаго.

Преосвященнѣйшій Господинъ Митрополитъ со всѣми почтеннѣйшими духовными властями и чинами, Превосходительные Господа Правители и прочіе почтенные чиновачальники славныхъ и храбрыхъ черногорскихъ и иныхъ единовременныхъ имъ народовъ, благородные дворяне и всѣ сограждане сихъ странъ!

Изъ посылаемой съ симъ Высочайшей грамоты Ея Императорскаго Величества Благочестивѣйшей Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской познаете Ваше Преосвященство и Ваши Превосходительства со всѣми обществами новый и убѣдительный опытъ милостиваго Ея промысла о народѣ вашемъ, единую Православную вѣру съ Нею и со всею Ея Имперіею исповѣдующемъ, и что въ семъ видѣ Ея Величество, посылая морскія и сухопутныя силы Ея въ Средиземное море для наказанія гордаго и наглаго врага всему христіанству турка, въ данныхъ военачальникамъ Своимъ наставленіяхъ предписала подкрѣплять всякимъ возможнымъ пособіемъ народы христіанскіе, отъ варваровъ агарянъ по сосѣдству угнетаемые или же подъ нечестивымъ игомъ ихъ страждущіе, естли они, благочестіемъ вдохновенные и ободренные памятію храбрыхъ и славныхъ дѣлъ предковъ своихъ, возстанутъ на защиту вѣры и оборону вольности, соединяя подвиги ихъ съ подвигами воинства Россійскаго. Такова есть точно часть данныхъ мнѣ отъ Всемилоствѣйшей Государыни моей наставленій при назначеніи меня къ командованію сухопутныхъ войскъ, какъ на флотѣ посылаемыхъ, такъ и тѣхъ, кои по ревности къ благочестію и свободѣ къ намъ присоединятся. Драгоцѣнно для меня избраніе, въ лицѣ моемъ учиненное къ сему служенію, яко доказующее отличную Монаршую довѣренность. Пріятно мнѣ также, что буду имѣть общее дѣло съ народами, коихъ благочестіе, мужество, приверженность къ Россіи и многія добрыя качества всегда я почиталъ отмѣнно. Не терпя ни мало времени, на сихъ дняхъ отсюда отправляюся, чтобъ поспѣшить быть съ вами въ близости; но дабы ускорить колико возможно всякими приуготовленіями подвиги, намъ подлежащіе, посылаю къ вамъ съ помянутою грамотою господъ полковника Тутолмина и преміеръ-маіора Драшковича,—офицеровъ исправныхъ и искусныхъ, къ коимъ прошу имѣя добрую вѣру, сообщить

имъ, какая вамъ помощь и въ чемъ именно надобна, и въ потребномъ случаѣ употребить въ вашу пользу совѣты ихъ. Въ ожиданіи, покуда я приѣду въ Италію и съ вами чрезъ сихъ же штабъ-офицеровъ или чрезъ вашихъ полномочныхъ изъяснюся и постановлю о всемъ, къ пользѣ вашей и общей нашей нужномъ, писано отъ меня къ Господамъ Министрамъ Ея Императорскаго Величества по Ея точной волѣ, и къ Господину бригадиру Псаро, въ Неаполѣ и Сициліи находящемуся, дабы они по сношенію господъ Тутолмина и Драшковича, по возможности въ потребномъ для ополченія вашего способствовали.

Сіи же посланные вручатъ Вашему Преосвященству панагію, отъ Ея Императорскаго Величества Вамъ жалуюмую въ знакъ Божія благословенія, Ею препосылаемаго на начатіе подвиговъ, во славу имени Его святаго и въ оборону вѣры и отечества подъемлемыхъ; причемъ отъ Ея Величества мнѣ указано повторить Вашимъ Превосходительствамъ и прочимъ чинамъ, что усердіе ваше въ общемъ дѣлѣ отличныхъ почестей и награжденій Монаршихъ удостоится. Пространнѣе сноситься съ вами буду по прибытіи моемъ въ Италію, пребывая всегда Вашего Высокопреосвященства и Вашихъ Превосходительствъ со всѣми обществами вашими доброжелательный и ко услугамъ готовый.

Ея Императорскаго Величества отъ арміи генераль-поручикъ, командующій сухопутными войсками, назначенными въ Средиземное море и близь лежащія мѣста, правящій должность генерала-губернатора Владимирскаго и Костромскаго намѣстничествъ и разныхъ орденовъ кавалеръ
Заборовскій.

P.S. Вслѣдъ за симъ отправленъ отъ меня будетъ къ вамъ, въ пособіе теперь посылаемыхъ, господинъ майоръ Рафаилъ Петровичъ.

Въ Санктпетербургѣ,
Маія 11-го дня
1788-го года.

11. Грамота Императрицы Екатерины II.

Божіею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и проч., и проч., и проч.

Преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ, боголюбивымъ епископомъ и всему духовенству, благороднымъ и Намъ любезновѣрнымъ князьямъ, военнымъ и гражданскимъ начальникамъ, дворянству, воинству и всѣмъ обитателямъ славнаго рода славянскаго, сербскимъ, черногорскимъ и прочимъ Наше Императорское благоволеніе и милость.

При всякомъ объявленіи войны всегда несправедливо отъ султановъ

турецкихъ Россіи предки Наши и Мы Самы, обладатели Россійскаго престола, подъемля въ защиту оружіе, не одинъ только предметъ имѣли, чтобъ наказать врага, но сопрягали купно съ тѣмъ великое Наше желаніе исторгнуть народы, вѣрующіе въ Іисуса Христа, избавить церкви православныя греческія отъ нечестиваго ига агарянскаго, ихъ угнетающаго.

Всевышній, благословившій всѣми побѣдами оружіе Наше надъ врагомъ христіанства, не явилъ еще на тѣ времена возжелѣннаго края непостижимыхъ судебъ Своихъ, воеже бы всѣмъ христіанамъ, упавшимъ подъ власть мучителей магометанъ, восторжествовать радостно общее свое избавленіе.

Съ одной стороны вѣдомы вамъ благость Нашего сердца и матернее попеченіе о васъ, яко о народѣ съ Нами единовѣрномъ, привлекавшемъ всегда и нынѣ привлекающемъ Наше къ себѣ покровительство; съ другой стороны испытуете вы тяжкимъ образомъ, koliko безконечное зло принадлежитъ державѣ турецкаго султана, подъ которою можете ли вы почитать хотя одинъ день, не боясь лишиться жизни и имѣнія? Умерщвленіе мучительски многихъ христіанъ представляетъ того примѣръ ужасный. И когда отъ Двора Нашего за подобныя безчеловѣчныя поступки возражаемо было правительству турецкому, то вмѣсто раскаянія встрѣчали только злобу, ухищренія и коварство, содѣйствовавшія вѣроломности, съ которою Намъ вновь война объявлена.

Уже Наши военныя силы подвигнуты во отраженіе враговъ; уже турки, покусившіеся нападать на Наши предѣлы, понесли свою гибель. А какъ Мы и въ нынѣшнемъ случаѣ паче и паче на сердцѣ имѣемъ защитить вѣру и православную греческую церковь и возвести на степень благополучія народы христіанскіе, страждущіе отъ тиранства варваровъ, то, во первыхъ, возвѣщаемъ о томъ всѣмъ жителямъ славнаго рода славянскаго, сербскимъ, черногорскимъ и прочимъ, которые, терзаемы будучи гоненіемъ враждующихъ и разоряющихъ ихъ войскъ турецкихъ, ревнуютъ о благочестивой христіанской вѣрѣ и питаютъ въ сердцахъ своихъ благомысліе къ Нашей защитѣ. Таковымъ обѣщаемъ Мы полное отъ оружія Нашего покровительство. Двѣ наши сильныя арміи, предводимыя генералами-фельдмаршалами графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ и княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, исходятъ теперь на пораженіе вѣчнаго врага христіанства. Морскія Наши силы, подъ начальствомъ адмирала Грейга снабдѣнныя притомъ и сухопутными войсками, отправляются въ Среди земное море. Всѣ онѣ имѣютъ повелѣніе Наше поспѣшить вступленіемъ въ предѣлы Намъ единовѣрныхъ, подъ игомъ варварскимъ стенающихся, изгнать турокъ и утвердить безопасность христіанскую. Человѣколюбіе и

справедливость Нашихъ начальниковъ будетъ руководствовать во всѣхъ путяхъ ихъ. Воинство Наше, водворившись съ вами, будетъ вамъ братія. Се предлежитъ вамъ новый случай пользоваться защитою и пособіемъ оружія Нашего. Воспомянувъ дѣла славныя предковъ вашихъ, Намъ единоплеменныхъ, соберитесь единодушно, идите на встрѣчу Нашихъ полковъ, ополчите тутъ же храбрыя земли вашей войски и содѣйствуйте всѣми вашими силами Нашему оружію на пораженіе повсемѣстно турковъ. Усердные въ томъ ваши подвиги достойную воспримутъ мѣру, якоже награждены отъ Насъ многіе за отличную службу въ прошедшую войну всякимъ воздаяніемъ. Также и вы, священныя власти, пастыріе стада Христова, примите мечъ духовный, иже есть глаголь Божій, возбуждайте онымъ къ оружію званыхъ, да побораютъ по церкви Христовой противу враговъ, обуревающихъ оную.

Се время къ тому благопріятно! се дніе полезны! Вознесите ваши моленія къ Всевышнему Богу, да ниспошлетъ отъ небесъ святую благодать на защитниковъ вѣры православной, единодушно подвижающихся къ тому, да всѣ исповѣдающіе благочестивую вѣру избавятся на вѣки отъ ига варварскаго и господства агарянъ.

Данъ во градѣ Святаго Петра, февраля 17-го дня въ лѣто отъ Рождества Христова 1788-е, царствованія же Нашего двадесять шестое.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

12. Грамота графа Марка Ивелича.

Отъ меня, графа Марка Ивелича, російскаго подполковника, господину Воеводѣ Ивану Ивлевичу и князю Карсту Милутиновичу и князю Теодору Милошевичу и князю Дурку Огненовичу и всѣма князовима у околиште Никшича мило и драго поздравленіе.

Я узналъ преданность вашу ко великой Государынѣ Россійской и вашу выгоду въ томъ, если Богъ дастъ соединенными силами напасть на турокъ прежде нежели они нападутъ на васъ; но сіе должно дѣлать, а ваша вѣрность и храбрость извѣстна, и все сіе вамъ сдѣлаетъ честь и будетъ незабвенно отъ Бога и великаго Двора Россійскаго и другихъ державъ въ свѣтѣ; но должно вамъ поразумѣться съ Дробняками, съ Пивлянами и Рудинянами, чтобъ съ куражемъ на турокъ напасть. Сіе все для вашей чести. Не смотрите на имѣніе ваше: вы сто разъ болѣе получите, нежели что теперь имѣете, если вы и родъ вашъ будетъ въ свободѣ. Если не имѣете пороху и свинцу, то я прикажу вамъ изъ Цетинья отпустить, когда надобно, ибо тутъ есть онаго довольно; ежели

храбро нападете на Никшичъ, то по взятіи онаго найдете въ немъ до-
вольное число аммуниціи, также и въ другихъ мѣстахъ. Итакъ, Бога
ради, коли думаете вы сдѣлать себѣ и всей землѣ сербской честь и
освободиться ига турецкаго,—теперь счастливо къ тому время для васъ;
а что до меня касается, я васъ увѣряю, что тотчасъ со всѣхъ сто-
ронъ вамъ помощь пошлю. И такъ вы сдѣлайте, чтобъ такъ постоянно
было. Посылаю къ вамъ манифестъ, подписанный рукою Государыни,
черезъ Мира Калабича, а онъ вамъ и сіе письмо принесетъ, и на сло-
вахъ расскажетъ, какъ я для чести вашей стараюсь, ибо онъ много
разъ былъ у меня.

Вашъ доброжелатель, графъ *Марко*
Ивеличъ, російскій подполковникъ, въ
день Успенія Пресвятыя Богородицы.

Августа мѣсяца 1786 года,
въ Которѣ.

13. Грамота Императора Павла I.

Божіею милостію Мы, Павелъ Первый, Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Благороднымъ и почтеннѣйшимъ старшинамъ, князьямъ и воеводамъ
сербовъ и всѣмъ другимъ господамъ духовнаго и мірскаго чина, Герце-
говину, свое отечество, оставившимъ и пребывающимъ нынѣ въ Мора-
чахъ: Никшичамъ, Требешанамъ, Кучи, Пиперовцамъ, Пивлянамъ, Дроб-
някамъ, Граховцамъ, Бачанамъ, Ровчанамъ, горнымъ и подольнымъ Мо-
рачанамъ, Бѣлопавличамъ и прочимъ Наша Императорская милость и
благоволеніе.

Писаніе ваше на имя блаженныя памяти любезной Родительницы
Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, присланное
съ депутатомъ вашимъ и сердаремъ Мяною Лазаревичемъ Никшичемъ
Требешаниномъ отъ 23 іюля 1796 года, и поданное Намъ отъ него,
сердаря, прошеніе не оставили Мы принять съ особливымъ Нашимъ
благоволеніемъ. Мы приедемъ искреннее участіе во всемъ, къ вамъ отно-
сящемся, и усердно желаемъ, чтобъ Всевышній подалъ вамъ помощь къ
устроению наилучше жребія вашего. Что же принадлежитъ до дозволе-
нія многимъ изъ семействъ вашихъ преселиться въ Имперію Нашу, то
Мы охотно по единовѣрію ихъ примемъ подъ державу Нашу и при на-
ступленіи удобнаго къ таковому преселенію времени не оставимъ снаб-
дить посла Нашего въ Вѣнѣ, а равно пограничныхъ военныхъ и граж-
данскихъ начальниковъ о всемъ, что къ безопасному путешествію ва-
шему споспѣшествовать можетъ.

Сію же Нашу грамоту примите знакомъ удостовѣрительнымъ въ не-
премѣнной къ вамъ и всѣмъ народамъ вашимъ Монаршей Нашей ми-
лости и неперемѣнномъ доброжелательствѣ.

Дана въ Павловскѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1798-го апрѣля
въ 30-й день, а государствованія Нашего втораго года.

На подлинной подписано тако:

ПАВЕЛЪ.

14. Грамота Императора Павла I.

Божіею милостію Мы, Павелъ Первый, Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Благороднымъ и почтеннымъ Черногорской и Бердской Славяно-
сербскихъ областей господамъ губернаторамъ, воеводамъ, князьямъ и
мірскимъ чинамъ, Наша Императорская милость и благово-
леніе.

Отправленное къ Намъ писаніе ваше съ поздравленіемъ Насъ отъ
имени всего Черногорскаго и Бердскаго Славяносербскаго общества о
восшествіи на прародительскій Императорскій Всероссійскій Престолъ
Мы получили съ особливимъ признаніемъ чрезъ почтеннаго ходатая ва-
шего и оберъ-воеводу, графа Черноевича Давидовича. Усмотрѣвъ же
ваше прошеніе о подтвержденіи вамъ Императорскаго Нашего благово-
ленія и о неоставленіи васъ и всего Черногорскаго и Бердскаго Славяно-
сербскаго общества Нашимъ Императорскимъ покровительствомъ, по
единовѣрію и уваженію къ вашей храбрости и заслугамъ, восхотѣли Мы
подать вамъ, съ возвращеніемъ того же вашего ходатая и оберъ-воеводы,
графа Черноевича Давидовича, новыя удостовѣренія, что Мы не presta-
немъ принимать участіе въ жребіи вашемъ, поколику Намъ положеніе
Наше дозволить, и что таковое Наше милостивое расположеніе къ вамъ
неотмѣнно пребудетъ.

Дана въ Павловскѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1798-го, апрѣля
30-го дня, государствованія Нашего втораго года.

ПАВЕЛЪ.

Князь Безбородко.

15. Грамота Императора Павла I.

Божіею милостію Мы, Павелъ Первый, Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Преосвященному Господину Митрополиту и благороднымъ и почтен-
нымъ господамъ губернаторамъ, воеводамъ, князьямъ и сердарямъ

и инымъ духовнымъ и мірскимъ чиновачальникамъ, такожъ и всему народу Черногорской и Бердской Славеносербскихъ областей Наша Императорская милость и благоволеніе.

Снисходя на прошенія ваши, присланныя къ Намъ отъ 19-го мая прошлаго года чрезъ архимандрита Вукотича, Всемилоствѣйше соизволяемъ подтвердить какъ прежде послѣдовавшія отъ высокославныхъ предковъ нашихъ грамоты къ Черногорскому народу, такъ и изъявленное Нами благоволеніе Наше оному въ отправленной предъ симъ Нашей грамотѣ.

Не полагаемъ Мы, чтобъ со стороны Римскаго Императора и Порты Оттоманской могли чинимы быть вамъ какія-либо притѣсненія въ законныхъ правахъ вашихъ, о чемъ Мы, тѣша о благосостояніи вашѣмъ, повелѣли послу Нашему въ Вѣнѣ и министру въ Константинополѣ къ упомянутымъ державамъ отозваться; касательно же необузданности смежныхъ народовъ, коихъ единое буйство, безъ всякаго свѣдѣнія и участія правительства ихъ, на покушенія побуждать можемъ, не сомнѣваемся Мы, чтобъ воинствомъ черногорскимъ, по храбрости и единомыслію своему, укрѣпленнымъ столь почтеннаго Пастыря благоразумнымъ управленіемъ, не были съ успѣхомъ отвращаемы. Впрочемъ, тѣмъ менѣе можете вы теперь подвержены быть какой-либо опасности и потому еще, что флотъ Нашъ, обрѣтающійся нынѣ въ Средиземномъ морѣ для дѣйствій противу народа, покушающагося вездѣ истреблять законныя правленія и — что еще больше — ищущаго вредить вѣрѣ христіанской, не оставить въ нуждѣ всякую вамъ дать помощь. Во изъявленіе же сугубаго Монаршаго Нашего благоволенія къ народу Черногорскому, Мы Всемилоствѣйше повелѣли изъ казны Нашей производить вамъ съ 1-го Генваря сего 1799-го года впредъ по истеченіи каждаго года по тысячѣ червонныхъ, предполагая, что оныя обращаемы будутъ на общенародныя надобности, а наипаче на всякія полезныя заведенія, кои, утверждая въ народѣ христіанскія добродѣтели и доставляя оному просвѣщеніе, споспѣшествовать будутъ неминуемо благосостоянію земли. Въ разсужденіи же изъявленнаго Нами на прочія прошенія ваши Всемилоствѣйшаго благоволенія Нашего, Мы повелѣли Нашему вице-канцлеру, дѣйствительному тайному совѣтнику Кочубею, объ ономъ васъ увѣдомить. Во увѣреніе чего Мы, сію грамоту собственноручно подписавъ, государственною печатію утвердить повелѣли.

Дана въ Санктпетербургѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1799-го, Генваря 11-го дня, а государствованія Нашего въ третіе.

Павелъ.

Вице-канцлеръ *Викторъ Кочубей*.

16. Рескриптъ Императора Александра І.

Преосвященный Черногорскій Митрополитъ Петръ Петровичъ Негошъ!

Съ удовольствіемъ усмотрѣли Мы изъ донесеній статскаго совѣтника Санковскаго о правилахъ, какими вы руководствуетесь на пользу единовѣрнаго и любезнаго Намъ народа Черногорскаго, поощряя его примѣромъ вашимъ ко всегдашней преданности къ Намъ. Пріятно для Насъ, что вы убѣждены въ той истинѣ, что на искреннѣйшей приверженности, на тѣснѣйшихъ связяхъ съ Россіею должны быть основаны безопасность, независимость и спокойствіе народа, ввѣреннаго вашему управленію. Подвизайтесь въ сихъ правилахъ, проповѣдуйте сію истину и будьте увѣрены, что для Насъ всегда пріятнѣйшимъ будетъ попеченіемъ оправдать во всѣхъ случаяхъ оказываемое Черногорцами къ Россіи усердіе и споспѣшествовать ихъ благоденствію, вамъ же лично подать опыты Нашего къ вамъ благоволенія.

Пребываемъ благосклонны

АЛЕКСАНДРЪ.

Князь Адамъ Чарторыйскій.

КАРА-ГЕОРГІЙ И СЕРБСКІЕ ЭМИГРАНТЫ

ВЪ РОССІИ

1814—1830.

(СОСТАВИЛЪ П. О. МОРОЗОВЪ).

Въ началѣ 1809 года черногорскій владыка Петръ Петровичъ, въ одномъ превосходномъ поэтическомъ произведеніи своемъ, воспѣвалъ единодушіе и храбрость сербовъ, передъ которыми падаютъ турецкія мечети и бѣгутъ хаджи. Кара-Георгій — говоритъ пѣсня — развернулъ знамя Неманичей и великими дѣлами добываетъ себѣ не корысть, а славу. Сербія увѣнчала его лаврами, но герой не довольствуется совершенными имъ подвигами: онъ замыслилъ выгнать турокъ изъ Босніи и Герцеговины и соединиться съ черногорцами, которые, хотя и живутъ между турками и католиками, но кровью купили себѣ свободу и съ давнихъ поръ никому не подвластны.

Пѣсня говорила правду. *) Кара-Георгій (Георгій Петровичъ Черный) дѣйствительно возобновилъ неудавшуюся за два года передъ тѣмъ попытку поднять все сербство противъ общаго врага и вступилъ въ неравную борьбу съ турецкою силой. Обстоятельства благоприятствовали сербамъ: въ августѣ 1809 года русскія войска перешли черезъ Дунай и главнокомандующій, графъ Каменскій, издалъ объявленіе, въ которомъ, обѣщая помощь сербамъ, какъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ братьямъ русскаго народа, называлъ Кара-Георгія *верховнымъ* ихъ *вождемъ*. Такимъ образомъ, со стороны могущественнаго союзника и покровителя Сербіи Кара-Георгій былъ официально признанъ главою сербскаго народа.

*) Ранке. Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ, пер. Бартенева, изд. 2-е (М. 1876), стр. 202, 208, 213.

На этотъ разъ война окончилась для сербовъ довольно удачно. Хотя далеко не исполнились отважныя намѣренія, съ которыми она была начата, — Боснія не была покорена, соединенія съ черногорцами не послѣдовало, но за то теперь сербы стали гораздо сильнѣе прежняго. Богатая, плодоносная и по пространству довольно значительная страна была отнята у ислама и возвращена ея древнимъ владѣльцамъ. Внутренніе раздоры были устранены сильною рукою Кара-Георгія, который остался теперь единственнымъ господиномъ и повелителемъ сербской земли. Въ его рукахъ была сосредоточена вся власть и преданные ему люди пользовались наибольшимъ значеніемъ. Въ числѣ этихъ людей самое выдающееся и вліятельное положеніе занимали: попечитель военныхъ дѣлъ *Младенъ Миловановичъ* и попечитель внутреннихъ дѣлъ *Яковъ Ненадовичъ*; въ особенности первый, связанный съ Кара-Георгіемъ одинаковою судьбою (онъ также служилъ въ австрійскихъ войскахъ и потомъ былъ гайдукомъ) и родственными узами (его племянникъ былъ женатъ на дочери Кара-Георгія), былъ душою сербскаго сената и фактически заправлялъ всѣми дѣлами *). Сынъ Якова Ненадовича, Ефремъ, былъ женатъ на дочери Младена. Третьимъ особенно близкимъ къ Кара-Георгію лицомъ былъ его первый секретарь *Яникій Димитріевичъ*. Дѣйствуя въ тѣсномъ союзѣ, они устранили вожаковъ оппозиціонной партіи, Миленко Стойковича и Петра Добринца, которымъ пришлось искать убѣжища въ Россіи, такъ что сопротивленіе власти Кара-Георгія сдѣлалось уже невозможнымъ.

Букарештскимъ трактатомъ 1812 г., по которому Россія пріобрѣла Бессарабію, была опредѣлена и судьба Сербіи. Сербы по-прежнему оставались народомъ подчиненнымъ, обязаннымъ платить подать султану; ихъ крѣпости были заняты турецкими гарнизонами; но за то турецкое правительство было уже устранено отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Сербіи и не имѣло даже права посылать своихъ чиновниковъ для сбора податей. Такимъ образомъ, полная внутренняя независимость сербскаго народа была формально обезпечена. Но съ удаленіемъ русскаго войска туркамъ уже некого

*) Ранке, 180—181.

было бояться, и они, естественно, захотѣли возобновить прежній порядокъ вещей. Въ январѣ 1813 года Порта потребовала отъ сербовъ сдачи не только всѣхъ крѣпостей, но и всего оружія и боевыхъ запасовъ, а также возвращенія изгнанныхъ турокъ въ города и села, на что сербы не хотѣли и не могли согласиться. Весною близъ границъ Сербіи появилось турецкое войско и военныя дѣйствія возобновились. Сербы кое-какъ держались до осени; но положеніе ихъ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ; помощи ждать было неоткуда; въ началѣ октября Кара-Георгій, вмѣстѣ съ бѣлградскимъ митрополитомъ Леонтіемъ и своимъ секретаремъ Яникиемъ, бѣжалъ за Дунай, въ Австрію. Его бѣгство было для Сербіи рѣшительнымъ ударомъ; турки легко овладѣли Бѣлградомъ и положили конецъ всякому сопротивленію.

Вслѣдъ за Кара-Георгіемъ бѣжали въ Австрію и его сенаторы... Внезапно все перемѣнилось. Люди, бывшіе главными вождями сербскаго народа, очутились теперь въ австрійскихъ крѣпостяхъ: Кара-Георгій — въ Грацѣ, Младенъ — въ Брукѣ, Яковъ Ненадовичъ, кнезь Сима Марковичъ, митрополитъ Леонтій и многіе воеводы — или подъ арестомъ, или подъ строгимъ надзоромъ. Множество простыхъ сербовъ, послѣдовавшихъ за своими вождями, скитались по Австріи, не смѣя вернуться на родину, гдѣ уже безпрепятственно хозяйничали турки *).

Въ такихъ-то печальныхъ обстоятельствахъ сербы, лишенные отечества, рѣшились искать убѣжища въ Россіи.

Исторія ихъ переселенія и пребыванія въ Россіи оставалась до сихъ поръ совершенно неизвѣстною. Въ дѣлахъ Архива Министерства Государственныхъ Имуществъ (дѣла бывшаго Департамента Государственнаго Хозяйства и Публичныхъ Зданій М—ва Внутреннихъ Дѣлъ) сохранились любопытныя данныя, благодаря которымъ мы имѣемъ теперь возможность пополнить этотъ историческій пробѣлъ и прослѣдить судьбу сербскихъ эмигрантовъ въ Россіи, начиная съ 1814 года.

Въ ноябрѣ 1813 года **) къ Императору Александру I, нахо-

*) Ранке, 258 — 260.

**) № 2459. Дѣло о переселеніи вновь сербовъ въ Новороссійскій край (12 февр. 1814 — 18 авг. 1825), двѣ части: первая на 509, вторая — на 534 листахъ.

дившемуся въ то время во Франкфуртѣ на Майнѣ, явились двое сербовъ, Благое Миленковичъ и Милосавъ Трифуновичъ, съ просьбою отъ имени нѣсколькихъ сербскихъ семействъ о дозволеніи имъ, въ виду конечнаго разоренія Сербіи, переселиться въ Россію. Просьба эта была разрѣшена Государемъ въ благопріятномъ для сербовъ смыслѣ: имъ было дозволено поселиться въ предѣлахъ Россіи, съ распространеніемъ на нихъ тѣхъ льготъ, какими пользовались тогда колонисты Южнаго края. Самое переселеніе было предположено весною слѣдующаго (1814) года, а между тѣмъ были приняты мѣры, чтобы приготовить водвореніе новыхъ колонистовъ. Заботы о нихъ были возложены на Херсонскаго военнаго губернатора дюка де-Ришелье, въ распоряженіе котораго и было ассигновано Комитетомъ Министровъ 25.000 руб.

Когда Трифуновичъ и Миленковичъ явились къ дюку де-Ришелье, онъ отправилъ перваго къ русскому консулу въ Вѣну за точными свѣдѣніями, сколько именно семей желаютъ переселиться въ Россію, а второго, согласно его желанію — въ Бессарабію, для осмотра и выбора земель, наиболѣе удобныхъ для поселенія сербовъ, и затѣмъ — въ Петербургъ, для личнаго ходатайства по этому дѣлу.

Миленковичъ выбралъ и просилъ отвести будущимъ поселенцамъ земли близь мѣстечка Татаръ-Бунаръ, по берегу Дуная, между Измаиломъ и Киліею, съ принадлежащими къ этому берегу островами и двумя озерами. Прибывъ затѣмъ въ Петербургъ, онъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ подробнымъ прошеніемъ въ которомъ яркими красками изображалъ печальное положеніе своихъ земляковъ:

«Бывъ подъ владѣніемъ турецкимъ», писалъ онъ, — «съ нѣкоихъ временъ были отягощены налогами и безпрестанными нападеніями, не имѣя никакой защиты отъ оныхъ; а какъ и нынѣшней по окончаніи кампаніи, въ 1813 году, по выходѣ російскихъ войскъ, нашествіемъ турокъ впали въ совершенное несчастіе, оставя отечество наше и нашу славную землю и животное имѣніе, которымъ нынѣ турки завладѣли безъ всякой съ нашей стороны вины; все сіе стоитъ намъ великаго ущерба; за всѣмъ тѣмъ, если бы мы могли надѣяться, чтобы Сербія могла быть свободною отъ владѣнія турокъ, еще бы взяли терпѣніе, чтобы возвратиться въ свое отечество; а нынѣ крайность и гоненіе отъ турокъ за-

ставляетъ скитаться семейства нашихъ фамилій, кои находятся въ Австрійской имперіи, гдѣ поселиться не могутъ по причинѣ малоземелія сверхъ того—ненависти къ христіанамъ, дѣлая имъ разныя притѣсненія. Претерпѣвая немалое время отъ турокъ, желаемъ остаться подъ короною Россійской имперіи, ежели Сербія свободно отъ турокъ быть не можетъ; ежели же и освободится, то волею былъ бы каждый поселившійся продать свое имѣніе въ отечествѣ».

Отъ имени будущихъ переселенцевъ, Миленковичъ просилъ пособія на постройку домовъ, на заведеніе скотоводства и хлѣбопашества, на годовое прокормленіе, на подъемъ и проѣздъ изъ Австріи; кромѣ того, просилъ «пожаловать всемилостивѣйшую грамоту и привилегію въ потомство сихъ фамилій, и дабы имѣли своихъ чиновниковъ въ выборѣ для управленія ихъ на основаніи руссійскихъ законовъ».

Депутату было дано увѣреніе, что недостаточные переселенцы получаютъ соразмѣрное пособіе на путевыя издержки и на обзаведеніе домою и хозяйствомъ, а также и на прокормленіе; что имъ отведена будетъ земля, по числу семействъ, въ положенную для колонистовъ пропорцію и въ томъ мѣстѣ, гдѣ они избрали, если не встрѣтится никакихъ препятствій — или же будетъ предоставлено имъ избрать другія свободныя земли; что всѣмъ имъ предоставлены будутъ права и преимущества, какими пользуются у насъ другіе иностранные колонисты-земледѣльцы; что если его довѣрители могутъ быть довольны предлагаемыми имъ выгодами, то онъ долженъ немедленно отправиться въ Кишиневъ и тамъ ожидать окончательнаго рѣшенія дѣла. Ему было выдано 200 червонцевъ пособія и прогоны, «дабы, оставаясь здѣсь долѣе, не имѣлъ повода домогаться за то вознагражденія».

Австрійское правительство, однако, задержало сербовъ до осени 1814 года, и когда, наконецъ, разрѣшило имъ выѣхать въ Россію, то русскому послу въ Вѣнѣ, графу Г. О. Стакельбергу, было поручено найти лучшіе и выгоднѣйшіе для казны способы къ отправленію переселенцевъ, — «не приглашая ихъ однакожь къ сему, но предоставляя то совершенно ихъ собственному желанію». А такъ какъ сербы желали поселиться именно въ Бессарабіи, а не въ Новороссійскомъ краѣ, то и сумма 25 тыс. руб., для нихъ ассигнованная,

была передана дюкомъ де-Ришелье управляющему Бессарабскою областью, инженеръ-г.-м. И. М. Гартингу.

Сколько именно сербскихъ семействъ предполагало воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ, — точныхъ свѣдѣній не имѣлось. Русскій консулъ Недоба сообщалъ, что ихъ будетъ около 200; депутатъ Миленковичъ, напротивъ, увѣрялъ, что въ Австріи скитается до пяти тысячъ бездомныхъ сербскихъ семей, которыя всѣ желаютъ переселиться въ Россію; наконецъ, графъ Стакельбергъ на обращенный къ нему по этому поводу запросъ отозвался, что онъ не можетъ опредѣлить количества переселенцевъ даже и приблизительно; но ему извѣстно, что въ числѣ ихъ находятся высшіе сербскіе чиновники и самъ вождь сербскаго народа, Георгій Петровичъ, сопровождаемый коллежскимъ ассесоромъ русской службы Орловичемъ. Получивъ такое извѣстіе, управляющій Бессарабскою областью распорядился, чтобы знаменитому вождю была сдѣлана на границѣ приличная встрѣча «и оказаны всѣ другія почести изъ должнаго къ нему уваженія» и опредѣлилъ для содѣйствія вождю и его чиновникамъ въ ихъ требованіяхъ особаго депутата изъ помѣщиковъ Хотинскаго цыгута (уѣзда). Въмѣстѣ съ тѣмъ было приказано предложить Георгію Петровичу, не угодно-ли ему будетъ, впредь до времени, остаться въ Хотинѣ, гдѣ есть удобные къ помѣщенію дома, и если онъ на то согласится, отвести ему лучшій на форштатѣ домъ. Такое же предложеніе должно было быть сдѣлано и прочимъ сербскимъ чиновникамъ; если же они пожелали-бы жить въ селеніяхъ Хотинскаго цыгута, то предполагалось назначить для нихъ селенія лучшія, гдѣ они могли бы помѣститься со всѣми удобствами. Семейства всѣхъ простыхъ сербовъ должны были быть размѣщены въ томъ же Хотинскомъ цыгутѣ по деревнямъ.

Обсуждая вопросъ о томъ, какъ удобнѣе всего было бы распорядиться съ новыми колонистами, Херсонскій военный губернаторъ дюкъ де-Ришелье предложилъ устроить поселеніе сербовъ по примѣру Черногорскаго и Донскаго казачьихъ войскъ, для обороны русской границы. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и военный министръ, кн. А. И. Горчаковъ, — «пріемля во уваженіе храбрость и мужество сего народа» и прибавляя съ своей стороны, что вождь

Георгій Петровичъ могъ бы быть назначенъ «атаманомъ сербскаго народа».

Между тѣмъ, гр. Стакельбергъ, въ дополненіе къ сообщенному ранѣе, увѣдомилъ, что при исходайствованіи сербскимъ чиновникамъ паспортовъ отъ австрійскаго правительства, послѣднее настоятельно требовало, основываясь на мирныхъ съ Портою договорахъ, «чтобы симъ особамъ опредѣлено было водвориться въ мѣстахъ, съ Австріею не смежныхъ и отъ ея границы отдаленныхъ», въ чемъ и дано было со стороны нашего посла удостовѣрительное обѣщаніе. Въ виду этого обстоятельства, Комитетъ Министровъ призналъ, что водвореніе сербовъ въ Бессарабіи было бы противно данному гр. Стакельбергомъ обѣщанію и неудобно по близости турецкихъ владѣній, особѣнно же если предполагается обратить ихъ въ военныхъ поселянъ, а потому и положилъ предоставить соображенію Херсонскаго военнаго губернатора, не лучше ли бы было для поселенія сербовъ назначить мѣста въ Новороссійскомъ краѣ, отдаленныя отъ границъ австрійской и турецкой.

Дюкъ де-Ришелье находилъ, однако, что обѣщаніе, данное посломъ, не относится къ турецкой границѣ. «Извѣстно, — писалъ онъ, — что сербы народъ храбрый и единопудный, одно съ нами вѣроисповѣданіе имѣющій, постоянство въ вѣрности и твердость въ перенесеніи величайшихъ трудовъ на опытъ доказавшій въ продолженіе минувшихъ съ турками кампаній, когда они, мужественно сражаясь, способствовали намъ въ побѣдахъ, и что они при той выгодѣ мѣстъ и рыбныхъ ловлей, какою пользоваться будутъ, могутъ скорѣе поправить разстроенное свое состояніе и казну избавятъ отъ большихъ издержекъ, неизбѣжныхъ для пособія ихъ; они также могутъ несравненно удобнѣе умножать число свое новыми охотниками на такомъ близкомъ разстояніи, преимущественно предъ поселеніемъ ихъ въ Новороссійскомъ краѣ. Въ примѣръ же предполагаемой пользы обращенія ихъ въ военныхъ поселянъ служить доказательствомъ Бугское войско, составленное изъ разныхъ иноплеменныхъ народовъ, которыхъ, кажется, нельзя предпочесть сербамъ, но оное войско оказало и продолжаетъ оказывать столько пользы и самыхъ блистательныхъ успѣховъ въ знаменитыхъ побѣдахъ надъ

французами. Съ другой стороны, Черноморское войско, на собственномъ своемъ иждивеніи содержащее Кубанскую нашу границу, убѣждаетъ въ пользѣ, отъ того происходящей, и сербы современемъ замѣнять регулярное войско и полки казачьи, изъ мѣстъ отдаленныхъ туда приводимые, изъ коихъ, по непривычкѣ къ климату, много теряется людей умершими и на содержаніе оныхъ казна употребляетъ большія суммы».

Въ сентябрѣ 1814 года прибылъ въ Хотинъ первый транспортъ сербовъ, а вслѣдъ за нимъ и второй, — всего 535 человекъ, въ томъ числѣ — 4 священника, двое воеводъ. (Димитрій Стефановичъ изъ Бѣлграда и Ристо Исайловичъ изъ Крушевца), ягодинскій старѣйшина Момиръ Стояновичъ и неготинскій булюкбаша (ротный командиръ) Станойе Кале; остальные были простые, нечиновные сербы, въ числѣ которыхъ только 19 назвали себя земледѣльцами, прочіе же записались какъ ремесленники (портные, сапожники, мѣдники и пр.) и торговцы.

Въ октябрѣ того же года пріѣхали: верховный сербскій вождь Георгій Петровичъ съ женою, дочерью и двумя сыновьями, Младенъ Миловановичъ, Яковъ Ненадовичъ, Яникій Димитріевичъ, шабацкій комендантъ Лука Лазаревичъ и другіе сербскіе чиновники и воеводы съ своими семействами, а также бывшій сербскій митрополитъ, грекъ родомъ, Леонтій Ламбро, — всего 25 семействъ, состоявшихъ изъ 114 чел. Всѣ эти лица были размѣщены на квартирахъ въ Хотинѣ. Вскорѣ мѣстный комендантъ донесъ по начальству, что они, къ общему сожалѣнію, находятся въ такой бѣдности, что не имѣютъ средствъ доставить себѣ дневное пропитаніе, и что многіе изъ нихъ, продавая свое оружіе и даже необходимую для себя одежду, покупаютъ на вырученныя такимъ образомъ деньги хлѣбъ и другіе припасы; въ виду этого комендантъ рѣшился забирать для нихъ припасы у мѣстныхъ жителей, впредь до особенныхъ на этотъ счетъ распоряженій.

Получивъ это донесеніе, г.-м. Гартингъ послалъ Коменданту изъ отпущенной на сербовъ суммы 3.000 р. и приказалъ продовольствовать вождей и чиновниковъ, полагая на каждого человека въ день по одному хлѣбу и по фунту говядины. Министръ внутрен-

нихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Комитета Министровъ, который и постановилъ отпустить въ распоряженіе управляющаго Бессарабскою областью, на содержаніе сербскихъ вождей и чиновниковъ, 30 тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства. Эта сумма была тотчасъ же, эстафетою, переведена въ Кишиневъ.

Кромѣ того, по докладу министра иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде, высшимъ сербскимъ чиновникамъ Всемиловѣйше было пожаловано въ пособіе на 1815 годъ: Георгію Петровичу — 1.000 червонныхъ, митрополиту Леонтію — 4.000 р. асс., Младену Миловановичу и Якову Ненадовичу — по 3.000 р., а другимъ, смотря по ихъ званію, отъ 2.000 до 500 р., всего-же 55.350 р. асс.

Нѣсколько ранѣе верховнаго вождя прибыли въ Кишиневъ двѣнадцать сербскихъ воиновъ съ двумя старшинами, а затѣмъ еще 22 воина съ капитаномъ Григоровичемъ. Они были отправлены въ земли, занимаемыя Бугскимъ войскомъ, но не согласились тамъ остаться и снова вернулись въ Кишиневъ; однако не пожелали поселиться въ Бессарабіи, на земляхъ, удобныхъ къ хлѣбопашеству, «не пріобывши къ сему роду жизни и упражняясь всегда въ военной службѣ». Они остались въ Кишиневѣ, и нѣкоторые поступили на службу при мѣстной полиціи.

Для выбора земель по Дунаю и въ близъ лежащихъ мѣстахъ былъ отправленъ г.-м. Гартингомъ Петръ Добринецъ, «сербской націи подполковникъ», переселившійся въ Россію, какъ было сказано выше, въ 1811 году. Онъ указалъ на урочище Табакъ, въ Томаровскомъ цынутѣ. Впрочемъ, управляющій Бессарабскою областью въ то же время сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что между сербами, переселяющимися въ Бессарабію, мало земледѣльцевъ, которые будутъ требовать земли удобныя къ хлѣбопашеству, что большая часть ихъ — ремесленники, которые, конечно, не пожелаютъ перемѣнить своего состоянія, и что они по большей части только называются сербами, на самомъ же дѣлѣ — арнауты и греки, которые «нисколько не могутъ быть поставлены наравнѣ съ настоящими сербами, каковыя, будучи земледѣльцы, весьма много отличаются по трудолюбію и хозяйственному знанію отъ прочихъ».

Въ виду этого г.-м. Гартингъ предлагалъ не селить ихъ на землѣ, назначаемой для земледѣльцевъ, а распустить по городамъ и мѣстечкамъ Бессарабской области, выдавъ имъ на обзаведеніе нѣкоторую ссуду; настоящихъ же земледѣльцевъ, въ виду ихъ малочисленности, не устраивать отдѣльнымъ поселеніемъ, а размѣстить по болгарскимъ колоніямъ на Дунаѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, основываясь на Высочайшемъ повелѣніи 1804 г., чтобы иностранныхъ ремесленниковъ селить въ городахъ, гдѣ кто пожелаетъ, подъ наблюденіемъ мѣстнаго гражданскаго начальства, и выдавать, кромѣ ссуды на постройку домовъ, отъ 50 до 100 р. на семейство на заведеніе всего, къ ремеслу нужнаго, предполагалъ устроить сербовъ-ремесленниковъ въ Бессарабіи такимъ же образомъ; Комитетъ Министровъ, согласившись на выдачу имъ предложеннаго пособія, предоставилъ имъ селиться во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи, гдѣ кто изъ нихъ за лучшее для себя признаетъ.

Между тѣмъ, вопросъ о мѣстѣ поселенія сербовъ былъ разрѣшенъ въ иномъ смыслѣ Высочайшею резолюціею на докладѣ председателя Комитета Министровъ 20 іюня 1815 года: «Поселеніе для сербовъ устроить въ *Новороссійскомъ краѣ*, предоставивъ имъ на волю быть военными поселянами на подобіе казаковъ или на положеніи колонистовъ».

Исполняя это новое Высочайшее повелѣніе, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ управляющему Бессарабскою областью, чтобы онъ остановилъ всѣ дальнѣйшія распоряженія о водвореніи сербскихъ выходцевъ въ Бессарабіи и приказалъ спросить какъ простыхъ поселенцевъ, такъ и ремесленниковъ и чиновниковъ, не исключая находящихся при верховномъ вождѣ, въ какомъ видѣ желаютъ они быть водворенными въ *Новороссійскомъ краѣ*, — какъ военные ли поселяне или какъ колонисты. Если какъ военные поселяне, то отобрать отъ старшинъ ихъ или повѣренныхъ желаніе ихъ, на какомъ положеніи они признаютъ быть лучше для себя, на примѣръ — такъ ли, какъ Бугское войско въ Херсонской губерніи находится, т. е. на правѣ казаковъ, или иначе; если же какъ колонисты, то объявить имъ, что они могутъ быть водворены въ Херсонской или

Таврической губерніи на томъ самомъ основаніи, какъ объявлено было прежнему ихъ повѣренному Миленковичу. Если же и чиновники пожелали бы поселиться вмѣстѣ съ колонистами, то нужно узнать, сколько они хотятъ получить земли на семью или на душу и могутъ-ли они водвориться на свой счетъ, не требуя отъ казны пособія. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ Комитету Министровъ, что такъ какъ нѣкоторые сербскіе земледѣльцы и ремесленники уже водворены въ Бессарабіи, то при переселеніи ихъ въ Новороссійскій край казна неминуемо понесетъ убытокъ; да и самые переселенцы отъ этого подвергнутся разстройству; оставить ихъ въ Бессарабіи не будетъ въ существѣ противно обѣщанію, данному гр. Стакельбергомъ австрійскому правительству, если они пожелаютъ быть земледѣльцами и ремесленниками, тѣмъ болѣе, что обѣщаніе касалось главнымъ образомъ сербскихъ вождей и чиновниковъ. Что касается до тѣхъ сербскихъ выходцевъ, которые пожелали бы сдѣлаться военными поселянами, то ихъ должно всѣхъ безъ исключенія отправить въ Новороссійскій край; но такъ какъ число ихъ не такъ велико, чтобы они могли составить особое военное поселеніе, то всего удобнѣе присоединить ихъ къ Бугскому войску, состоящему изъ подобныхъ же выходцевъ.

Собраніе точныхъ свѣдѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ было поручено надворному совѣтнику Краевскому, ревизовавшему въ то время варшавскія колоніи. Осмотрѣвъ сербскія поселенія въ Табакѣ и ближнихъ селахъ, Краевскій доносилъ, что «между сербами оказывается большая часть промышленниковъ и фабрикантовъ, слѣдовательно къ земледѣлію едва-ли могутъ быть способны, и благотѣльные попеченія правительства о поселеніи оныхъ на предметъ хлѣбопашества и благія ожиданія современемъ пользоваться плодами ихъ трудовъ будутъ тщетны; къ тому-жъ, отъ неспокойствія ихъ характеровъ, соединенныхъ съ національною запальчивостію, отъ нѣкоторыхъ легко происходитъ можетъ неповиновеніе къ начальству; то и должно отъ нихъ всегда ожидать непріятныхъ послѣдствій, а особливо въ такомъ краю, въ которомъ азіатская свобода еще систематическаго порядка не достигла».

Сербь, на запросъ, не пожелаютъ-ли они расселиться по горо-

дамъ Бессарабской области, отвѣчали, что они желаютъ жить всѣ вмѣстѣ въ пожалованномъ имъ урочищѣ Табакѣ, занимаясь торговлею и промыслами, а пожалованную имъ землю обрабатывать, но не подъ именемъ земледѣльческаго класса, ибо выданныя имъ отъ верховнаго вождя свидѣтельства о дворянствѣ не позволяютъ имъ считаться простыми земледѣльцами *); при этомъ они обязывались развести въ урочищѣ Табакѣ шелковичныя деревья, виноградныя и фруктовыя сады.

Ближайшее завѣдываніе сербами, поселившимися въ Табакѣ, было поручено особому смотрителю, тит. сов. Каролину, который, какъ это можно видѣть даже изъ донесеній расположеннаго къ нему ревизора Краевского, задерживалъ постройку домовъ, выдачу кормовыхъ денегъ и вообще притѣснялъ своихъ подчиненныхъ. Два-три человѣка рѣшились-было подать на него жалобу, что онъ «по неумѣренности и въ нездравомъ разсудкѣ поступаетъ очень скоро и безбожно, ... безвинно нападаетъ и бьетъ своеручно палкою, не щадя, яко скотину, упражняясь всегда въ пьяномъ образѣ»; но смотритель сумѣлъ заставить большинство сербовъ дать ему общественный приговоръ, въ которомъ они, опорочивая жалобщиковъ, увѣряли, что «ни одинъ разъ его не видѣли ни пьянаго, ни безъ совѣсти» и что онъ съ ними «завсегда честно, умно и милостиво обходился»...

Положеніе верховнаго вождя и чиновниковъ сербскихъ, жившихъ въ Хотинѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г.-м. Гартинга, было тоже далеко не завидно. Въ 1815 году, какъ сказано выше, на ихъ содержаніе была назначена достаточная сумма, выдача которой, повидимому, также задерживалась, потому что Кара-Георгій жаловался на притѣсненія начальства, да и самъ Гартингъ, не смотря на много разъ повторяемыя требованія министра, не

*) Слово «дворянинъ» не разъ вызывало недоразумѣнія въ нашихъ отношеніяхъ къ сербскимъ выходцамъ. Г.-м. Гартингъ доносилъ, что Кара-Георгій выдаетъ дворянскія свидѣтельства всѣмъ простымъ сербамъ, которые вслѣдствіе этого «производятъ многія безпокойства»; но сербскій вождь называлъ «дворянами» всѣхъ жителей городовъ, въ отличіе отъ «селяковъ» — жителей селъ, вовсе не подозрѣвая того значенія, какое имѣютъ дворяне въ Россіи, да и сами сербы сначала вовсе не претендовали на дворянское достоинство въ русскомъ смыслѣ этого слова, и только впоследствии стали пытаться придать больше важности своему «дворянскому» званію.

представлялъ отчета о расходѣ этихъ денегъ; съ наступленіемъ новаго 1816 года выдача пособій совсѣмъ прекратилась, и сербы были вынуждены продавать послѣдніе свои пожитки и даже просить милостыни. Тогда Кара-Георгій вызвалъ къ себѣ мѣстнаго прокалаба (исправника) и просилъ его передать управляющему областью, что если онъ, Георгій Петровичъ, черезъ 20 дней не получитъ удовлетворенія, то принужденъ будетъ предаться отчаянію и лишитъ себя жизни, чему могутъ послѣдовать и многіе его чиновники. Съ своей стороны, нѣсколько чиновниковъ также подали управляющему прошеніе, въ которомъ такъ изображали свою горькую нужду:

«Даже остатокъ имѣнія, разграбленнаго турками и нѣмцами, здѣсь продавали и до сего дня бѣдныя семейства наши прокормили; но что жъ будемъ творить отъ сего дня? денегъ нѣтъ, ни одѣянія, чтобъ продать и хлѣбъ и дрова покупать; теперь другой надежды не имѣемъ, развѣ надобно прежде времени помирать намъ. О, каково нещастіе гоняетъ насъ бѣдныхъ! вмѣсто награжденія и утѣхъ нещастіе получаемъ!... Ежели мы не будемо никакого рѣшенія на прошеніе наше получать, такъ увѣрены будите, Ваше Превосходительство, что таково дѣло будетъ отъ насъ сдѣлано, что нигдѣ не случилось: мы будемъ сами семейства наши невинно порѣзать, а потомъ и сами себя убить, ибо семейства наши и такъ будутъ отъ голода помирать и ужасной зимы. Теперь мы на вашей душѣ остаемся и милостиваго рѣшенія ожидаемъ скорѣйше, ибо намъ смерть быти хочетъ».

Донося обо всемъ этомъ министру, г.-м. Гартингъ просилъ о назначеніи сербскому народу «положенія, по которому бы можно было руководствоваться и по каковому бы они могли быть покорны», — «ибо безъ того отъ сербовъ, какъ азіатскаго народа, не пріобыкшаго къ европейскому правленію, могутъ родиться всѣ худыя послѣдствія, и они готовы произвести бунтъ, покуситься на грабительства и разбои и даже предаваться смерти».

При обсужденіи этого вопроса въ Комитетѣ Министровъ, гр. Нессельроде настаивалъ, чтобы до окончательнаго положенія о сербахъ выдавалось имъ то-же пособіе, что и въ прошломъ году; О. П. Козодавлевъ, напротивъ, находилъ, что если это положеніе утвердить, то сербскіе чиновники и надолго останутся безъ опредѣленія, такъ какъ они, повидимому, стараются только выиграть

время и жить на содержаніи Россіи. Комитетъ согласился, однако, съ мнѣніемъ государственнаго канцлера и ассигновалъ нужную для сербовъ сумму, съ тѣмъ, чтобы, «не упуская нимало времени приняты были самыя дѣятельныя мѣры къ успокоенію сербовъ выдачею подлежащей каждому части денегъ». Притомъ было приказано объявить сербамъ, что это пособіе — только временное, и обнадежить тѣхъ изъ нихъ, которые желаютъ перевезти семейства свои изъ Австріи, что просьбы ихъ безъ уваженія не останутся.

Георгію Петровичу было отпущено, по примѣру прошлаго года, 1.000 червонцевъ, а на чиновниковъ (число которыхъ теперь увеличилось на 24 человекъ) ассигновано 76.950 р. ассигн. *).

Взаимныя отношенія, установившіяся между сербскимъ верховнымъ вождемъ и управляющимъ Бессарабскою областью, были далеко не удовлетворительны. Г.-м. Гартингъ жаловался на «азиатское» своеволие Кара-Георгія; раздраженіе послѣдняго особенно рѣзко высказалось въ отвѣтъ на оффиціальное предложеніе Гартинга содѣйствовать, согласно Высочайшей волѣ, переселенію сербовъ въ Новороссійскій край:

«Мы бѣдни серби», писалъ Карагеоргій, — «по несчастномъ паденіи милого отечества нашего, преправились въ Нѣмечину, гдѣ по ограбленіи нашего имѣнія насъ бросили у заточеніе, откуда рукою Его Императорскаго Величества, милостивѣйшаго покровителя нашего, исторгнути и на милостивое позваніе онаго здѣ пришли смо; но не надѣялись такому безчестію и угнетенію, каковое нынѣ въ Бессарабской области ощущаемъ. За преселеніе въ Новороссійскихъ краяхъ ни одинъ сербинъ, какъ и я самой, не хочетъ знать, потому что мы здѣсь будемъ дожидаться обѣщанія онаго, у которомъ Всемилостивѣйшій Монархъ сказалъ, что Сербію не будетъ забыть, оную освободить и насъ въ милое отечество возвратить. Второ, чего мы дожидаться будемъ, есть возвращеніе нашего имѣнія, которое суть нѣмцы забрали. А ежели въ обоихъ сихъ статіяхъ не удостоены были, то будемъ въ самомъ послѣдкѣ у Монаршей милости просити, чтобы намъ, по крайней мѣрѣ, тамъ жить позволилъ, гдѣ кому угодно будетъ.

*) Митрополиту Леонтію—4.000, Младену Миловановичу, Якову Ненадовичу и Лукѣ Лазаревичу — по 3.000, двумъ членамъ высшаго суда — по 2.000, воеводамъ — по 1.500, бѣлградскому протопопу Вукашиновичу 750, тремъ священникамъ—по 500 р., первому секретарю верховнаго вожда Димитріевичу — 2500, второму секретарю Радовановичу—1.500 р. и т. д.

«Касательно народа онога, въ весни поселенога въ Табаку, я удивляюсь, какимъ образомъ вы писали мнѣ, чтобы я самой или кто отъ моихъ чиновниковъ желалъ приглашать ихъ къ второму поселенію въ Новороссійскихъ краяхъ, когда сердце мое погрузилось и чернѣть начало, что я ихъ токмо 80 часовъ удалилъ отъ себе, а какимъ манеромъ буду ихъ не токмо отпустить въ самихдальнѣйшихъ предѣлахъ, но и приглашати на разлученіе отъ меня? Правда, что такой обмани не надѣялся!

.... «Прошу покорнѣйше, чтобы сдѣлали милость оставить этой народъ, который со мною пришелъ, въ спокойствіи до того времени, въ которомъ мнѣ самому Россія не прикажетъ снимать оное право, въ моихъ рукахъ надъ этимъ народомъ до сего дня находящее».

Это письмо было прислано г.-м. Гартингомъ министру и въ подлинникѣ доложено Государю, который приказалъ отвѣчать Георгію Петровичу, «что у него не отнимается начальство надъ прибывшими съ нимъ въ Россію сербами, когда они пожелаютъ поселиться на мѣстахъ, какія правительство имъ укажетъ, но что они единожды должны себѣ избрать родъ жизни, — или военной, бывъ соприсчислены къ Бугскимъ казакамъ, или гражданской, на правѣ колонистовъ, съ чѣмъ вмѣстѣ вступивъ въ подданство Россіи, не должны уже возвращаться на прежнія жилища; но нынѣ, пока сербы не водворились еще, не возбраняется и возвратиться желающему въ отечество. Что же принадлежитъ до освобожденія отечества ихъ и до удовлетворенія за потерянное въ Австріи имущество, то при настоящемъ положеніи дѣлъ Европы несовмѣстно предпринимать что-либо по предметамъ симъ».

Между тѣмъ, Кара-Георгій, получивъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ и пособіе на дорогу (5000 р.), тотчасъ же оставилъ Хотинъ и въ маѣ 1816 г. прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Младеномъ Миловановичемъ, секретарями Димитріевичемъ и Теодоровичемъ, воеводою Плякичемъ и капитаномъ Чардаклиемъ. Здѣсь онъ тотчасъ же обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ заявленіемъ, что его письмо было вызвано только раздражающимъ образомъ дѣйствій Гартинга и вовсе не имѣетъ рѣшающаго значенія; что онъ, напротивъ, отъ всего сердца желаетъ содѣйствовать благимъ намѣреніямъ правительства относительно сербскихъ пересе-

ленцевъ и старался склонить ихъ къ переѣзду въ Новороссійскій край; но полученные отъ нихъ отвѣты были неудовлетворительны. Чиновники, прибывшіе въ Россію съ вождемъ, желали съ нимъ и оставаться; чиновники, пріѣхавшіе позже, не получивъ отъ губернскаго начальства никакой помощи и оказавшись вслѣдствіе этого въ крайне бѣдственномъ положеніи, заявили, что они лучше желаютъ возвратиться въ свое отечество, нежели быть переселенными въ столь отдаленный край; такое же желаніе выказали и «дворяне», жившіе въ Хотинѣ. Что касается до народа, поселеннаго въ Табакѣ, то Кара-Георгій послалъ туда для переговоровъ одного изъ своихъ воеводъ и, за отъѣздомъ въ Петербургъ, не получилъ еще отвѣта.

Объясняя причины этого недовѣрія сербовъ къ русскому правительству, верховный вождь писалъ министру:

«Народъ сей переселился въ Россію по приглашенію бывшего агента въ Сербіи, г. Недобы. Хотя сей народъ и согласился единственно по примѣру моему переселиться въ Россію, не смотря на то, г. Недоба поручилъ народъ не моему попеченію, а архіерею Леонтію, которому народъ не довѣрялъ много. По пріѣздѣ въ Хотинъ, управляющій Бессарабскою областю приглашалъ народъ къ поселенію чрезъ Петра Добринца, коему велѣно было отъ народа въ 1811 году по вѣрнымъ причинамъ выйти изъ отечества. Поселившійся народъ въ Табакѣ находится тамъ почти цѣлый годъ, не видя никакихъ приготовленій для своей осѣдлости *), а между тѣмъ получилъ отъ Управляющаго областю повелѣніе переселиться вновь въ Новороссійскій край. Всѣ сіи обстоятельства, не говоря объ угнетеніяхъ, претерпѣнныхъ всѣми нами отъ тамошняго губернскаго начальства, должны были дѣйствовать на народъ, и безъ того уже угнетенный несчастною судьбою, такъ, что онъ не зналъ, кому повѣрить себя,—архіерею ли Леонтію, Петру ли Добринцу или кому другому...»

Приписывая упорство сербовъ не столько ихъ непросвѣщенію, сколько интригамъ недоброжелателей, которые стремятся погубить Сербію, Кара-Георгій просилъ позволить ему, ради спасенія народа, послать въ Бессарабію одного изъ своихъ чиновниковъ, Мих.

*) Дѣйствительно, тѣ сто домовъ, о постройкѣ которыхъ г.-м. Гартингъ доносилъ министру еще весною 1815 г., такъ и не начинали строиться, и смотритель Каролинъ не позволялъ сербамъ пользоваться заготовленными для этой постройки матеріалами.

Чардаклія, и вмѣстѣ съ нимъ, «для вящаго внушенія сербамъ истинной ихъ пользы и рѣшительнаго отобранія желаній», командировать туда же, со стороны правительства, ихъ соотечественника, бывшаго профессора Харьковскаго университета Аѳанасія Ив. Стойковича. Послѣдній самъ предложилъ Кара-Георгію и министру свои услуги въ этомъ дѣлѣ и былъ, согласно своему желанію, причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ, однимъ изъ первыхъ послѣдствій пріѣзда Кара-Георгія въ Петербургъ было увольненіе г.-м. Гартинга, распоряженія котораго относительно сербовъ уже давно вызывали справедливое неудовольствіе министра. На мѣсто Гартинга былъ назначенъ г.-л. А. Н. Бахметьевъ, съ званіемъ полномочнаго намѣстника Бессарабской области. Извѣщая объ этомъ верховнаго вождя, О. П. Козодавлевъ выражалъ надежду, что это назначеніе поможетъ успокоить сербовъ, и просилъ снова объявить всѣмъ сербамъ, какъ чиновнымъ, такъ и простымъ, что они, если останутся въ Россіи, должны непремѣнно «избрать себѣ родъ жизни въ одной изъ Новороссійскихъ губерній». «Таковое распоряженіе, писалъ министр, «не отдалить ихъ много отъ Бессарабіи, ибо Херсонская губернія прилежитъ непосредственно къ границамъ оной и отдѣляется только рѣкою Днѣстромъ. Въ сей губерніи давно уже поселились многіе изъ вашихъ соотечественниковъ и нынѣ благоденствуютъ. Климатъ и земля почти одинаковы; а ежели сербы захотятъ быть причислены къ Бугскому казачьему войску, то и войско сіе расположено тутъ-же, между р. Бугомъ и Днѣстромъ, что все составляетъ весьма выгодное положеніе для вашихъ соотчичей. Въ особенности вамъ нужно настоять, чтобы сербы какъ можно скорѣе рѣшились на переходъ въ означенныя мѣста».

Вскорѣ послѣ того были получены въ Петербургѣ донесенія Стойковича, который, прибывъ въ урочище Табакъ, «немало удивился», видя, что сербы твердо рѣшились возвратиться на родину. Съ большимъ трудомъ удалось ему уговорить ихъ остаться въ Россіи; но о переселеніи въ Новороссійскій край они и слышать не хотѣли, а настойчиво требовали позволенія жить въ Бессарабіи. Эту просьбу они оправдывали, во-первыхъ, тѣмъ, что они всѣ ре-

месленники и купцы, всегда жили въ городахъ и никогда не занимались земледѣліемъ; во-вторыхъ, — тѣмъ, что ремесла ихъ такого рода, что они только въ Бессарабіи въ состояніи ими снискать себѣ пропитаніе; и, наконецъ, тѣмъ, что и нравы ихъ и обычаи совершенно сходны съ нравами и обычаями этого края, бывшаго, подобно Сербіи, еще недавно, частью Турецкой имперіи. Стойковичъ призналъ эти доводы вполнѣ основательными, и Намѣстникъ, согласившись на просьбу сербовъ, приказалъ записать, кто изъ нихъ въ какомъ именно городѣ желаетъ жить, и затѣмъ распустить ихъ.

Въ Хотинѣ *простые* сербы рѣшительно настаивали на возвращеніи въ отечество; *чиновники* же, получавшіе жалованье, всѣ желали остаться въ Россіи и принять подданство, прося только, чтобы ихъ переименовать въ русскіе чины и продолжать имъ жалованье до освобожденія Сербіи изъ-подъ власти турокъ; послѣ же освобожденія они желали возвратиться въ отечество, — «чтобы получить свои имѣнія, но быть и у себя на родинѣ вѣрноподданными Россіи».

Важнѣйшую причину упорства простыхъ сербовъ Стойковичъ указывалъ въ томъ, что они въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ не получали (по винѣ начальства) кормовыхъ денегъ. Однако онъ полагалъ, что этихъ людей ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выпускать изъ Россіи, — «ибо мѣра таковая послужила бы не къ ихъ пользѣ, а причинила бы между тѣмъ величайшій вредъ всей сербской націи вообще». Развивая эту мысль, онъ приводилъ слѣдующія соображенія:

«Большая, лучшая и просвѣщеннѣйшая часть сербскаго народа (до 3-хъ милліоновъ) находится въ Австріи. Съ сими сербами начали въ Австріи поступать лучше съ тѣхъ поръ, какъ турецкіе сербы, потерявъ терпѣніе по причинѣ ужаснѣйшихъ угнетеній, подняли оружіе противъ угнетателей своихъ; гораздо еще большимъ спокойствіемъ начали наслаждаться австрійскіе сербы съ того времени, какъ нашъ Государь Императоръ началъ явнымъ образомъ поддерживать турецкихъ сербовъ. Слѣдовательно, ежели сербскій народъ вообще началъ наслаждаться въ наши времена правами, данными ему природою, ежели австрійское правительство нѣсколько лучше поступало съ своими сербами, то сербскій народъ одолженъ всѣмъ симъ Россіи и Государю Императору, и каж-

дый сербинъ произнесетъ сіе съ душевнымъ благоговѣніемъ и ничего столько не желаетъ, какъ чтобы согласіе сіе между русскимъ и сербскимъ народомъ укрѣплялося со дня на день больше, зная, что отъ того зависитъ счастье всей сербской націи. А посему очевидно, что все то, что въ состояніи поколебать сіе согласіе, должно непременно стремиться ко вреду и къ пагубѣ сербскаго народа. Но сіе согласіе сильно поколеблется, ежели сей горсти людей (коихъ до 40 только семействъ и нѣсколько холостыхъ) позволить возвратиться въ такъ называемое ихъ отечество. Я говорю: «въ такъ называемое», потому что между ними очень мало находится настоящихъ сербовъ. Это — сбродъ людей изъ смежныхъ съ Сербіею турецкихъ земель, которые въ то время, когда храбрые сербы начали кровію своею защищать противъ турковъ честь женъ и дочерей и жизнь дѣтей своихъ, переѣхали въ Бѣлградъ торговать и производить ремесла свои. Тутъ большая ихъ часть поженилась на перекрещенныхъ турчанкахъ. Изъ числа ихъ ни одинъ не осмѣлится возвратиться въ Сербію, и всѣ, привыкнуши къ бездѣйственной жизни, должны будутъ шататься по Австріи или по другимъ областямъ и пользуясь сербскимъ именемъ будутъ вредить сербамъ, живущимъ въ Австріи. Въ семъ случаѣ безсумнѣнно не должны они быть выпущены изъ Россіи.

«Но и кромѣ сего случая, если бы они въ самомъ дѣлѣ были настоящіе сербы и смѣли бы возвратиться въ Сербію, то и тогда желать должно, чтобы имъ не позволено было выѣхать за границу: ибо если они, покоясь въ нѣдрахъ Россіи и получая ежедневное пропитаніе, думаютъ, что имѣютъ причины жаловаться и недовольными быть російскимъ правительствомъ, то чего они не скажутъ и что не разгласятъ, выѣхавъ изъ предѣловъ Россіи? Все же сіе сопряжено съ большимъ вредомъ цѣлой сербской націи.

«И развѣ Россія ихъ, а не они Россію просили избавить ихъ изъ Австріи? Которое бы государство ихъ съ такимъ усердіемъ приняло, съ такимъ добродушіемъ успокоило и съ такимъ попеченіемъ постаралось объ ихъ выгодахъ? и развѣ весь сербскій народъ долженъ за то пострадать, что нѣсколько людей, уговоренныхъ, прельщенныхъ Богъ знаетъ кѣмъ, не хотятъ согласиться на мудрыя мѣры правительства, клонящіяся единственно ко благу ихъ? Происшествіе сіе хотя бы въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ ничего не значило, въ наши времена и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ весьма важно и можетъ имѣть величайшее вліяніе на всю сербскую націю; происшествіе сіе связано съ благомъ всего сербскаго народа, а потому сія горсть людей и голоса даже имѣть не можетъ и не должна; ихъ согласіе, какъ малой частицы, остаться въ Россіи, въ семъ случаѣ содѣлывается ненуж-

нымъ, потому что сего требуетъ благо цѣлаго. Они *должны* остаться въ Россіи—не потому, что сіе обширное государство нуждается въ нѣсколькихъ людяхъ, но потому, что сего требуетъ политическое положеніе цѣлой націи» *).

Между тѣмъ, Намѣстникъ Бессарабской области прислалъ донесенія, несовсѣмъ согласныя съ увѣреніями Стойковича относительно желанія сербовъ остаться въ Россіи: оказалось, что не только простые сербы, но и чиновники, кромѣ лишь немногихъ родственниковъ и ближайшихъ друзей Кара-Георгія, единогласно заявили о своемъ желаніи возвратиться въ Сербію. Въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ Комитету Министровъ, что хотя сербы сами просили позволенія поселиться въ Россіи и желали для того получить земли, и хотя со стороны правительства оказана имъ всевозможная помощь и немалыя издержки употреблены на ихъ содержаніе,—однако въ самомъ дѣлѣ эти люди не представляютъ никакой надежды быть такъ водворенными, чтобы когда-либо быть полезными государству. Потому министръ и полагалъ, что тѣмъ изъ простыхъ сербовъ, которые пожелаютъ остаться въ Бессарабіи, слѣдуетъ это дозволить, выдавъ имъ за мѣсяць кормовыя деньги и прекративъ затѣмъ всякія дальнѣйшія отъ казны пособія; тѣмъ же, которые пожелаютъ уѣхать, выдать паспорты и пособіе на издержки въ пути. Что касается до чиновниковъ, то постоянное и долговременное пребываніе ихъ въ Бессарабіи безъ всякаго занятія представляетъ многія неудобства и дѣйствительно можетъ быть вредно по тому вліянію, какое они могутъ имѣть на прочихъ сербовъ, не говоря уже о близости границъ турецкой и австрійской; потому министръ и предлагалъ объявить имъ рѣшительно, что они въ Бессарабіи оставаться не могутъ, а должны непременно или переселиться въ Новороссійскій край, или возвратиться на родину.

Комитетъ Министровъ, въ засѣданіи 13 ноября 1816 года,

*) Въ тѣ годы правительство очень щедро раздавало земли въ Новороссійскомъ краѣ, желая скорѣе видѣть этотъ край заселеннымъ. Получившій участокъ обязывался заселить его въ 10-лѣтній срокъ. Стойковичъ выхлопоталъ себѣ 12 тысячъ десятинъ въ Херсонской губерніи, обѣщая поселить здѣсь сербовъ, и потому особенно старался удержать ихъ въ Россіи; когда это не удалось, онъ перевелъ сюда сотню своихъ крестьянъ и поторопился продать землю. Дѣло № 203 по отношенію Херсонскаго военнаго губернатора о землѣ, пожалованной ст. сов. Стойковичу (7 мая 1817—29 апр. 1828).

утвердилъ всѣ эти предложенія, добавивъ, что оклады, получаемые сербскими чиновниками отъ казны, могутъ быть продолжены еще только на два года, въ теченіе которыхъ они должны непременно изыскать собственные способы къ содержанію.

Чиновники, какъ бы въ видѣ условій, на которыхъ они могутъ остаться въ Россіи, просили: 1) признать за ними дворянское Россійской Имперіи достоинство; 2) переименовать въ русскіе чины, и 3) по прекращеніи имъ съ 1819 года получаемыхъ ими окладовъ, отвести въ Бессарабіи казенныя земли каждому сообразно съ чиномъ, достоинствомъ и заслугами, чтобы они, занявшись хозяйствомъ, могли имѣть пропитаніе. Комитетъ Министровъ, разрѣшая эти просьбы, постановилъ: 1) «Сербовъ, какъ и вообще иностранцевъ, признавать въ дворянскомъ достоинствѣ не иначе, какъ по существующему у насъ положенію и по тѣмъ видамъ, съ какими они въ Россію прибыли и въ коихъ означено ихъ званіе; 2) переименованіе въ русскіе чины должно имѣть мѣсто только тогда, когда они вступятъ въ службу нашу, гдѣ производимы будутъ на общемъ основаніи и чинами; 3) просьба объ отводѣ земель должна послужить въ свое время предметомъ особаго разсмотрѣнія».

Верховный вождь Георгій Петровичъ оставался въ Петербургѣ до начала 1817 года и, наконецъ, съ Высочайшаго соизволенія, выбралъ себѣ для постоянного жительства гор. Новомиргородъ Екатеринославской губерніи. Но, приѣхавъ въ Хотинъ, онъ тотчасъ же увѣдомилъ Намѣстника, что никто не только изъ чиновниковъ и простыхъ сербовъ, но даже и изъ родственниковъ его и служителей быть при немъ не соглашается, желая, напротивъ, теперь же возвратиться въ отечество, и что поэтому и онъ самъ не можетъ ѣхать въ Новомиргородъ, а проситъ позволенія жить попрежнему въ Бессарабіи. «Я хотя и самъ намѣренъ былъ», — писалъ онъ, — «скоро по обѣщанію моему отправиться въ Новомиргородъ, но супруга моя и семейство, лишась родственниковъ, дочерей и земляковъ, даже и служителей своихъ, никакъ рѣшиться не могутъ преіти со мною за Днѣстръ, а при нуждѣ согласны были остаться въ Бессарабской области; въ противномъ же случаѣ завѣщалась супруга моя даже и жизни себя лишить... Изъ сего

усмотрѣть изволите, въ какомъ отчаянномъ положеніи я теперь нахожусь. Въ отечество идти для меня опасно и невозможно безъ Высочайшаго позволенія; за Днѣстръ, въ мѣсто моего обѣщанія, перейти невозможно по причинѣ вышесказанной».

Между тѣмъ, въ то же самое время находившійся при русскомъ консульствѣ въ Букарештѣ депутатъ отъ сербскаго народа и князя Милоша Обреновича, Михаилъ фонъ-Германъ, обратился къ Бессарабскому Намѣстнику съ секретнымъ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что живущіе въ Бессарабіи бывшіе сербскіе министры Младенъ Миловановичъ и Яковъ Ненадовичъ, а также и другіе чиновники и воеводы, «ведя переписку съ сербами, австрійскими подданными, въ Венгріи и будучи внушаемы австрійскимъ правительствомъ, начали составлять великую интригу противъ нынѣшняго сербскаго правительства, отчего явно и неминуемо можетъ послѣдовать возмущеніе, а чрезъ сіе—погибель сербскому народу». Ссылаясь на митрополита Леонтія, которому эти обстоятельства должны быть хорошо извѣстны, ф.-Германъ, отъ имени князя и всего сербскаго народа, просилъ не выпускать министровъ и воеводъ изъ Россіи. Митрополитъ Леонтій вполне подтвердилъ его опасенія и совѣтовалъ задержать, кромѣ Миловановича и Ненадовича, еще шестерыхъ чиновниковъ, именно—бывшаго члена высшаго земскаго суда Велисава Станойловича и воеводъ Луку Лазаревича, Янка Поповича и Риста Исайловича, а также двухъ зятьевъ Кара-Георгія, — Николая Карамарковича и Антонія Плякича *).

Мѣсяцъ спустя, о томъ-же снова писалъ Намѣстнику и самъ сербскій князь Милошъ, сообщая, что «турки зѣло негодуютъ и страшно око свое на насъ полагаютъ, да не би между народомъ какое возмущеніе обновилось, народъ же весь страшится, да не би ради сего внезапно одъ турковъ подъ оно страшное иго и турки яремъ подпали», и повторяя просьбу о задержаніи сербскихъ главарей. вмѣстѣ съ тѣмъ Милошъ отправилъ въ Петербургъ, съ

*) № 2482. Дѣло по донесенію Полномочнаго Намѣстника Бессарабской области о нѣкоторыхъ сербскихъ чиновникахъ, желающихъ возвратиться изъ Россіи въ свое отечество, и о прочемъ, на 27 листахъ (16 апр.—21 авг. 1817).

депешами на Высочайшее имя, ф.-Германа и уже извѣстнаго намъ Петра Добринца, жившаго въ Кишиневѣ *).

Отвѣчая на донесенія г.-л. Бахметьева, гр. Нессельроде счелъ необходимымъ подробно разъяснить положеніе дѣла:

«Черный Георгій», писалъ онъ, — «въ бытность свою здѣсь, просилъ — единственно по своей доброй волѣ — о позволеніи ему переѣхать въ Новомиргородъ. Переѣзна, послѣдовавшая нынѣ въ его мысляхъ и заставляющая его упорно желать остаться по-прежнему въ Бессарабіи, не была бы удивительна, если бы въ одно и то же время всѣ почти безъ изъятія главные чиновники сербскіе не изъявили желанія выѣхать изъ Россіи. Но сіе даетъ совсѣмъ другой видъ новому намѣренію его. Ибо невѣроятно, чтобъ сербскіе чиновники оставили немаловажное, отъ насъ имъ производимое, денежное содержаніе и переселились въ австрійскія владѣнія, въ коихъ не могутъ они никакъ ожидать подобной милости; а должно приписать имъ намѣреніе пройти въ отечество свое, гдѣ до паденія своего пользовались необузданною властію и возможностью обогащаться всѣми средствами. Невѣжество ихъ показываетъ имъ удобнымъ возстановить на прежнемъ основаніи дѣла свои; а какъ Младенъ Миловановичъ имѣлъ всегда дѣятельное вліяніе на умъ Чернаго Георгія, то легко быть можетъ, что онъ убѣдилъ сего вождя остаться въ Бессарабіи, дабы легче изъ оной перейти за границу, когда получитъ извѣстіе, что все приуготовлено къ появленію его въ Сербіи **).

«Появленіе сіе неминуемо возродитъ внутренніе раздоры и возмущенія, кои потрясутъ до основанія настоящее мирное и, можно сказать, довольно счастливое положеніе того края. Несчастіе таковое, одному угрожающее, должно отклонить, яко противное благодѣтельному къ сербской націи расположенію Государя Императора и яко противное и самому достоинству Двора нашего: ибо мало кто знаетъ, до какой степени простирается невѣжество Чернаго Георгія и другихъ чиновниковъ, слѣдственно — мало кто припишетъ появленіе ихъ въ Сербіи слѣпому ихъ невѣжеству, а съ вѣроподобіемъ будетъ всякій предполагать, что они посланы Россією для достиженія какихъ-либо тайныхъ ея видовъ, да и самъ Черный Георгій и чиновники сербскіе будутъ всячески сіе подтверждать, въ надеждѣ увеличить тѣмъ число своихъ послѣдователей.

*) № 2472. Дѣло по отношенію Главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ о прибывшихъ сербскихъ дворянахъ, уполномоченныхъ отъ народа сербскаго и верховнаго вождя Милоша Обреновича (1817).

**) Краткая и рѣзкая характеристика Миловановича сдѣлана въ запискѣ директора Азіатскаго Департамента Родофиникина: «Младенъ, читать и писать не умѣетъ; подлъ и лукавъ». Ср. *Милевича*, Кнежевина Србија (Београдъ, 1876), стр. 263.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ признается вреднымъ и выѣздъ за-границу чиновниковъ сербскихъ, и дальнѣйшее пребываніе Чернаго Георгія въ Бессарабіи. Вслѣдствіе чего Государю Императору угодно, чтобы онъ безъ всякихъ отговорокъ отправился непромедлительно изъ Бессарабіи въ избранное имъ самимъ для жительства своего мѣсто. Чиновниковъ-же сербскихъ... не выпускать за-границу, объявивъ имъ, что выѣздъ ихъ изъ Россіи вреденъ собственнымъ ихъ интересамъ и самой Сербіи, поелику по дѣламъ оной начаты теперь въ Константинополѣ переговоры, до окончанія коихъ необходимо нужно воздержаться отъ всякаго подвига, могущаго подать поводъ турецкому министерству къ ошибочнымъ какимъ-либо толкованіямъ; а потому чтобы остались спокойными до благопріятнѣйшаго къ возвращенію ихъ въ Сербію времени. Между тѣмъ, поручить расторопному и благоразумному чиновнику, одному или болѣе, имѣть за поведеніемъ ихъ бдительный надзоръ».

Но эти распоряженія были получены уже слишкомъ поздно. Намѣстникъ только что успѣлъ донести о полученномъ имъ изъ Букарешта предостереженіи, что Кара-Георгій замышляетъ тайно уйти въ Сербію, какъ сербскій вождь и въ самомъ дѣлѣ скрылся, оставивъ въ Хотинѣ свое семейство и родственниковъ. Митрополитъ Леонтій предполагалъ, что если Кара-Георгій и въ Сербію направилъ свой путь, то «развѣ для секретнаго отысканія тамъ спрятанныхъ имъ сокровищъ и для доставленія оныхъ въ предѣлы Россіи, чего онъ другому поручить опасался; вредныхъ же или худыхъ послѣдствій отъ бытности его въ Сербіи, которая предполагается кратковременною и скрытною, произойти не должно, ибо народъ сербскій уже потерялъ къ Кара-Георгію прежнее расположеніе, и онъ болѣе не имѣетъ тамъ такой партіи, которая бы могла быть сильною; напротивъ того, нынѣшній сербскій верховный князь Милошъ Обреновичъ, снискавъ любовь народа, весьма силенъ и остороженъ противъ всякаго на настоящее сербское управленіе покушенія».

Въ дѣйствительности, однако, было не такъ. Въ христіанскихъ областяхъ Турціи уже начиналось сильное броженіе, и въ 1816 г. была основана тайная гетерія, положившая себѣ цѣлью неутомимо преслѣдовать враговъ вѣры и отечества. Гетеристы хотѣли произвести возстаніе какъ можно скорѣе и распространить его какъ можно далѣе, начать же это дѣло рѣшили съ Сербіи, которая, по

ихъ мнѣнію, могла подняться скорѣе другихъ областей. Для исполненія этого замысла они рѣшили вызвать къ дѣятельности стараго сербскаго вождя, съ именемъ котораго соединялось столько славныхъ воспоминаній. Уговорить Кара-Георгія было не трудно: онъ самъ никогда не оставлялъ надежды возвратиться на родину, и теперь получалъ оттуда самые горячіе призывы. И вотъ, въ сопровожденіи одного изъ гетеристовъ, онъ пробрался изъ Хотина къ сербской границѣ, благополучно переправился черезъ Дунай, подаривъ перевозчика, и поспѣшилъ въ Смедерево, къ приглашавшему его воеводѣ Вуицѣ Вуличевичу. Отсюда онъ обратился къ Милошу съ предложеніемъ дѣйствовать съ нимъ заодно и немедленно начать войну. Но Милошъ въ то время больше всего заботился о сохраненіи мира съ турками и не могъ согласиться на предпріятіе, успѣхъ котораго былъ не надеженъ; кромѣ того, онъ хорошо зналъ, что съ возстановленіемъ власти Кара-Георгія собственная его власть немедленно рушится. Поэтому онъ не задумался объявить бѣлградскому пашѣ о прибытіи Кара-Георгія. Паша сказалъ ему, что новое возмущеніе будетъ гибельно для Сербіи, что султанъ непременно пришлетъ сильное войско и отниметъ у сербовъ дарованныя имъ права; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ отъ Милоша головы Кара-Георгія. Милошъ сейчасъ-же послалъ сказать Вуицѣ: «Присылай сюда голову Чернаго, иначе потеряешь свою». Кара-Георгій скоро увидѣлъ опасность своего положенія; но бѣжать было некуда, ждать пощады—не отъ кого. Ночью съ 12 на 13 іюля 1817 года онъ былъ убитъ. Голова его была прислана въ Бѣлградъ; здѣсь съ нея сняли кожу, набили соломой и отправили въ Константинополь. *)

По полученіи объ этомъ извѣстія въ Петербургѣ, Государю Императору угодно было обратитъ выдававшійся Кара-Георгію годовой окладъ въ 1000 червонныхъ въ пожизненную пенсію его

*) Ранке 300—302; Милличевичъ, 259—260. Въ дѣлѣ № 2482 имѣется современное извѣстіе объ этомъ событіи,—присланная г.-л. Бахметьевымъ министру выписка изъ «Гамбургскаго Корреспондента» 1817, № 132, заключающаяся словами: «Весьма любопытно знать, какое впечатлѣніе произведетъ сіе происшествіе при Россійскомъ Дворѣ, отъ котораго Черный Георгій могъ ожидать особеннаго покровительства».

вдовѣ и дѣтямъ, съ тѣмъ, чтобы это семейство немедленно переселилось въ Новомиргородъ вмѣстѣ съ другими родственниками и приближенными покойнаго вождя. Вдова просила, однако, оставить ее въ Хотинѣ, — «по привычкѣ къ сему мѣсту, изъ коего она отлучиться не можетъ безъ крайняго разстройства», — и эта просьба, кажется, была исполнена. *)

Старшій сынъ Кара-Георгія, Алексѣй, которому въ это время было 18 лѣтъ, еще въ 1815 году былъ отправленъ отцомъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ дѣтьми находившихся при вождѣ чиновниковъ и воеводъ, и при содѣйствіи графа Марка Ивелича и управляющаго Государственной Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ т. с. Вейдемейера, помѣщенъ въ Пажескій Корпусъ. Остальные его товарищи также были размѣщены по разнымъ учебнымъ заведеніямъ: трое приняты въ Пажескій корпусъ, шестеро — въ Дворянскій полкъ, а 12 мальчиковъ помѣщены въ пансіонъ при С.-Петербургской губернской гимназіи, съ платою за cadaго по 750 р. въ годъ изъ Государственнаго Казначейства. Сынъ Якова Ненадовича, Ефимъ, поступилъ юнкеромъ въ Александрійскій гусарскій полкъ **). Въ 1817 году одинъ изъ молодыхъ сербовъ, обучавшихся въ гимназіи, Аѳанасій Милоевичъ, настойчиво просилъ отпустить его на короткое время въ Хотинъ, для свиданія съ родственниками; но такъ какъ его тетка оказалась женою Младена Миловановича, то министръ внутреннихъ дѣлъ и не разрѣшилъ ему отпуска.

Послѣ побѣга и смерти Кара-Георгія надзоръ за оставленными въ Россіи сербскими чиновниками былъ усиленъ. Комитетъ Министровъ, обративъ получаемые сербами оклады въ пожизненныя пенсіи, приказалъ имъ немедленно выѣхать изъ Бессарабіи. Въ февралѣ 1819 года Намѣстникъ, по какому-то недоразумѣнію, выдалъ имъ всѣмъ заграничные паспорта; но австрійское правительство не пропустило ихъ въ свои владѣнія, такъ что имъ пришлось опять возвратиться въ Хотинъ. Только Младену Миловановичу удалось какимъ-то путемъ пробраться въ Сербію, гдѣ онъ и занялъ вскорѣ

*) Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ней въ дѣлахъ нѣтъ.

**) № 2471. Дѣло по отношенію г. Гартинга объ отправленныхъ имъ въ С.-Петербургъ сербскихъ дворянахъ (12 марта 1815—14 сент. 1817), на 154 листахъ.

влиятельное положеніе при князѣ Милошѣ. Остальные чиновники и воеводы жили въ Россіи до ноября 1830 г., когда по Высочайшему повелѣнію имъ было дозволено выѣхать въ Сербію и выданъ единоновременно, въ видѣ пособія на проѣздъ, годовой окладъ.

Что касается до остальныхъ сербскихъ выходцевъ, чиновныхъ и простыхъ, то имъ Комитетъ Министровъ разрѣшилъ свободный выѣздъ изъ Россіи, прибавивъ, что тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ остаться въ Бессарабіи, могла бы быть отведена для поселенія земля, — чиновнымъ по 150, а простымъ — по 60 десятинъ на семью. Въ этомъ смыслѣ и состоялся Высочайшій указъ 5 ноября 1820 года, въ которомъ объявлено, что «всякій участокъ неотъемлемо будетъ принадлежать назначаемому нынѣ владѣльцу и наслѣдникамъ его навсегда; но продавать сіи земли, закладывать, дарить и вообще располагать какъ благопріобрѣтенною собственностію получить право только тотъ, кто постоянно воздѣлывалъ свой участокъ въ продолженіе десяти лѣтъ» *).

Но такъ какъ это водвореніе не могло состояться скоро, а сербы находились, между тѣмъ, въ крайне бѣдственномъ положеніи, то Высочайшимъ рескриптомъ на имя Главнаго Попечителя колоній Южнаго края, ген. Инзова, отъ 20 марта 1822 года, назначены на содержаніе ихъ денежныя оклады, составлявшіе въ суммѣ 86.560 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ году ген. Инзовъ увѣдомил **), что Высочайшій указъ остается безъ исполненія, потому что никто изъ сербовъ не имѣетъ желанія остаться въ Россіи навсегда и тѣмъ менѣе — заняться сельскимъ хозяйствомъ, къ которому они и не привыкли, будучи всѣ людьми военными и частью — торговыми. «Большая часть изъ нихъ ожидаетъ только перемѣны обстоятельствъ, чтобы возвратиться въ свое отечество; притомъ же и невозможно составить изъ нихъ общество для поселенія въ одномъ мѣстѣ, по

*) № 2567. Дѣло по выпискѣ изъ журнала Комитета Министровъ о поселеніи находящихся въ Бессарабіи сербовъ между болгарскими колонистами (1 апр. 1826 — 16 апр. 1848), на 83 л.

**) № 1932. Дѣло по Выс. утв. положенію Комитета Министровъ о водвореніи находящихся въ Бессарабіи сербовъ на пустопорожнихъ земляхъ сей области, 18 марта 1826 г., на 13 л.

враждѣ, существующей между простыми сербами и бывшими ихъ начальниками».

Въ 1824 году графъ М. С. Воронцовъ, вступивъ въ управленіе Бессарабскою областью, вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ, что водвореніе сербовъ онъ признаетъ и удобнымъ, и полезнымъ, но ожидать съ ихъ стороны добровольнаго на это согласія нельзя до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ выдавать имъ денежныя пособія; а потому гр. Воронцовъ предлагалъ объявить имъ, что тѣ, которые въ теченіе двухъ лѣтъ не рѣшатся основать постоянную осѣдлость, будутъ лишены своихъ окладовъ; поселеніе же сербовъ устроить между болгарами, на правахъ колонистовъ. Противъ этого возражалъ гр. Нессельроде, указывая, что по имѣющимся свѣдѣніямъ о нравахъ и обычаяхъ сербовъ, они навѣрное сочтутъ для себя оскорбительнымъ причисленіе къ колонистамъ, и предлагая поселить между болгарами только тѣхъ, которые сами этого пожелаютъ, а прочимъ отвести земли особо, оставивъ ихъ въ вѣдѣніи гражданскаго начальства. Но гр. Воронцовъ настаивалъ на своемъ мнѣніи, и Государь согласился съ нимъ, приказавъ объявить сербамъ, что кто изъ нихъ откажется отъ принятія и воздѣланія участка земли, тотъ со дня объявленія ему объ этомъ черезъ годъ лишится получаемого отъ казны содержанія; кто же приметъ землю, тотъ будетъ еще пользоваться содержаніемъ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Ген. Инзовъ доносилъ, что между сербами и болгарами «такъ же существуетъ въ высшей степени разность, какъ между земледѣльцемъ и солдатомъ», а потому совершенно невѣроятно, чтобы сербы согласились обратиться въ податное состояніе и поселиться среди болгаръ; скорѣе всего они пожелаютъ возвратиться въ свое отечество.

Послѣдствія вполне оправдали предсказанія ген. Инзова: изъ всѣхъ жившихъ въ Бессарабіи сербовъ пожелали получить землю только два чиновника, — Иванъ Живановичъ и Ефимъ Кристичъ. Первый служилъ въ Попечительномъ Комитетѣ, а потомъ былъ смотрителемъ бессарабскихъ колоній, а второй, бывший въ Бѣлградѣ полицейскимъ комиссаромъ, занималъ въ Кишиневѣ должность го-

родового квартермистра. Имъ было отведено по 150 десятинъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ были тамъ водворены въ 1803—1805 гг. герцеговинцы, т. е. дана имъ льгота на 10 лѣтъ, по прошествіи которыхъ они обязывались платить въ казну ежегодно по 20 коп. съ десятины.

Распоряженіе объ отводѣ этой земли состоялось и было Высочайше утверждено 29 мая 1828 г. Нѣсколько лѣтъ спустя Кристичъ и Живановичъ, а также и жены ихъ, умерли; послѣ перваго никакихъ наслѣдниковъ не оказалось, и его участокъ былъ снова взятъ въ казну; послѣ Живановича остались двѣ дочери, одна — замужняя, другая — еще малолѣтняя, за которыми и утверждена принадлежавшая ему земля 29 іюля 1842 года.

Съ отъѣздомъ изъ Россіи сербскихъ чиновниковъ, остался въ Кишиневѣ только престарѣлый митрополитъ Леонтій. Высочайшимъ указомъ 5 апрѣля 1829 года, «за отличныя услуги, оказанныя имъ въ свое время Россіи», ему была пожалована въ вѣчное и потомственное владѣніе тысяча десятинъ земли въ Бессарабіи *).

Изъ простыхъ сербовъ ни одинъ не согласился взять землю и остаться въ Россіи на правахъ колониста. Они или возвратились на родину, или разбрелись по бессарабскимъ городамъ и мѣстечкамъ, занимаясь ремеслами и торговлей.

*) № 1979. Дѣло по Выс. повелѣнію о пожалованіи земли митр. Леонтію (5 апр. 1829 — 3 нояб. 1830), 20 л.

Всеподданнѣйшая Записка

ТОВАРИЩА МИНИСТРА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ

ВЪ ДОЛЖНОСТИ ГОФМЕЙСТЕРА

Д. П. ХРУЩОВА.

На подлинной запискѣ Собственной Его Императорскаго Величества въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II рукою начертано:

«Все, что Хрущовъ говоритъ въ оправданіе системы управленія Госуд. Имущ., дѣлаетъ ему *честь*, ибо оно доказываетъ *его благодарность* къ человѣку, при которомъ онъ столь долго служилъ, и который, если и ошибался, въ *намыреніяхъ былъ чистъ*. Но Я все-таки остаюсь въ убѣжденіи, что управленіе это требуетъ *раціональныхъ улучшеній*, на что, Я вполне надѣюсь, вы и обратите все ваше вниманіе. Причемъ Я повторяю вамъ то, что лично говорилъ, т. е. прежде осмотрѣться, вникнуть во все, а потомъ, съ Божіимъ благословеніемъ, приступать къ дѣлу *безъ торопливости, безъ всякихъ крутыхъ мѣръ и безъ всякихъ ионеній на личности.*»

Сего апрѣля 10 числа (1857 года) Генераль-отъ-Инфантеріи Муравьевъ объявилъ мнѣ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю о назначеніи его Министромъ Государственныхъ Имуществъ *).

Вмѣстѣ съ сямъ онъ просилъ меня сообщить ему мое мнѣніе о личномъ составѣ и важнѣйшихъ дѣлахъ Министерства.

Я предложилъ ему начать съ Товарища Министра, и прежде всего объяснилъ ему сущность моихъ личныхъ отношеній съ Тайнымъ Совѣтникомъ Шереметевымъ.

Эти отношенія, къ крайнему моему удивленію и сожалѣнію, сдѣлались въ самое короткое время и безъ всякихъ видимыхъ причинъ, совершенно противныя тому, чего я ожидалъ вслѣдствіе давняго хорошаго моего знакомства съ Тайнымъ Совѣтникомъ Шереметевымъ и ис-

*) Высочайшій указъ о назначеніи генераль-лейтенанта М. Н. Муравьева Министромъ Г. И. состоялся 17 апрѣля 1857 года.

кренняго, сердечнаго желанія, выраженнаго ему въ Москвѣ, въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, сохранить оныя въ цѣлости, съ присовокупленіемъ при томъ просьбы, въ случаѣ, если бы, не смотря на всѣ мои старанія, я не пришелся бы ему по сердцу, откровенно мнѣ о томъ сказать. Не смотря ни на это, ни на то, что Высочайшій указъ о моемъ назначеніи не былъ еще подписанъ *), когда Тайный Совѣтникъ Шереметевъ изъявилъ графу Киселеву согласіе принять Министерство Государственныхъ Имуществъ и вести его на положенныхъ въ основаніе онаго началахъ, и, слѣдовательно, имѣлъ еще полную возможность отклонить совмѣстное со мною свое назначеніе; не смотря, наконецъ, на всю осторожность и скромность моихъ дѣйствій, онъ тотчасъ по прибытіи изъ деревни, въ октябрѣ мѣсяцѣ, оказалъ мнѣ холодность, постоянно усиливавшуюся и которая, наконецъ, 28 октября выразилась окончательно весьма странною и неприличною сценою, послѣ которой я увидѣлъ явную для себя необходимость удалиться изъ Министерства.

Но вскорѣ послѣ Тайный Совѣтникъ Шереметевъ былъ пораженъ ударомъ.

Объяснивъ все это Генералу Муравьеву, я просилъ его поступить со мною откровенно. Будучи поставленъ въ настоящую должность Высочайшею волею, я имѣлъ вѣрноподданническую обязанность оставаться на оной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ польза дѣла требуетъ непремѣнно единодушія между всякимъ министромъ и его товарищемъ, то необходимо выяснить съ самаго начала: считаетъ ли онъ меня полезнымъ для себя сотрудникомъ?

На это Генералъ Муравьевъ отозвался, что и онъ находитъ это объясненіе необходимымъ, потому, что тѣ только могутъ съ нимъ служить, которые вполнѣ подчинятся его направленію и будутъ дѣйствовать въ одномъ съ нимъ духѣ. «Здѣсь дѣло идетъ, продолжалъ онъ, не о безпорядкахъ, которые есть и будутъ во всякомъ министерствѣ и которые всякій можетъ болѣе или менѣе исправить, но о принципахъ, объ основныхъ началахъ. Я говорю прямо, мои принципы совершенно противны принципамъ графа Киселева, я всегда это ему говорилъ, и не только говорилъ, но и писалъ. Вотъ записка, которая пожелтѣла отъ времени, въ которой изложены были мои мысли много лѣтъ тому назадъ. Я ее перечиталъ и не могу измѣнить ни одного слова. У графа Киселева все была теорія; теоріи нужно въ сторону, надобно практику; однимъ словомъ, въ управленіе Министерства Государственныхъ Имуществъ на-

*) Подписаніе Высочайшаго указа о назначеніи т. с. В. А. Шереметева Министромъ Г. И., а д. с. с. Д. П. Хрушова — Товарищемъ Министра Г. И. состоялось 30 августа 1856 года.

добно ввести начала, принятыя въ Удѣльномъ Управленіи. Это мое убѣжденіе, можетъ стать ошибочное,—дѣло это покажетъ,—но оно таково, а въ 60 лѣтъ я своихъ убѣжденій не перемѣню. Все это я сказалъ Государю».

Выслушавъ это объясненіе, я благодарилъ Генерала Муравьева за откровенность и за то, что онъ поставилъ вопросъ на настоящую высоту. «Дѣйствительно, сказалъ я, все дѣло въ началахъ, а какъ мои начала совершенно противоположны вашимъ, примѣненіе которыхъ въ управленіи государственными крестьянами я считаю вреднымъ для пользы и спокойствія государства, и какъ, въ свою очередь, я имѣю убѣжденія, которыхъ также ни за что въ мірѣ не перемѣню, то прошу васъ располагать моимъ мѣстомъ и о томъ доложить Государю».

Послѣ этого Генераль Муравьевъ, можетъ быть, не ожидавшій столь скорого исхода нашего объясненія, старался какъ бы нѣсколько смягчить рѣшительность своихъ предположеній, присовокупляя, что онъ однакожъ отнюдь не намѣренъ начать ломку столь огромнаго зданія, каково Министерство, ни нарушать сословныхъ правъ крестьянъ; но главное, желаетъ замѣнить теорію практикою и ввести постепенно въ администрацію порядки, принятыя въ Удѣльномъ Управленіи. Въ заключеніе онъ даже просилъ меня не говорить объ этихъ его намѣреніяхъ, которыхъ онъ не скрываетъ, но не желаетъ однако же ихъ распространенія.

На это я отвѣчалъ, что нарушить сословныя права свободныхъ крестьянъ всеконечно нельзя, ибо это значило бы прямо произвести бунтъ въ государствѣ; но что администрація, по моему убѣжденію, такъ тѣсно связана съ жизнію народа и съ самыми насущными его интересами, что вводить въ оную начала удѣльныя, которыя въ понятіяхъ государственныхъ крестьянъ то же, что крѣпостныя, значитъ идти къ тому же результату. Что же касается до необъявленія никому высказанной мнѣ программы, то я на это обязаться не могу, ибо я долженъ объяснить тѣмъ, до кого это касаться будетъ, причину моего выхода; кромѣ же совершенной противоположности нашихъ убѣжденій, другой причины никакой нѣтъ.

Вотъ, Государь, въ этомъ дѣлѣ все, что относится собственно до меня; вотъ единственная причина, не позволившая мнѣ остаться на мѣстѣ, которымъ я дорожилъ, въ Министерствѣ, въ которомъ я выросъ, къ которому я привязанъ душою и сердцемъ.

Теперь, Ваше Императорское Величество, дозвоьте мнѣ прибавить нѣсколько краткихъ словъ о существѣ моихъ убѣжденій въ отношеніи къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, въ защиту коего, въ сію торжественную минуту, никто, можетъ быть, кромѣ моего слабаго голоса, не рѣшится или не захочетъ сказать Вамъ правды.

Министерство это, говоря о началахъ, на которыхъ оно построено, не есть дѣло случайное, произведеніе прихоти, желанія или необходимости устроить какую нибудь личность. Оно было вызвано необходимостью, глубоко залегшею въ самомъ существѣ вещей, потребностію, которую Правительство сознавало еще до Петра Великаго и къ осуществленію которой оно со времени этого Государа непрерывно стремилось.

Въ Бозѣ почившему Императору Николаю I суждено было поставить, наконецъ, зданіе, основные камни коего положены были Екатериною II и Александромъ I *).

Въ положеніи о Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ сказано, что ему ввѣряется управленіе Государственными Имуществами, попечительство надъ свободными сельскими обывателями и завѣдываніе сельскимъ хозяйствомъ.

Въ этихъ трехъ началахъ заключалась вся программа, вся задача новаго дѣла, въ нихъ выражались весь недостатокъ прошедшаго, все требованіе будущаго.

Эта программа и проекты необходимыхъ для осуществленія оной учреждений, основанные на коренныхъ историческихъ началахъ быта сельскаго населенія нашего, и не заключающіе въ себѣ никакихъ существенныхъ нововведеній, приготовлены были въ особомъ Комитетѣ, составленномъ, между прочимъ, и изъ опытнѣйшихъ губернаторовъ, окончательно обсуждены въ Государственномъ Совѣтѣ и утверждены Высочайшею властію.

Графъ Киселевъ былъ избранъ Государемъ исполнять и двигать новое дѣло, съ которымъ, впрочемъ, были вполне согласны и его внутреннія убѣжденія.

Послѣ этого спрашивается, что значать слова: «у графа Киселева все была теорія, теорію нужно въ сторону, надобно практику»?

Недавно, вслѣдствіе одного Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества вопроса, я имѣлъ случай въ Комитетѣ Министровъ доказать, что въ 18-лѣтнее свое существованіе Министерство Государственныхъ Имуществъ допустило менѣе недоимокъ, нежели въ продолженіе пред-

*) Императрица Екатерина II лично занималась проектомъ общаго устройства государственныхъ крестьянъ, намѣреваясь дать сему сословію особую Грамоту; но кончина Государыни воспрепятствовала довершенію сего дѣла. Императоръ Александръ I въ Манифестѣ 10 Февраля 1810 года, объявляя о притѣсненіяхъ, терпимыхъ государственными крестьянами отъ чиновниковъ Земской полиціи, торжественно обѣщалъ принять мѣры къ устройству и огражденію ихъ.

шествовавшихъ 11 лѣтъ завѣдыванія Министерствомъ Финансовъ, и что послѣдними двумя Всемилоостивѣйшими Манифестами прощено недоимокъ сравнительно менѣе государственными крестьянамъ, нежели помѣщикамъ. Къ сему можно присовокупить, что въ тѣ-же 18 лѣтъ сумма всѣхъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ прибавилась противъ прежняго почти на 8 мил. рублей сер. ежегодно. *) Развѣ это теорія?

Доходы съ казенныхъ лѣсовъ, простиравшіеся прежде до 600 т. р. сер., возросли нынѣ до 1.300.000 руб. Развѣ это теорія?

Казенныхъ земель и лѣсовъ въ теченіе 18 лѣтъ снято на планъ и обреченогносцировано свыше 80 мил. десятинъ, съ употребленіемъ 1.600.000 р. сер., на счетъ собственныхъ источниковъ Министерства. Развѣ это теорія?

Крестьянъ, нуждавшихся въ землѣ, переселено на болѣе привольныя мѣста до 170 т. душъ м. п. и сверхъ того, отведено малоземельнымъ селеніямъ до 2¹/₂ мил. десятинъ. Развѣ это теорія?

Въ теченіи 18 лѣтъ выдано крестьянамъ пособія хлѣбомъ болѣе 14 м. чет., цѣною до 30 м. руб. сер., отпущено войскамъ до 1.600.000 четв., уплачено Государственному Казначейству долга за прежнее время 1 м. руб., оставлено въ 1856 году въ магазинахъ свыше 11 м. четв. и продовольственнаго капитала почти 4 мил. руб. сер., магазиновъ построено 3262, на сумму 3.600.000 р., и приготовлено на тотъ же предметъ 1.200.000 р. Развѣ и это теорія?

Отставныхъ и безсрочныхъ нижнихъ военныхъ чиновъ изъ государственныхъ крестьянъ устроено въ казенныхъ селеніяхъ болѣе 100 т. человекъ, и вспомогательный для нихъ капиталъ возросъ до 3 м. руб. сер.

Вообще крестьянскихъ капиталовъ разныхъ наименованій образовано и собрано свыше 18¹/₂ м. руб. сер., безъ всякаго отягощенія народа. Развѣ все это теорія?

Назовутъ ли также теоріею переводъ на оброкъ изъ аренднаго положенія крестьянъ во всемъ западномъ краѣ; взаимное застрахованіе казенныхъ селеній, вслѣдствіе котораго крестьянинъ, послѣ пожара, вмѣсто прежнихъ 28 руб., получаетъ полную стоимость сгорѣвшаго дома; учрежденіе до 61 т. опеки надъ сиротами и малолѣтними; обученіе до 50 т. мальчиковъ разнымъ полезнымъ ремесламъ; устройство школъ, лѣчебницъ; умноженіе числа медиковъ, фельдшеровъ, оспопри-

*) Цифра эта и прочія, здѣсь приведенныя, взяты изъ 18-лѣтняго отчета графа Киселева, представленнаго Вашему Императорскому Величеству предъ отъѣздомъ его въ Парижъ.

Замѣчаніе ГОСУДАРЯ:
«Это несправедливо,
ибо расходы на
управленіе огром-
ные».

вивателей, повивальныхъ бабокъ; и множество другихъ учрежденій, результатовъ которыхъ я здѣсь не перечисляю, чтобы не утруждать вниманіе Вашего Императорскаго Величества, и которые достигнуты посредствомъ управленія, почти не обременяющаго Государственнаго Казначейства и дѣйствовавшаго въ теченіи 18 лѣтъ непрерывно, не нарушивъ спокойствія народа, изъ 20 мил. душъ состоящаго? *)

Если эту теорію отложить въ сторону, то что же такое останется для такъ называемой практики?

И среди какой борьбы получены всѣ эти результаты? Борьба съ явнымъ недоброжелательствомъ двухъ министерствъ: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, между которыми до 1838 г. раздѣлялось управленіе государственныхъ имуществъ и которые довели казенныхъ крестьянъ до отчаяннаго положенія, неотложно требовавшего перемѣны; борьба съ предубѣжденіями и не меньшимъ недоброжелательствомъ помѣщиковъ, которые такъ долго и такъ легко пользовались казенными землями, лѣсами и дорого ими цѣнимою возможностью облегчить себя на счетъ государственныхъ крестьянъ въ отправленіи натуральныхъ повинностей, и которые въ новомъ управленіи видѣли явный укоръ закоренѣлому ихъ своеволю въ отношеніи къ крѣпостнымъ своимъ крестьянамъ; борьба съ винными откупщиками и разнаго рода промышленниками, привыкшими всякими неправдами наживаться на счетъ труда и нравственности народа; наконецъ, борьба съ самими крестьянами, притѣсненными и всѣми обижаемыми, но которые, будучи погружены въ невѣжество и привыкши къ отсутствію порядка и къ праву сильного, большею частію въ началѣ мало содѣйствовали новому управленію, обязанному водворять между ними строгое уваженіе къ закону, нравственность и обузданіе страстей.

И въ борьбѣ со всѣми этими враждебными силами гдѣ было искать надежныхъ орудій? Въ той же самой безнадежной средѣ, въ которой у насъ орудія зла такъ сильно развелись и размножились.

Графъ Киселевъ вполне сознавалъ всю эту враждебность, среди которой надлежало начинать и потомъ съ неимоверными усиліями проводить новое дѣло, а потому всѣ свои опасенія изложилъ въ особой все-

*) Весьма немногіе случаи безпокойства между государственными крестьянами въ теченіе этого періода времени относятся почти исключительно къ обстоятельствамъ, возбуждившимъ въ нихъ страхъ, что они могутъ подчиниться другому управленію; такъ напр., безпорядки 1842 г. въ Перми, по коимъ я былъ посланъ для производства слѣдствія, обнаружили вполне, что волненіе крестьянъ произошло единственно отъ распространенія между ними злонамѣренными людьми слуха, что они отданы въ Удѣлъ, а это въ понятіяхъ крестьянъ значить то же, что въ крѣпостное владѣніе.

подданнѣйшей запискѣ, представленной Государю въ 1837 г. въ Москвѣ, передъ самымъ учрежденіемъ Министерства.

Въ Божѣ почившему Императору Николаю I благоугодно было на этой запискѣ собственноручно начертать повелѣніе «приступить къ дѣлу и идти впередъ, не боясь людей и уповая на Бога и на Государя».

Съ тѣхъ поръ протекло 18 лѣтъ. Опасенія оправдались вполнѣ, враждебныя силы дѣйствовали повсюду упорно, часто явно, большею частію скрытно, невидимо для внѣшняго глаза, на огромномъ пространствѣ Имперіи; всякое устройство, всякое улучшеніе стоило огромнаго труда; изученіе началъ, приспособленіе къ народному быту, къ механизму прочихъ вѣдомствъ требовали осторожности и настойчивости въ примѣненіи, разборчивости и благоразумной твердости среди разнообразныхъ толковъ и сужденій всякаго рода о получаемыхъ результатахъ, а паче всего—выбора людей.

Мудрено ли, что такая борьба изнурила человѣка и что въ послѣднихъ годахъ своего управленія исполнитель не могъ дѣйствовать съ тою энергіею, которой отличалось первое время его служебной дѣятельности по Министерству Государственныхъ Имуществъ?

Все вышесказанное служить доказательствомъ, что система управленія государственныхъ имуществъ не есть система одного человѣка, который былъ лишь ея исполнителемъ, и что въ виду положительныхъ фактическихъ результатовъ называть ее теоріею—значить употребить слово безъ значенія. Стало быть, если есть недостатки, надобно искать онымъ другія причины.

Государь! я служилъ 15 лѣтъ въ Министерствѣ; еще управляя С.-Петербургскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, я зналъ его недостатки, его слабыя стороны. Въ послѣдніе 5 мѣсяцевъ, управляя Министерствомъ, я еще ближе ознакомился съ людьми и положеніемъ дѣлъ. Обстоятельства, въ которыя я былъ поставленъ, не позволили мнѣ испытать мои силы къ исправленію этихъ недостатковъ. Я могъ быть болѣе или менѣе счастливымъ докладчикомъ Вашему Императорскому Величеству текущихъ дѣлъ, но приступить къ живому дѣлу я не могъ, въ ожиданіи выздоровленія Министра, или новаго его назначенія.

Между тѣмъ я убѣжденъ глубоко, что въ годъ, много въ два, измѣненія необходимыя и на которыя отчасти справедливо указываютъ, могли бы совершиться вполнѣ, не нарушая основныхъ началъ, безъ шума, безъ всякихъ особенныхъ мѣропріятій, единственно средствами, въ самомъ Министерствѣ находящимися, не испрашивая, какъ полагаетъ генералъ Муравьевъ, никакихъ особенныхъ уполномочій.

Главное средство къ этому—простое—исправить личный составъ, отъ котораго исключительно зависитъ исполненіе законовъ. Къ сожалѣнію,

въ послѣдніе годы..... этотъ составъ значительно испортили. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, онъ началъ нѣсколько очищаться, но на окончательное исправленіе его нужны время и средства: время, чтобъ узнать людей и найти лучшихъ; средства, чтобы пристроить тѣхъ, которые только неспособны, и вообще усилить содержаніе чиновниковъ хотя уравнительно съ прочими вѣдомствами. Штаты Министерства Государственныхъ Имуществъ утверждены въ 1845 г., а въ 1848 и 49 годахъ даны новые штаты Казеннымъ Палатамъ, Губернскимъ Правленіямъ и Строительнымъ Коммисіямъ, и въ этихъ вѣдомствахъ содержаніе чиновниковъ превышаетъ отъ 20 до 100% содержаніе чиновниковъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Слѣдствіемъ этого—безпрестанные переходы служащихъ изъ сего послѣдняго въ другія вѣдомства, особенно нынѣ, когда отовсюду получаютъ официальные и самыя убѣдительныя донесенія о возрастающей вездѣ дороговизнѣ. Къ счастью, необходимое здѣсь улучшеніе возможно безъ обремененія Государственного Казначейства, такъ какъ все губернское управленіе Министерства содержится на счетъ общественнаго съ крестьянъ сбора, который естественно прибавляется съ увеличеніемъ народонаселенія *).

Здѣсь кстати сказать о часто повторяемомъ обвиненіи, что въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ множество чиновниковъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ уѣздномъ управленіи. Приведу одну главную цифру окружныхъ управленій, о которыхъ всего болѣе говорятъ, состоитъ 280, слѣдовательно изъ 9 мил. душъ приходится въ сложности не менѣе 32 т. душъ на одного окружнаго начальника съ его помощникомъ и письмоводителемъ. Въ уѣздномъ же вѣдомствѣ считается 20 конторъ, соотвѣтствующихъ Палатамъ Государственныхъ Имуществъ, и слѣдовательно изъ 800 т. душъ приходится на каждыя 40 т. по одному центральному управленію. А жалованья управляющіе уѣздными Конторами получаютъ по 5 т. и 6 т. р. сер., тогда какъ оклады Управляющихъ Палатами составляютъ не болѣе 3 т. руб., а весьма многихъ и того менѣе.

О чиновникахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ слѣдуетъ еще сказать, что такъ какъ это Министерство, кромѣ административныхъ обязанностей, имѣетъ еще характеръ воспитательный и наблюдательный за развитіемъ и дѣйствіями сельскихъ общинъ, то вопросъ о числѣ и качествахъ служащихъ лицъ становится для онаго еще сложнѣе и труднѣе, нежели въ другихъ вѣдомствахъ, гдѣ требуется одно простое исполненіе закономъ предписанныхъ и положительно указанныхъ обязанностей. Здѣсь нуженъ духъ еще болѣе, чѣмъ буква.

*) Сверхъ того, съ 1853 г. начато сокращеніе числа сельскихъ и волостныхъ управленій, отъ котораго составляетъ немалое сбереженіе въ расходахъ.

Одновременно съ улучшеніемъ личнаго состава надлежитъ, можетъ быть, измѣнить самое распредѣленіе дѣлъ между Департаментами, давъ симъ послѣднимъ другіе предѣлы и соотвѣтствующія новому разграниченію названія, отъ чего дѣлопроизводство можетъ упроститься и ускориться.

Затѣмъ пересмотрѣть и подвергнуть окончательному обсужденію многіе вопросы, давно возбужденные въ Министерствѣ и насчетъ которыхъ мнѣнія до сихъ поръ были различны, какъ то: о сокращеніи одной изъ существующихъ двухъ сельскихъ инстанцій, о упрощеніи писмоводства Окружныхъ управленій, о разныхъ улучшеніяхъ по кадастру, о порядкѣ сбора податей, о лѣсной части и о томъ, какъ приготовить начала къ постепенному переходу изъ общественнаго владѣнія землею въ личное, безъ котораго всѣ усилія по улучшенію сельскаго хозяйства между крестьянами останутся крайне ограниченными, если не совершенно тщетными.

Вотъ что можетъ сдѣлать Министерство собственными силами, разумно, честно и настойчиво употребленными.

Увеличится ли отъ этого благосостояніе государственныхъ крестьянъ? На этотъ вопросъ, всѣми дѣлаемый, болѣею частію съ недоувѣрчивостію, да позволено будетъ мнѣ отвѣчать нѣсколько словъ.

При управленіи благонамѣреннымъ, при чиновникахъ, сколь можно тщательно избранныхъ, исполняющихъ попечительство на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ, крестьянинъ собережетъ много грошей, добытыхъ часто кровавымъ потомъ, и деньги эти положить въ земледѣліе, въ новый промыслъ, улучшить свою пищу, одежду, жилище. Но его благосостояніе, богатство зависятъ еще, и гораздо болѣе, отъ причинъ, внѣ управленія находящихся и отъ онаго нисколько не зависящихъ.

Зависитъ ли, напримѣръ, отъ управленія, чтобы слѣдственная и судебная части были у насъ въ томъ положеніи, въ которомъ никто и почти нигдѣ ихъ у насъ не встрѣчаетъ?

Зависитъ ли отъ управленія, что трудъ у насъ встрѣчаетъ всюду, какъ въ законахъ, такъ и въ исполненіи законовъ, тысячу преградъ, опутывающихъ оный и препятствующихъ свободному его развитію?

Наконецъ, можетъ ли управленіе одно, безъ содѣйствія другихъ вѣдомствъ, усилить средства сбыта сельскихъ произведеній, уравновѣсить ихъ цѣнность, облегчить ихъ передвиженіе и потребленіе?

Въ извѣстной степени управленіе можетъ указывать и помогать, но магическій жезлъ благоденствія народа не въ его рукахъ.

Да и гдѣ же у насъ сословія, отличающіяся богатствомъ? Развѣ помѣщики, дворяне богаты? Развѣ имѣнія ихъ не заложены, развѣ они не обременены долгами, казенными и частными, и не просятъ непре-

станныхъ отсрочекъ? А кто ихъ стѣсняетъ, кто мѣшаетъ имъ увеличивать свое достояніе?

Благосостояніе сословія зависитъ не отъ того или другого вѣдомства, а отъ совокупности общихъ условій, въ которыхъ поставленъ въ государствѣ трудъ человѣка и при которыхъ дана ему возможность полезно употреблять свои силы.

Здѣсь мѣсто сказать о Департаментѣ Сельскаго Хозяйства, существованіе котораго также относится многими знатоками къ теоріи, т. е. къ бесполезнымъ предпріятіямъ.

Выше указаны были причины, ограничивающія до времени дѣятельность Министерства по этой части въ отношеніи собственно крестьянъ. Но не предстоитъ ли оному болѣе обширное поле въ отношеніи другихъ сословія, занимающихся земледѣліемъ, и въ особенности помѣщиковъ, главныхъ въ государствѣ землевладѣльцевъ? Казалось бы такъ. Но на дѣлѣ выходитъ иное. Конечно, наука сельскаго хозяйства много успѣла и распространилась у насъ противъ прежняго. Число и дѣятельность сельско-хозяйственныхъ обществъ умножились; развивается сельско-хозяйственная литература; есть хозяйства, гдѣ много хорошаго, образцоваго. Но настоящаго движенія, преобразованія коренного, широкаго, соотвѣтственнаго современному состоянію науки—нѣтъ. Причина этому очевидна и осязательна. Она скрывается въ крѣпостномъ правѣ, въ теперешнихъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ. Располагая легко и почти безотчетно даровымъ трудомъ земледѣльца, помѣщику нечего много думать объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, для которыхъ нужны личное техническое образованіе, познанія, которыя добываются трудомъ и ученіемъ.

Возможность увеличить барщину или оброкъ—вотъ наука самая прибыльная, для которой не нужно книгъ и мышленія и которая не тревожитъ природную лѣнь и безпечность.

Итакъ, пока у насъ существуетъ крѣпостное право, сельскому хозяйству не суждено нести плодовъ обильныхъ и Министерство должно ограничиваться возможнымъ распространеніемъ здравыхъ по этой части понятій чрезъ учебныя свои заведенія, приготовленіемъ въ нихъ образованныхъ техникумовъ, изданіемъ руководствъ, поощреніями, преміями и тому подобными, конечно, еще не весьма богатыми по послѣдствіямъ средствами, но которыми пренебрегать значило бы отказаться отъ всякой мысли о будущемъ.

Послѣднее слово да позволено мнѣ будетъ сказать въ отвѣтъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что государственные крестьяне платятъ мало и что доходъ отъ нихъ можетъ быть увеличенъ значительно, даже по одному сравненію съ удѣльными. Прилагаемое у сего сравнительное

обозрѣніе финансовой части двухъ Министерствъ: Удѣловъ и Государственныхъ Имуществъ, за 1855 г., показываетъ, что государственные крестьяне платятъ не менѣе удѣльныхъ. Кадастръ, введенный въ 19 губерніяхъ, при всѣхъ могущихъ въ немъ быть недостаткахъ, доказалъ положительно, что огромную часть теперешняго оброка крестьяне платятъ не съ земли, а съ промысловъ, безъ которыхъ настоящая подать не могла бы быть взимаема. При уравниніи существующихъ нынѣ денежныхъ сборовъ необходимость заставила отъ 30⁰/₀ до 43⁰/₀ всѣхъ податей разложить на промышленниковъ, изъ которыхъ большая часть не болѣе, какъ чернорабочіе-труженики. Можно ли рѣшиться, положивъ руку на совѣсть, увеличивать налогъ съ увѣренностію, что при теперешнихъ условіяхъ труда, при извѣстныхъ всѣмъ негласныхъ расходахъ крестьянина, какъ и другихъ сословій, — при зависимости его отъ виннаго откупа, расходъ на который покойный Тенгоборскій исчислялъ въ 100 рабочихъ дней въ году, — возвышеніе оброка не разоритъ народъ болѣе всѣхъ теорій, столь противныхъ людямъ, предлагающимъ спасеніе во имя практики?

На этотъ вопросъ я не боюсь отвѣчать.

Я обошелъ весь кругъ указанной Министерству Государственныхъ Имуществъ закономъ дѣятельности. Я желалъ выставить въ настоящемъ свѣтѣ, какъ я разумѣю, безъ преувеличенія и прикрасы, исходную точку сего учрежденія, затрудненія, испытанія, средства, съ которыми предназначено оному было, въ непрерывной борьбѣ, не всегда удачной, медленно подвигаться къ указанной цѣли.

Окончивъ при графѣ Киселевѣ первый, самый тяжелый, періодъ своего существованія, періодъ сооруженія административнаго зданія, устройства внутренняго механизма, установленія по всѣмъ частямъ основныхъ началъ, Министерство должно бы въ настоящее время, согласно Высочайшему Вашему Императорскаго Величества указанію, лично выраженному мнѣ въ Москвѣ, не нарушая этихъ началъ, оправданныхъ 18-лѣтнимъ опытомъ, стараться лишь развивать ихъ и совершенствовать.

Дай Богъ, чтобы новое предположенное направленіе принесло желаемые плоды и исполнило свое обѣщаніе, сохранивъ любовь народа къ Государю, главный источникъ силы всякаго Правительства и вѣрнаго улучшенія государственнаго!

Подписалъ: Двора Вашего Императорскаго Величества въ должности Гофмейстера *Д. Хрущовъ*.

**Сравненіе финансовыхъ результатовъ Министерства Удѣловъ
и Государственныхъ Имуществъ по отчетамъ за 1855 годъ.**

Министерство Удѣловъ.

1. Число ревизскихъ душъ.

Удѣльныхъ крестьянъ .	803.407
Лашмановъ, однодвор- цевъ и проч.	32.293
	835.700

2. Денежные сборы.

поступило:

Удѣльнаго оброка .	2.747.099 р.
Казенныхъ податей и земскихъ повин- ностей	1.373.902 р.
Всего .	4.121.001 р.

Или съ 1 ревизской души.	4 р. 88 к.
Отъ оброчныхъ ста- тей	382.948 р.
Отъ лѣсовъ	115.975 »
Разныхъ неоклад- ныхъ доходовъ .	99.078 »
	598.001 р.

*3. Наличность капиталовъ къ 1-му
Января 1856 года.*

Крестьянскій капи- талъ	1425.224 р.
--------------------------------------	-------------

**Министерство Государственныхъ
Имуществъ.**

1. Число ревизскихъ душъ.

Государственныхъ кре- стьянъ	8.813.821
Колонистовъ	183.402
Евреевъ земледѣль- цевъ	27.489
	9.034.312

2. Денежные сборы.

поступило:

Оброчной и подуш- ной	29.773.273 р.
Земскаго сбора . .	6.946.474 »
Общественнаго сбора	5.506.639 »
На обезпеченіе про- довольствія . . .	489.728 р.
Разныхъ другихъ казенныхъ взы- сканій	335.317 »
Всего .	43.041.431 р.

Или съ 1 ревизской души	4 р. 76 к.
Съ оброчныхъ ста- тей	2.456.950 »
Отъ лѣсовъ	1.109.405 »
	3.566.355 р.

*3. Наличность капиталовъ къ 1-му
Января 1856 года.*

Крестьянскаго капи- тала	18.596.575 р.
---------------------------------------	---------------

На 1 ревизскую ду-
шу крестьянскаго
капитала . . . 1 р. 70 к.

4. Запасы продовольствія.
(Не показано).

На 1 ревизскую ду-
шу крестьянскаго
капитала . . . 2 р. 5 к.

4. Запасы продовольствія къ 1-му
Января 1856 года.

Продовольственнаго
капитала на лицо 3.995.848 р.

На 1 ревизскую ду-
шу — р. 44 к.
Хлѣба 11.272.051 четв.

На 1 ревизскую
душу 1¹/₄ четв.

Примѣчаніе. При этомъ слѣ-
дуетъ принять во вниманіе:

1. Что 1855 годъ, по поступле-
нію податей и доходовъ по Мини-
стерству Государственныхъ Имү-
ществъ, былъ однимъ изъ самыхъ
неблагопріятныхъ: кромѣ неуро-
жая, въ южныхъ губерніяхъ, по
случаю войны, велѣно не настаи-
вать о сборѣ податей; отъ сего
не доплачено въ этихъ исключи-
тельно губерніяхъ болѣе 2¹/₂ мил.

Сбытъ лѣсовъ, по случаю войны,
сократился; отъ той же причины
послѣдовало сокращеніе въ дохо-
дахъ съ оброчныхъ статей.

2. Повинности крестьянъ по
исполненію военныхъ потребно-
стей, увеличились въ семь году
по крайней мѣрѣ на 10 мил. р. с.

3. Въ числѣ государственныхъ
крестьянъ считается 210.991 д.
колонистовъ и евреевъ, и 545.938 д.
малороссійскихъ казаковъ, по осо-
бымъ ихъ привилегіямъ обло-

женныхъ податями въ меньшемъ размѣрѣ противъ государственныхъ крестьянъ.

Если псключить эти сословія, то оклады государственныхъ крестьянъ окажутся даже бѣльшими, чѣмъ удѣльныхъ.

4. Удѣльные крестьяне надѣлены гораздо лучшими и въ гораздо большемъ количествѣ угодьями, нежели государственные крестьяне, во многихъ губерніяхъ совершенно нуждающіеся въ землѣ.

5. Удѣльныхъ имѣній нѣтъ ни въ южныхъ губерніяхъ, подвергнувшихся бѣдствіямъ войны, ни въ западныхъ, извѣстныхъ своею бѣдностію и гдѣ крестьяне только что переведены съ барщины на оброкъ и обложены имъ гораздо въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Переписка поэта В. А. Жуковского о продажѣ ему конфискованныхъ мызъ Мейерсгофъ и Уннипахтъ въ Лифляндской губерніи.

(Составилъ П. А. Шафрановъ).

Въ жизни знаменитаго нашего поэта В. А. Жуковского, кромѣ литературной дѣятельности, видное мѣсто занимала также и дѣятельность его, какъ наставника Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Состоя въ этой должности съ 1826 до 1841 г., В. А. Жуковскій не разъ удостоивался получать за свои труды Высочайшія награды въ видѣ чиновъ, орденовъ, а также арендъ, пособій и т. п. Эта послѣдняя, матеріальная сторона жизни нашего поэта мало еще извѣстна въ литературѣ; въ самой подробной біографіи его, составленной д-ромъ Зейдлицемъ, только одинъ разъ говорится объ этихъ условіяхъ жизни Жуковского. Въ письмѣ отъ 21 апрѣля 1841 года къ А. П. Елагиной Василій Андреевичъ упоминаетъ объ имѣніи своемъ Мейерсгофъ, и то уже по поводу продажи его Зейдлицу (за 115 т. р.); въ томъ же письмѣ Жуковскій говоритъ о назначеніи ему пенсіона въ 10 т. р. и объ оставленіи за нимъ званія наставника при Наслѣдникѣ съ окладомъ жалованья въ 18 т. р. *) Между тѣмъ, о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ приобрѣтено было это имѣніе, никакихъ указаній въ біографіи его не имѣется. Въ Архивѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ **) сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія, по этому предмету, остававшіяся, по видимому, неизвѣстными біографамъ Жуковского, и потому они сообщаются въ настоящей замѣткѣ, съ приложеніемъ самыхъ писемъ поэта.

Въ 1831 году, 18 мая, Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣлъ—дать аренду по чину состоящему при Государѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ д. ст. сов. Василю Жуковскому и затѣмъ, при личномъ докладѣ Министра Финансовъ, Государь опредѣлилъ размѣръ этой аренды по 1500 рублей на 12 лѣтъ. 20-го апрѣля 1834 года

*) Зейдлицъ, К. К. Жизнь и поэзія В. А. Жуковского. Спб. 1883 г., стр. 173.

**) Дѣло Архива М. Г. И., № 14,285—1836 года.

послѣдовалъ Высочайшій указъ о прибавкѣ д. с. с. Жуковскому къ получаемой имъ арендѣ еще 1500 рублей и о продолженіи всей аренды по смерть.

Эта Высочайшая милость послѣдовала, вѣроятно, по случаю исполнившагося въ томъ году совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича, потому что одновременно были даны или продолжены аренды состоявшимъ при Государѣ Наслѣдникѣ: генер.-адъют. Мердеру съ женою—5000 руб. въ годъ по смерть и полковнику л.-гв. Изм. полка Юрьевичу—по 1000 р. въ годъ на 24 года.

Желая, однако, вѣрнѣе обезпечить своихъ родныхъ на случай своей смерти, Василій Андреевичъ рѣшился приобрести недвижимое имѣніе и для покупки его воспользоваться пожалованной ему арендой. Съ этою цѣлью въ собственноручномъ письмѣ отъ 2-го августа 1836 года онъ обратился къ Императору Николаю съ просьбой, чтобы конфискованныя у графа Залускаго имѣнія Мейерсгофъ и Уннипихтъ, въ Дерптскомъ уѣздѣ, уступлены были ему безъ торговъ по той цѣнѣ, по какой они были раньше проданы самимъ владѣльцемъ (именно 95 т. р.) и чтобы уплату, которую онъ долженъ былъ сдѣлать казнѣ, разрѣшено было произвести исподволь изъ пожалованной ему аренды; а такъ какъ аренда пожалована была безъ срока—по смерть, то Жуковскій просилъ, чтобы Государь назначилъ ему аренду на опредѣленный срокъ, именно на 25 лѣтъ, чтобы такимъ образомъ онъ могъ на счетъ этой аренды купить имѣніе.

Свое намѣреніе приобрести недвижимое имѣніе Жуковскій объяснялъ, какъ сказано выше, желаніемъ обезпечить участь своихъ близкихъ. «Собственно для себя», пишетъ онъ, «мнѣ бы ни о чемъ не нужно было заботиться, благодаря тому, что Вы уже для меня сдѣлали, но я желалъ бы, чтобы послѣ меня что-нибудь осталось моимъ роднымъ, коихъ участь меня тревожитъ»

Одновременно (3-го августа) Жуковскій обратился съ собственноручнымъ письмомъ и къ бывшему въ то время министромъ финансовъ графу Канкрину; послѣдняго онъ хотѣлъ только предупредить относительно своего намѣренія приобрести имѣніе, такъ какъ, въ случаѣ согласія Государя, дѣло должно было перейти къ министру финансовъ; Жуковскій заканчивалъ письмо выраженіемъ увѣренности, что министръ финансовъ не откажется сдѣлать ему добро *возможное*.

Государь изъявилъ согласіе на просьбу Жуковскаго и на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ по поводу этой просьбы собственноручно написалъ: «Согласенъ»; но, вслѣдствіе предложенія министра финансовъ, предварительно нужно было произвести новую оцѣнку упомянутыхъ имѣній, такъ какъ предложенная Жуковскимъ сумма 95 тыс.

руб. с. значительно разнилась отъ оцѣнки, сдѣланной Лифляндскимъ Кредитнымъ Обществомъ, въ 111 тыс. р. с. Для переоцѣнки имѣнія Лифляндская Казенная Палата послала особыхъ чиновниковъ, которые оцѣнили обѣ мызы въ 87 тыс. р. с. Министерство Финансовъ обратилось тогда къ Жуковскому съ предложеніемъ принять на себя, если онъ пожелаетъ, просимыя имъ мызы, вмѣстѣ съ долгомъ на нихъ, за предложенную имъ раньше сумму 95 т. р.

Жуковскій между тѣмъ узналъ, что новая оцѣнка мызъ оказалась ниже предложенной имъ суммы и потому, не отказываясь отъ своего намѣренія купить мызы, просилъ Временный Совѣтъ для управленія Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ уступить ему мызы по новой, — низшей оцѣнкѣ *), а такъ какъ Временный Совѣтъ самъ не могъ этого исполнить, то Жуковскій просилъ довести его просьбу до свѣдѣнія Государя Императора, отъ милости котораго будетъ зависѣть, уступить ли ему имѣніе по назначенной имъ высшей оцѣнкѣ, или же по послѣдней, болѣе точной оцѣнкѣ, сдѣланной чиновниками Лифляндской Казенной Палаты.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Временнаго Совѣта по этому предмету рукою предсѣдателя Совѣта ген.-адъют. П. Д. Киселева была написана 29 марта 1837 г. слѣдующая резолюція: «Его Величество признать извоилъ справедливымъ за мызы Мейерсгофъ и Уннипахтъ внести Жуковскому запродажную и имъ уже принятую цѣну 97,971 руб. сер., долженствующіе поступить на уплату законныхъ долговъ мятежника Залусскаго. Но при семъ Его Величеству угодно, въ изъявленіе особой милости г. Жуковскому, пожаловать ему, въ видѣ пособія, для пріобрѣтенія сего имѣнія 9000 руб. сер. изъ общихъ доходовъ конфискованныхъ имѣній; о семъ заготовить указъ отдѣльно отъ распоряженія по продажѣ Жуковскому означенныхъ мызъ и представить при общемъ докладѣ о прочихъ по сему распоряженіяхъ». Высочайшій указъ о назначеніи Жуковскому 9000 р. безъ вычета въ видѣ пособія для пріобрѣтенія покупкою конфискованныхъ мызъ Мейерсгофъ и Уннипахтъ былъ подписанъ Государемъ 3-го апрѣля 1837 г., а 9-го апрѣля состоялся другой указъ о перемѣнѣ Жуковскому аренды изъ пожизненной на 25-лѣтнюю; «а въ случаѣ, — прибавлено было въ указѣ, — Жуковскій проживетъ дольше 25 лѣтъ, то, по истеченіи этого срока, продолжить ему аренду въ 3 т. р. с. по смерти».

*) Прошеніе во Временный Совѣтъ написано Жуковскимъ не собственноручно, но писано отъ его имени и имъ же подписано; содержаніе письма также показываетъ, что оно, безъ сомнѣнія, составлено самимъ Жуковскимъ. То же должно сказать и о прошеніи его къ Министру Госуд. Имуществъ П. Д. Киселеву, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

Для того, чтобы Жуковский могъ погасить долгъ за купленное имѣніе по возможности скорѣе, ему разрѣшена была, по Высочайшему повелѣнію также отъ 9-го апрѣля 1837 года, ссуда изъ Заемнаго Банка подъ залогъ причитающейся ему за 25 лѣтъ аренды; ссуда выдана была въ два срока—въ 1838 и 1841 годахъ. Но этимъ еще не окончилось дѣло о покупкѣ Жуковскимъ имѣнія. Осмотрѣвъ купленное имѣніе, Василій Андреевичъ нашель, что всѣ строенія въ немъ обветшали вслѣдствіе того, что со времени обращенія упомянутыхъ мызъ въ казну не дѣлалось никакихъ починокъ въ имѣніи; между тѣмъ такъ называемыя меліораціонныя суммы, назначаемыя для починки строеній въ конфискованныхъ имѣніяхъ, въ количествѣ 3070 руб., сданы были въ Лифляндскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія; по закону же онѣ должны были вмѣстѣ съ имѣніемъ переходить отъ одного владѣльца къ другому. Поэтому Жуковский снова обратился къ графу Киселеву съ просьбой—передать ему означенную сумму для производства построекъ и починокъ въ купленномъ имъ имѣніи.

Второй Департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, рассмотрѣвъ прошеніе Жуковскаго, нашель, что «хотя существующія по Лифляндской губерніи правила о строительныхъ меліораціонныхъ суммахъ даютъ поводъ г. Жуковскому къ такому домогательству, но какъ при покупкѣ этого имѣнія Жуковский того не требоваль и въ продажномъ актѣ о семъ не упомянуто особою статьею, то выдача означенныхъ суммъ зависитъ отъ особаго Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія». По внесеніи этого дѣла графомъ Киселевымъ въ Комитетъ Западныхъ губерній, Государь Императоръ, 30 декабря 1838 г., Высочайше соизволиль изъяснить согласіе на удовлетвореніе просьбы Жуковскаго. Такимъ образомъ, и это ходатайство Жуковскаго было удовлетворено, благодаря милостивому вниманію Императора Николая Павловича.

Собственноручное письмо В. А. Жуковского къ Императору
Николаю Павловичу отъ 2 августа 1836 года.

Всемиловѣйшій Государь!

Осмѣливаюсь просить у Вашего Императорскаго Величества Высочайшей для себя милости.

Во время теперешняго моего пребыванія близъ Дерпта узналъ я, что имѣнїе, принадлежавшее графу Залуцкому, — Meiershof и Unnipicht Дерптскаго уѣзда Ниггенскаго прихода, конфискованное въ казну, должно быть или оставлено въ казнѣ, или предоставлено кредиторамъ, или продано съ публичнаго торга: которая изъ сихъ трехъ мѣръ должна быть избрана, зависитъ отъ Высочайшей воли Вашего Величества. На семъ имѣнїи находится большой долгъ въ кредитную кассу; оно было передъ началомъ польскаго мятежа запродаано самимъ владѣльцемъ, но продажа сія уничтожена.

Вотъ въ чемъ состоитъ милость, коей осмѣливаюсь просить отъ Вашего Императорскаго Величества: позвольте, чтобы это имѣнїе было уступлено мнѣ прямо, не входя въ публичную продажу, отъ казны по той цѣнѣ, по коей оно было владѣльцемъ запродаано (нѣсколько выше той суммы, въ какую оно было оцѣнено Камеральгофомъ) и чтобы уплата, которую я долженъ буду сдѣлать казнѣ (сверхъ долга въ кредитную кассу и другого небольшого долга послѣднему покупщику, кои оба останутся на самомъ имѣнїи) была произведена мною исподволь изъ аренды, всемиловѣйше мнѣ пожалованной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Симъ милостивымъ облегченіемъ покупки этого имѣнїя Ваше Величество утвердите совершенно мое будущее. Собственно для себя мнѣ бы ни о чемъ не нужно было заботиться, благодаря тому, что Вы уже для меня сдѣлали, но я желалъ бы, чтобы послѣ меня что-нибудь осталось моимъ роднымъ, коихъ участь меня тревожить.

Долженъ здѣсь прибавить одно: аренда, Вашимъ Величествомъ мнѣ пожалованная, опредѣлена мнѣ по смерти; симъ, Государь, Вы сдѣлали для меня лично все; но я могу прожить долго или умереть завтра: въ послѣднемъ случаѣ все со мною кончится, и тѣ, о коихъ однихъ забочусь, нисколько не будутъ устроены. Если бы Ваше Величество благоволили опредѣлить, чтобы сія аренда была мнѣ назначена не по смерти, а хотя на двадцать пять лѣтъ, считая отъ сего времени, то

я остался бы совершенно обезпеченъ и насчетъ уплаты за имѣніе, которое приобрѣсть желаю, и насчетъ будущаго моихъ родныхъ, которое одно меня устрашаетъ.

Простите, Государь, что обременяю Васъ просьбою такого рода: изъясняя Вамъ съ довѣренностью свои семейныя обстоятельства, смѣю думать, что Вы не откажетесь принять въ нихъ участіе, какъ личный, всегда милостивый мой благодетель, и что Вамъ не будетъ противно взять на себя нѣкоторую заботу о томъ, чтобы дать мнѣ лучшее въ жизни благо, спокойствіе душевное.

Если Ваше Величество благоволите снизойти на просьбу мою, то позвольте мнѣ переговорить съ Министромъ Финансовъ, дабы онъ могъ объяснить, какъ можетъ быть устроена та продажа, о коей Васъ я просить осмѣлился.

Вашего Императорскаго Впличества
вѣрноподанный
В. Жуковскій.

Собственноручное письмо В. А. Жуковскаго къ Министру Финансовъ графу Е. Ф. Канкрину отъ 3-го авг. 1853 года.

Милостивый Государь,
Графъ Егоръ Францовичъ.

Имѣю честь представить Вашему Сіятельству выписку изъ письма, поданнаго мною Государю Императору. Если Его Величество благоволитъ обратить вниманіе на мою просьбу, то Онъ, безъ сомнѣнія, передастъ Вашему Сіятельству и письмо мое, изъ коего сами увидите побудительную причину, заставившую меня написать его.

Принимая смѣлость предупредить Ваше Сіятельство насчетъ того, что мною сдѣлано, не считаю нужнымъ ни о чемъ въ особенности просить Васъ. Я знаю на опытъ, что Вы расположены ко мнѣ благо-склонно и смѣю быть увѣреннымъ, что Вы не откажетесь сдѣлать мнѣ добро *возможное*. Съ полною къ Вамъ довѣренностью буду ожидать Вашего разрѣшенія, зная напередъ, что оно будетъ справедливо, хотя бы впрочемъ и не было согласно съ моимъ желаніемъ.

Примите увѣреніе въ душевномъ почтеніи, съ коимъ навсегда честь имѣю быть,

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства покорнымъ слугою
В. Жуковскій.

Во Временный Совѣтъ для управленія Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ.

Совѣтъ, полагая, что предложенная мною за мызы Мейерсгофъ и Уннипахтъ сумма 95.971 руб. сер., за которую запроданы были мызы Тепферу и Гассе, оказывается соотвѣтственною цѣнности, относится ко мнѣ о доставленіи увѣдомленія для всеподданнѣйшаго о томъ доклада, желаю ли я взять мызы съ принятіемъ на себя долга Лифляндскому Кредитному Обществу и превосходства оцѣночной суммы.

На сіе честь имѣю сообщить слѣдующее: въ предложеніи 95.971 р. сер. за мызы Мейерсгофъ и Уннипахтъ я основывался на контрактъ, заключенномъ графомъ Залуцкимъ съ послѣдними покупателями его имѣній, полагая, что цѣна сія была истинная и не имѣвъ ни времени, ни возможности получить свѣдѣній болѣе подробныхъ и вѣрныхъ; но по точной оцѣнкѣ, произведенной недавно мѣстнымъ начальствомъ, оказалось, что цѣна сихъ имѣній не превышаетъ 87.000 рублей сер. Разница сихъ двухъ цѣнностей происходитъ отъ того, что обѣ мызы, находясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ управленіемъ постороннихъ лицъ, пришли въ упадокъ, такъ что, по разсчету, нужно бы было употребить до 10.000 рублей сер., чтобы ихъ привести въ надлежащее устройство (не включая въ сію сумму до 3500 руб. сер. казенныхъ пошлинъ за совершеніе купчей на сумму 87.000 руб., коихъ послѣднимъ покупателямъ платить бы не слѣдовало, ибо имѣнія утверждались за ними въ видѣ залога). Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что первая сумма, мною предложенная и основанная на первой оцѣнкѣ, превышаетъ 9000 рублями сер. послѣднюю точнѣйшую оцѣнку. Не взирая на значительность сей разницы, я остаюсь при своемъ желаніи пріобрѣсти въ мое владѣніе мызы Мейерсгофъ и Уннипахтъ, ибо не могу отказаться отъ того, что уже было одинъ разъ предложено мною.

Но какъ Совѣтъ предполагаетъ войти о семъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, то отъ Высочайшаго благоусмотрѣнія Его Императорскаго Величества зависѣть будетъ рѣшеніе, за какую сумму могутъ поступить въ мое владѣніе мызы Мейерсгофъ и Уннипахтъ, т. е. по возвышенной ли цѣнѣ 1830 года, которая и мною была предложена, или по цѣнѣ дѣйствительной, опредѣленной послѣднею, точнѣйшею оцѣнкою. Основываясь на семъ, прошу Временный Совѣтъ сіе мое объясненіе довести до свѣдѣнія Государя Императора.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Жуковский.*

23 Марта 1837 года.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Государственных Имуществъ, члену Государственнаго Совѣта, Генералу отъ Инфантеріи и Кавалеру *Павлу Дмитріевичу Киселеву*.

Отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника
Василія Андреевича Жуковскаго

ПРОШЕНІЕ.

Не безъизвѣстно Вашему Высокопревосходительству, что съ Высочайшаго соизволенія утверждены за мною Лифляндской губерніи мызы Уннипахтъ и Мейерсгофъ, бывшія прежде имѣніемъ графа Залуцкаго и состоявшія до того времени въ Управленіи Лифляндскаго Дворянскаго Кредитнаго Банка, коему онѣ были заложены.

Обязанностью сего Банка было, конечно, поддерживать оное имѣніе въ надлежащемъ устройствѣ и затѣмъ только остатки изъ дохода съ оныхъ, за уплатою причитающихся Банку процентовъ, представлять, куда слѣдуетъ, къ причисленію къ имуществу графа Залуцкаго. Остатки сіи представлены въ Лифляндскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія и составляютъ около 3000 рублей серебромъ.

Нынѣ же, при пріемѣ мною оныхъ мызъ Уннипахтъ и Мейерсгофъ, оказалось, что, во время управленія Лифляндскаго Дворянскаго Банка почти всѣ хозяйственныя постройки и починки, которыя непремѣнно слѣдовало произвести изъ дохода имѣнія, остались не произведенными, такъ что находятся въ положеніи, угрожающемъ совершеннымъ разрушеніемъ; сумма же, необходимая на приведеніе оныхъ въ хозяйственный порядокъ, превышаетъ многимъ сумму, поступившую въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

А какъ чистымъ доходомъ можно почитать только то, что остается за израсходованіемъ потребныхъ суммъ для поддержанія хозяйства и самой цѣнности имѣнія; въ подлежащемъ же случаѣ издержки за непроизведенныя Дворянскимъ Банкомъ постройки и починки составляютъ несравненно болѣе поступившей въ Лифляндскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія суммы, то изъ сего и явствуетъ, что оную сумму нельзя почитать доходомъ съ имѣній Мейерсгофа и Уннипахта и что не слѣдовало причислять ее къ имуществу графа Залуцкаго; напротивъ того, она должна быть предоставлена настоящему владѣльцу сихъ имѣній для употребленія оной на тѣ необходимыя расходы, которые не произведены Лифляндскимъ Дворянскимъ Банкомъ, во время управленія его симъ имѣніемъ и которые, слѣдовательно, надлежитъ еще произвести.

Предавая все сіе на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходитель-

ства, я покорнѣйше Васъ прошу, по истребованіи отъ мѣстнаго начальства удостовѣренія въ точности моего показанія, исходатайствовать мнѣ выдачу внесенной Дворянскимъ Банкомъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, но по всей справедливости мнѣ принадлежащей, суммы.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *В. Жуковскій*.

С.-Петербургъ, 26 апрѣля 1838 года.

Казенный крестьянинъ Адріанъ Бугровъ и его замѣчанія о домостроительствѣ казенныхъ поселянъ.

(Составилъ П. А. Шафрановъ).

Въ 1836 и 1837 годахъ, т. е. со времени учрежденія V-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и до открытія Министерства Государственныхъ Имуществъ, когда Правительство было занято собираніемъ матеріаловъ для устройства новаго управленія государственными имуществами и крестьянами, графу П. Д. Киселеву, стоявшему во главѣ этого дѣла, присылалось множество самыхъ разнообразныхъ проектовъ, какъ отъ должностныхъ лицъ, такъ и отъ частныхъ лицъ всякаго званія. Меньше всего, однако, поступало проектовъ отъ людей, принадлежащихъ къ тому классу, который былъ наиболѣе заинтересованъ въ предполагавшемся преобразованіи, т. е. отъ казенныхъ крестьянъ; между тѣмъ указанія лицъ этого класса имѣли бы особенно важное значеніе, какъ людей, хорошо знавшихъ нужды сословія, судьба котораго устроивалась въ новыхъ учрежденіяхъ.

Поэтому естественно должна возбуждать интересъ собственноручная записка казеннаго крестьянина Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, села Клетина, Адріана Андреева *Бугрова*, доставленная имъ въ 1837 году на имя Министра Государственныхъ Имуществъ графа П. Д. Киселева (еще въ бытность его предсѣдателемъ Временнаго Совѣта для управленія Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ), подъ заглавіемъ: «Примѣчанія казеннаго крестьянина Адріана Бугрова на распоряженіе домостроительства своихъ собратій казенныхъ поселянъ» *).

*) Дѣло V Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, 1837 г. № 257.

Кромѣ «Примѣчаній», представляетъ интересъ и самая личность Бугрова, рѣзко выдѣлявшагося изъ среды своихъ собратій умомъ, начитанностью, энергіей и разнообразными способностями и знаніями, направленными, главнымъ образомъ, на служеніе обществу крестьянъ клетинской волости, гдѣ онъ служилъ въ теченіе 34 лѣтъ по выборамъ, сперва въ должности волостного писаря (31 годъ), а потомъ — волостного головы (3 года). Свѣдѣнія о личности и дѣятельности Бугрова даютъ имѣющіяся въ дѣлѣ о немъ — копіи съ общественныхъ приговоровъ крестьянъ (изъ дѣла о Бугровѣ, производившагося въ Сенатѣ), а частью и письмо самого Бугрова на имя графа Киселева.

Крестьянинъ Бугровъ началъ свою службу клетинскому обществу въ должности волостного писаря въ 1791 году, еще будучи 16-лѣтнимъ юношей; клетинское общество находилось въ то время въ тяжеломъ положеніи: въ обществѣ усилилось пьянство, запутались рекрутскія очереди и податные расчеты, накопились недоимки — до 10 тыс. рублей, а главное — сосѣдніе помѣщики отняли у крестьянъ и присвоили себѣ до 5000 десятинъ крестьянской земли; въ волостномъ управленіи также господствовалъ безпорядокъ: волостной голова, по словамъ Бугрова, имѣлъ партію стариковъ и молодыхъ людей грубаго и дерзкаго характера, которые силою голосовъ своихъ его избрали и поддерживали, и эти люди были у него первостатейными; голова обязанъ былъ поить ихъ виномъ на мірской счетъ и лакомить баранами, курами и яйцами, собираемыми съ крестьянъ, исключая, однако, его сообщниковъ.

Вступивъ въ должность писаря, Бугровъ постепенно устранилъ партію «своенравія и притѣсненія», ввелъ порядокъ въ рекрутскія очереди и уплату податей и, благодаря этому порядку и строгой отчетности, не только подати стали уплачиваться правильно, но и вся казенная недоимка была погашена въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Убѣдившись въ способностяхъ Бугрова и преданности его обществу, клетинцы упросили его быть повѣреннымъ отъ нихъ для отысканія судомъ захваченныхъ сосѣдними помѣщиками общественныхъ земель. Бугровъ оправдалъ выборъ общества: онъ отыскалъ по разнымъ судебнымъ мѣстамъ затерянные его предшественниками документы на землю; доказалъ на основаніи этихъ документовъ принадлежность крестьянамъ занятой помѣщиками земли и по рѣшенію Сената (1801 года), на разсмотрѣніе котораго поступило это дѣло, около пяти тысячъ десятинъ земли было возвращено крестьянамъ.

Но помѣщики къ этому времени успѣли уже вырубить на занятыхъ ими крестьянскихъ земляхъ весь лѣсъ, такъ что крестьяне не могли достать себѣ лѣса даже на дрова; Бугровъ и здѣсь помогъ Обществу: онъ учредилъ строгій надзоръ за сбереженіемъ растущаго по сѣноко-

самъ *парусника*, изъ котораго черезъ нѣсколько лѣтъ выросло до тысячи десятинъ хорошаго дровяного лѣса.

Мало того, когда крестьяне, въ награду за оказанную имъ услугу, уступили Бугрову двѣ запущенныя мельницы, сдаваемые ими въ аренду по 89 рублей въ годъ,—одну на 30, другую на 10 лѣтъ,—то Бугровъ этотъ подарокъ обратилъ въ пользу самого же общества, тѣмъ, что, благодаря «знанію въ совершенствѣ хозяйственной части», привелъ мельницы въ отличное устройство и тѣмъ избавилъ крестьянъ отъ «волокітства на отдаленныя мельницы», такъ что крестьяне стали получать больше выгоды, чѣмъ сколько приносила имъ раньше арендная плата за эти мельницы.

Бугровъ былъ образцомъ для крестьянъ клетинскаго общества и по своимъ личнымъ качествамъ и по своимъ разнообразнымъ способностямъ, которыми онъ безкорыстно служилъ на пользу общества. «Будучи кроткаго и миролюбиваго нрава, честнаго и трезваго поведенія, онъ примѣромъ жизни своей и трудолюбіемъ прекратилъ всѣ бывшія до него въ обществѣ несогласія и распри, такъ что клетинскіе крестьяне, со времени послѣдней тяжбы изъ-за земли (1801 г.), не имѣли въ теченіе болѣе 20 лѣтъ никакихъ тяжбъ съ сосѣдями».

Бугровъ показалъ также и «разныя художества, собственноручно имъ производимыя», именно — такъ какъ большая часть клетинскихъ крестьянъ занималась плотничествомъ, то онъ не упустилъ случая приобрести знанія по части математики, архитектуры и механики и многими изъ крестьянъ руководилъ при черченіи ими строительныхъ плановъ для домовъ, мельницъ и пр.

Наконецъ, Бугровъ служилъ для крестьянъ образцомъ отца-воспитателя и подавалъ собою живой примѣръ того, какую пользу можетъ принести образованіе: онъ самъ обучалъ своихъ двухъ сыновей грамотѣ, далъ имъ начальныя свѣдѣнія изъ математики, физики и медицины, которою самъ особенно усердно занимался. Благодаря такой подготовкѣ, старшій его сынъ Александръ, не учась нигдѣ «въ классическихъ училищахъ», былъ принятъ прямо въ Московскій университетъ студентомъ, а въ 1815 году, по указу Сената, изъ поселянскаго званія исключенъ и причисленъ въ ученое сословіе; впоследствии онъ получилъ степень магистра астрономіи *); второй—младшій сынъ Бугрова, Аѳанасій, занимавшійся подъ руководствомъ отца больше всего меди-

*) Ему принадлежатъ два разсужденія: 1) О первомъ хлѣбѣ и распространеніи наукъ вообще (М. 1814) и 2) Объ эллиптическомъ движеніи небесныхъ тѣлъ (М. 1820). См. *Геннадіи* «Словарь русс. писателей», I, 111.

циной, для чего обучался также и латинскому языку, поступилъ на медицинскій факультетъ, и по окончаніи курса служилъ штабъ-лѣкаремъ въ Петербургскомъ гвардейскомъ госпиталѣ.

Всѣ разнообразныя знанія Бугрова служили, однако, ему не для личныхъ выгодъ, а имѣли въ виду общественную пользу: такъ, къ изученію медицины его побудила крайняя безпомощность крестьянъ въ болѣзняхъ, какъ случайныхъ, такъ особенно въ хроническихъ. По отзыву крестьянъ, Бугровъ «оказывалъ благотѣльную пользу въ наружныхъ и въ некоторыхъ внутреннихъ болѣзняхъ, покупая на свой счетъ лѣкарства, а болѣе всего ласковымъ и сострадательнымъ обхожденіемъ, толико поселянскому званію нужнымъ». На это же указываетъ и самъ Бугровъ въ своихъ примѣчаніяхъ: «состраданіе къ несчастнымъ», говоритъ онъ, «открыло мнѣ путь познакомиться съ книгами о врачебной наукѣ разныхъ благотворительныхъ писателей, какъ-то—съ домашними лѣчебниками Пекена, Каменецкаго, Саполовича, Бухана, Бутковского, съ хирургіей Платнера и Буша, и я больше 30 лѣтъ пользую приходящихъ ко мнѣ больныхъ, какъ казенныхъ поселянъ, такъ и владѣльческихъ, безъ платы не только за труды, но и за лѣкарства».

Клетинскіе крестьяне высоко цѣнили заслуги Бугрова предъ обществомъ и старались, насколько могли, отплатить за нихъ. Кромѣ упомянутой выше отдачи Бугрову въ продолжительное пользованіе двухъ мельницъ, крестьяне добровольно и не разъ увеличивали Бугрову жалованье, такъ что, начавшись съ 22 рублей, оно дошло, наконецъ, въ 1819 году до 2000 рублей въ годъ. Общественный приговоръ объ этомъ тогда же представленъ былъ черезъ губернатора министру финансовъ, а послѣдній довелъ до свѣдѣнія Императора Александра I какъ о назначенномъ Бугрову за его заслуги жалованьѣ, такъ и о сборѣ съ крестьянъ клетинской волости, по 2 рубля съ души въ теченіе 14 лѣтъ, на постройку въ с. Клетинѣ церкви. Мысль о постройкѣ церкви своимъ осуществленіемъ также обязана Бугрову, и это было потому, какъ увидимъ, поставлено послѣднему въ вину.

На основаніи доклада министра финансовъ Государь повелѣлъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ выдать на постройку церкви подѣлаемый съ крестьянъ сборъ 35 тыс. рублей заимообразно, а Бугрову пожаловалъ золотую медаль на аннинской лентѣ. Такимъ образомъ, какъ жалованье Бугрову, такъ и сборъ на церковь, вслѣдствіе Высочайшаго одобренія, получили законную силу.

Но мѣстное управленіе, держась буквы закона, не признало, не смотря на Высочайшее одобреніе, законными ни жалованье, ни сборъ на церковь и отдало даже Бугрова подъ судъ за незаконные сборы. Поводъ для этого былъ такой. Въ 1821 году, по Высочайше утвержден-

нымъ положеніямъ Комитета Министровъ 1-го и 26-го іюля, попеченіе о казенныхъ крестьянахъ было возложено на обязанность казенныхъ палатъ и вице-губернаторовъ, подобно тому какъ по удѣльнымъ имѣніямъ обязанность эта была возложена на удѣльные конторы и управляющихъ ими. Вслѣдствіе этого Калужская Казенная Палата въ томъ же году сдѣлала распоряженіе, чтобы всѣ мірскіе приговоры о сборѣ денегъ предварительно представлялись на ея утвержденіе. Исполняя это предписаніе, клетинское волостное правленіе въ началѣ 1872 года представило въ Палату мірской приговоръ о сборѣ денегъ, по 3 рубля съ души, на содержаніе волостного правленія и на жалованье должностнымъ лицамъ, причемъ волостному головѣ Бугрову было назначено, кромѣ жалованья, положеннаго по штату (250 руб.), еще 2000 рублей въ видѣ пенсіона за 30-лѣтнюю службу. Палата возвратила этотъ приговоръ въ волостное правленіе съ тѣмъ, чтобы послѣднее составило новый приговоръ, гдѣ бы расходы были опредѣлены по законамъ, «безъ излишества»; но новаго приговора клетинское волостное правленіе въ этомъ году не послало, а производило выдачу жалованья, руководясь своимъ прежнимъ приговоромъ. Въ слѣдующемъ году волостное правленіе представило такой же приговоръ, какъ и въ предыдущемъ году, причемъ только назначеніе Бугрову пенсіона въ 2000 рублей мотивировалось болѣе обстоятельно. Бугровъ, сказано было въ приговорѣ, еще до занятія послѣдней, — высшей должности головы, получалъ за свои услуги 2000 руб.; поэтому стыдно было бы обществу и обидно для Бугрова, если бы уменьшено было прежнее его жалованье. Ссылалось общество и на то, что всѣ чиновники, состоящіе на государственной службѣ, при занятіи ими высшихъ должностей, получаютъ высшій окладъ жалованья и что не воспрещено никакими законами, и въ частности Высочайше утвержденнымъ 11 іюля 1822 года журналомъ Комитета Министровъ, назначать изъ мірскихъ суммъ пенсіонъ за долговременную и полезную службу. Обращаясь собственно къ личности Бугрова, крестьяне считали своею обязанностью вознаградить его еще и потому, что, при извѣстной его энергіи и разнообразныхъ способностяхъ, работая на сторонѣ, онъ могъ бы составить себѣ капиталъ, которымъ обезпечилъ бы себя при старости и увядающей силѣ; между тѣмъ, онъ всю цвѣтущую пору своей жизни употребилъ на пользу и благо общества и, приближаясь къ старости, остался матеріально необезпеченнымъ и одинокимъ, такъ какъ дѣти его были на службѣ и несли заработки въ свои семьи. На назначенное Бугрову жалованье общество смотрѣло не только какъ на награду за его личныя заслуги, но и какъ на поощреніе для другихъ способныхъ и честныхъ людей служить своему обществу.

Клетинское общество, какъ видно изъ приговора, добровольно почти удвоило жалованье и всѣмъ другимъ должностнымъ лицамъ, мотивируя это тѣмъ, что общество избираетъ всегда на должности самыхъ способныхъ и преданныхъ ему лицъ, а чтобы выбранныя лица во время службы обществу не разстроили своего состоянія и не впали бы въ покушенія вознаградить потерянное время какимъ-либо недозволеннымъ способомъ, общество предпочитаетъ увеличить имъ жалованье добровольно, разложивши его уравниательно на всѣхъ членовъ общества.

Эти мотивы не убѣдили однако Казенной Палаты: приговоръ общества и въ 1823 году не былъ ею утвержденъ; волостное правленіе получило такое же предписаніе, какъ и въ предыдущемъ году, но, въ свою очередь, не исполнило его, какъ и прежде.

То же самое повторилось и въ 1824 году. Тогда Казенная Палата, по распоряженію генераль-губернатора князя Хованскаго, командировала чиновниковъ для ревизіи дѣлъ клетинскаго волостного правленія, и хотя послѣдніе донесли, что всѣ расходы дѣлались Бугровымъ на основаніи общественныхъ приговоровъ, въ чемъ удостовѣрили чиновниковъ и допрошенные ими крестьяне, но все же Бугровъ былъ отрѣшенъ, по распоряженію Палаты, отъ должности и преданъ суду за допущеніе противозаконныхъ расходовъ. На Бугрова сдѣланъ былъ при этомъ Палатою большой начетъ: съ него положено было взыскать полученное имъ за три года жалованье сверхъ опредѣленнаго закономъ, всего 4.380 рублей, а кромѣ того ему поставленъ былъ въ вину и признанъ незаконнымъ и упомянутый выше сборъ на церковь, за что раньше Бугровъ получилъ Высочайшую награду; Палата постановила взыскать съ Бугрова также и собранныя на постройку церкви деньги, если общество признаетъ это нужнымъ; въ вину Бугрову ставилось особенно то, что сборъ на церковь не былъ записанъ въ книгахъ въ числѣ мірскихъ расходовъ, хотя, какъ оказалось, этотъ сборъ и не долженъ былъ заноситься въ счетъ мірскихъ расходовъ.

Вслѣдствіе такого рѣшенія Палаты, крестьяне составили новый приговоръ, въ которомъ повторяли всѣ прежніе мотивы относительно жалованья Бугрову. Изъ этого приговора можно видѣть добросовѣстность Бугрова, который не хотѣлъ согласиться на неоднократныя предложенія общества—не показывать производимаго ему жалованья въ книгахъ, и каждый годъ точно заносилъ въ отчеты всѣ расходы и сборы съ крестьянъ. Начетъ на Бугрова, сдѣланный Палатою, общество считало незаконнымъ и заявляло въ приговорѣ, что оно не желаетъ брать съ Бугрова денегъ, которыя оно считаетъ своею собственностью и, слѣдовательно, можетъ располагать ими, какъ хочетъ.

Приговоръ этотъ клетинское общество вручило двумъ старѣйшимъ и самымъ почтеннымъ крестьянамъ и отправило ихъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы они лично вручили его министру финансовъ и ходатайствовали передъ нимъ объ утвержденіи приговора, а въ случаѣ несогласія министра должны были просить послѣдняго довести ихъ просьбу до Государя. Выборные, однако, не добились на этотъ разъ ничего.

Между тѣмъ, мѣстный уѣздный судъ, разбиравшій дѣло Бугрова, не нашелъ въ его дѣйствіяхъ ничего противнаго законамъ, такъ какъ всѣ расходы производились на основаніи общественныхъ приговоровъ и жалованье свое онъ получалъ не вымогательствомъ, а по доброй волѣ крестьянъ, въ награду за спокойное и полезное управленіе. Поэтому Бугровъ былъ освобожденъ отъ суда и слѣдствія, а жалованье, полученное имъ отъ общества, какъ собственность крестьянъ, согласно ихъ желанію, должно было быть оставлено безъ взысканія.

Дѣло это, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ уѣзднаго суда, поступило потомъ для ревизіи въ Калужскую Уголовную Палату. Послѣдняя согласилась съ рѣшеніемъ уѣзднаго суда относительно освобожденія Бугрова отъ суда и слѣдствія; относительно же освобожденія его отъ взысканія денегъ Палата рѣшила предоставить обществу крестьянъ произвести начеть на Бугрова, если оно пожелаетъ; а кромѣ того, къ рѣшенію уѣзднаго суда Палата прибавила отъ себя, что Бугровъ впредь не можетъ выбираться ни въ какія общественныя должности.

Казенная Палата, не обращая, однако, вниманія на эти приговоры и повинуюсь настоятельному требованію генераль-губернатора, поручила Мещовскому земскому суду описать и оцѣнить имущество Бугрова, а клетинскому волостному правленію предписала немедленно учеть бывшего волостного голову Бугрова въ собранныхъ имъ на постройку церкви деньгахъ, и если окажется на немъ начеть, то взыскать съ него эти деньги, а полученное имъ «незаконно» жалованье, въ количествѣ 4.380 руб., взыскать «безъ всякаго отлагательства».

Такъ какъ ни общественные приговоры, ни мѣстные суды, ни даже посылка въ Петербургъ выборныхъ не поправили дѣла Бугрова, то онъ самъ, наконецъ, обратился въ Сенатъ съ жалобой на незаконныя рѣшенія Казенной и Уголовной Палатъ.

Сенатъ собралъ черезъ министра финансовъ справки по дѣлу Бугрова и на основаніи собранныхъ свѣдѣній пришелъ къ заключенію: 1) что всѣ сборы съ крестьянъ клетинской волости производились по общимъ мірскимъ приговорамъ; что бывшій волостной голова и старшины были ежегодно считаны, причемъ излишнихъ сборовъ ни разу не было обнаружено; 2) что касается собственно Бугрова, то приговоры

свидѣтельствуютъ, что онъ не только ни въ какихъ незаконныхъ поборахъ не изобличался и никакимъ учтамъ со стороны крестьянъ ни подвергался, а напротивъ, находясь съ 1791 по 1824 годъ непрерывно въ общественной службѣ по клетинской волости, во все время службы усердіемъ и способностями, при отличныхъ качествахъ нравственности, всегда содѣйствовалъ доставленію обществу всѣхъ возможныхъ выгодъ и пользы, чѣмъ единственно и заслужилъ полную признательность всего общества, и за то, а особенно за введенный имъ въ волости порядокъ и спокойствіе и за прекращеніе споровъ и тяжбъ между клетинскими крестьянами и ихъ сосѣдями, общество положило ему 2000 р. жалованья въ годъ.

Принимая это въ соображеніе и не видя совершенно никакихъ основаній къ обвиненію Бугрова въ сборѣ денегъ на недозволенные расходы, тѣмъ болѣе, что всѣ эти сборы дѣлались по мірскимъ приговорамъ и притомъ до обнародованія Высочайше утвержденнаго 15 ноября 1824 года положенія Комитета Министровъ, воспрещавшаго подобныя добровольные сборы по казеннымъ волостямъ, Сенатъ, согласно съ заключеніемъ министра финансовъ, положилъ: всѣ произведенные по клетинской волости расходы оставить въ силѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ крестьянина Бугрова отъ взысканія полученныхъ имъ по общественнымъ приговорамъ денегъ 4380 рублей освободить и описанное у него, по распоряженію Казенной Палаты, имущество возратить; приговоръ Уголовной Палаты о недопущеніи Бугрова къ выборамъ въ общественныя должности отмѣнить, предоставивъ послѣднему право снова занимать общественныя должности, если онъ пожелаетъ. На будущее же время подобныхъ добровольныхъ сборовъ по клетинской волости не производить, согласно упомянутому положенію Комитета Министровъ, если не будетъ на то согласія Казенной Палаты (Опредѣленіе Сената 21 января 1829 года).

Итакъ, Бугровъ былъ оправданъ и гражданскія права его восстановлены; но онъ не занималъ уже больше никакой общественной должности. Спустя 8 лѣтъ послѣ своего оправданія Бугровъ снова появляется на сцену, но уже не въ качествѣ должностного лица, а какъ авторъ лично имъ составленной и поданной въ 1837 году графу П. Д. Киселеву записки подъ заглавіемъ: «Примѣчанія на распоряженіе домостроительства своихъ собратій казенныхъ поселянъ».

Изъ письма къ гр. Киселеву, при которомъ препровождены были эти «Примѣчанія», узнаемъ, что Бугровъ все время послѣ «бурнаго переворота» въ его жизни и оправданія его Сенатомъ жилъ уединенно, вдали отъ своего села, въ пустынѣ Пескахъ, питался трудомъ рукъ своихъ; съ своими односельчанами видѣлся только въ храмѣ Божіемъ и

изрѣдка, по ихъ зову, являлся на мірскія сходки для полезнаго совѣта имъ. При этихъ-то совѣтахъ, пишетъ Бугровъ, «усматривалъ я недостатки въ хозяйственномъ распоряженіи крестьянъ и душевно скорбѣлъ объ ихъ неблагоразуміи и существенной потерѣ времени, протекающемъ въ суетной праздности, а иногда въ трудахъ бесполезныхъ, лишающихъ ихъ драгоцѣннаго блага, отъ матери-земли и воды имъ врученнаго во владѣніе, остающихся въ той дикости и грубости, какъ произвела оныя природа».

Слухи о готовившихся преобразованіяхъ въ управленіи и устройствѣ быта казенныхъ крестьянъ и о назначеніи руководителемъ этого дѣла выдающагося по своимъ заслугамъ и способностямъ лица, П. Д. Киселева, дошли и до Бугрова и дали ему смѣлость представить свои замѣчанія, добытыя долгимъ опытомъ на службѣ обществу крестьянъ, «съ чаяніемъ таковымъ», прибавляетъ Бугровъ, «не принесутъ ли оныя пользы моимъ собратіямъ и ихъ усовершенствуютъ».

Въ своихъ «примѣчаніяхъ», которыя, нужно сказать, съ внѣшней стороны не отличаются систематичностью, Бугровъ указываетъ на выдающіеся пороки и недостатки, а частью и потребности современнаго ему крестьянскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ средства, которыми, по его мнѣнію, можно устранить первые и удовлетворить послѣднія.

Отличительная черта «примѣчаній» Бугрова — это крайне недовѣрчивое отношеніе къ самодѣятельности крестьянскаго общества: онъ не вѣритъ, чтобы послѣднее само могло исправить свои недостатки и устроить свою жизнь хотя бы такъ, какъ это предлагаетъ онъ; поэтому всѣ предлагаемыя мѣры къ улучшенію быта крестьянъ должны, по мнѣнію Бугрова, исходить отъ «прозорливаго» правительства, причемъ большую надежду возлагалъ онъ на учреждавшееся въ то время новое управленіе государственными крестьянами; однако правительство, по мнѣнію Бугрова, должно было вводить всѣ усовершенствованія черезъ лучшихъ, т. е. самыхъ умныхъ, честныхъ и преданныхъ обществу лицъ изъ самихъ же крестьянъ.

Темныя стороны крестьянскаго быта, на которыя указываетъ Бугровъ въ своихъ примѣчаніяхъ, были слѣдующія: плохое управленіе (злоупотребленія въ судѣ, безпорядки въ податяхъ и рекрутскихъ очередяхъ, вѣнство и лицепріятіе начальствующихъ лицъ), невѣжество, пьянство, нищенство, заразительныя болѣзни и отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительной врачебной помощи.

Безпорядки въ управленіи крестьянами болѣе всего занимали Бугрова и вызывали съ его стороны рѣзкія нападки. Съ указанія на нихъ онъ начинаетъ свои «примѣчанія» и потомъ нѣсколько разъ возвращается

къ нимъ; это объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ въ теченіе 35 лѣтъ близко стоялъ къ дѣлу крестьянскаго управленія и хорошо зналъ темныя его стороны.

Казенные крестьяне, говоритъ Бугровъ, до того времени пребывали во мракѣ разнородныхъ правленій и начальствъ, будучи лишены отеческаго надзора и преданы въ распоряженіе иногда такихъ начальствъ и властей, которыя думали больше объ упроченіи на счетъ крестьянъ собственнаго благосостоянія и нерѣдко давали такія наставленія на бумагѣ, которыхъ сельскіе начальники не понимали; сами же сельскіе начальники не имѣли никакого образованія «въ наукахъ вотчинной сельской экономіи», равно какъ не знали правилъ нравственности, предписываемыхъ законами—божественнымъ и гражданскимъ; происходило это оттого, что обыкновенно съ младенческаго возраста и до вступленія въ должности жили они въ совершенной грубости и невѣжествѣ.

Что касается до выбора волостныхъ головъ, то онъ совершался обыкновенно по желанію не всего общества, а только нѣсколькихъ лицъ, которымъ избранный поэтому и долженъ былъ потворствовать въ ущербъ другимъ членамъ общества,—поить ихъ на мірской счетъ виномъ и кормить баранами, курами и яйцами, собираемыми съ крестьянъ. Такія попойки происходили почти ежедневно; начальство, поддерживаемое своими доброхотами, небрежно относилось къ своему дѣлу, допускало разныя злоупотребленія, особенно въ сборѣ податей и въ рекрутскихъ очередяхъ. Для примѣра Бугровъ указываетъ на ту же клетинскую волость, гдѣ послѣ его отставки, съ 1825 по 1837-й годъ, накопилось около 50 тысячъ рублей недоимки, такъ какъ вступившій на его мѣсто голова, ограбивъ общество, бѣжалъ, слѣдующіе за нимъ четверо приговорены были къ тѣлесному наказанію, а крестьянамъ пришлось уплачивать недоимку подѣйствіемъ военной экзекуціи.

Устранить подобнаго рода безпорядки и злоупотребленія, по мнѣнію Бугрова, въ скоромъ времени нельзя, потому что «злыя и застарѣлыя привычки, какъ болѣзни, не скоро исцѣляются»; исцѣленіе можетъ быть достигнуто только «черезъ воспитаніе и образованіе нравовъ», а этого послѣдняго можно достигнуть заведеніемъ *волостныхъ училищъ* для образованія въ нихъ лицъ, которыя впослѣдствіи могли бы занять должности головъ, писарей, старшинъ и другихъ сельскихъ начальниковъ.

Волостныя училища должны были, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить для пользы всего народа и удовлетворять какъ цѣлямъ образованія, такъ и воспитанія. Программа этихъ училищъ въ проектѣ Бугрова гораздо обширнѣе предложенныхъ въ то время какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ программъ для сельскихъ школъ. Первоначальное обученіе — чтенію и письму—Бугровъ считаетъ обязательнымъ для всѣхъ крестьянскихъ

дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ; притомъ обученіе должно начинаться какъ можно раньше, такъ какъ крестьянскія дѣти въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ обыкновенно пасутъ скотъ вдали отъ надзора старшихъ и тамъ — на пастбищахъ — чаще всего приобрѣтаютъ дурныя привычки и пороки; вмѣсто этого занятія дѣти должны лучше посѣщать школу, а пасеніе скота должно быть возложено на взрослыхъ лицъ, такъ какъ вообще эта работа, по мнѣнію Бугрова, вредно вліяетъ на нравственность дѣтей.

Кромѣ обученія чтенію и письму, въ волостныхъ училищахъ должны были даваться свѣдѣнія изъ ариѳметики, геометріи и сельской механики; послѣднюю науку Бугровъ понималъ въ широкомъ смыслѣ: онъ хотѣлъ, чтобы выходящіе изъ школъ ученики умѣли дѣлать своими руками всѣхъ родовъ земледѣльческія орудія, машины, домовыя строенія; кромѣ того, чтобы знали они качества почвы, умѣли еѣ приготовить къ посѣву хлѣба по правиламъ опытныхъ сельскихъ хозяевъ и согласно климату, времени года и мѣсту ихъ жительства; чтобы умѣли они различать породы скота, птицъ, хлѣбныхъ сѣмянъ и луговыхъ травъ. Кромѣ знаній, учащимся въ школѣ должна быть внушаема самая высокая и чистая нравственность, должно быть дано знаніе церковныхъ и гражданскихъ законовъ, чтобы самый духъ учащагося юношества былъ направленъ на пользу отечества и себѣ подобныхъ и удаленъ отъ своекорыстія, насилія и жестокости.

Изъ окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ самыхъ лучшихъ по добротѣ души и по познаніямъ сельскаго домоводства слѣдовало бы опредѣлять, по распоряженію правительства, въ должности головъ, писарей и другихъ сельскихъ начальниковъ на безсрочное время, а пока такія лица будутъ приготовлены въ училищахъ, нужно отыскивать изъ среды общества на должности начальниковъ лицъ если и не съ такими познаніями, какія даны будутъ въ школѣ, то съ хорошими качествами души и сердца; такіе люди, прибавляетъ Бугровъ, хотя и рѣдки, но еще существуютъ.

Для того, чтобы узнать такихъ людей, слѣдуетъ, по мнѣнію Бугрова, въ каждомъ селеніи открыть качества людей и раздѣлить ихъ по этимъ качествамъ на разряды: 1) по разуму; 2) по прилежности къ домостроительству и 3) по поведенію.

По поведенію опять слѣдуетъ раздѣлить: 1) на людей трезвыхъ, 2) цѣломудренныхъ, 3) незлобивыхъ и 4) слабыхъ и порочныхъ. Люди первыхъ трехъ категорій по поведенію должны считаться въ обществѣ первостатейными; изъ нихъ должно выбираться сельское и волостное начальство и должны составляться общественныя собранія для рѣшенія разныхъ дѣлъ; имъ же принадлежитъ надзоръ за остальными посе-

лянами, которые должны быть у нихъ въ послушаніи. Если же кто изъ первостатейныхъ сдѣлаетъ несправедливость или будетъ покровительствовать злему, то такого наказывать лишеніемъ чести, добраго имени и удалять его изъ числа первостатейныхъ въ число порочныхъ. Какъ первостатейные люди могутъ попадать въ разрядъ порочныхъ, такъ, въ свою очередь, и порочные люди, если они окажутся, послѣ долговременнаго испытанія, «въ добромъ поведеніи» и если очистятъ свою совѣсть добрыми дѣлами, могутъ переходить въ высшій разрядъ, именно сперва въ число добросовѣстныхъ второй степени и т. д.

Вообще поощреніе и наказаніе, основанныя на чувствѣ чести у людей, Бугровъ считаетъ самыми главными средствами для усовершенствованія нравовъ крестьянъ; онъ ссылается при этомъ на генеральный регламентъ Петра Великаго, въ толкованіи на 53-ю главу котораго говорится: «никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ къ добру, какъ любленіе чести, равнымъ образомъ никакая такъ казнь не страшитъ, какъ лишеніе оной».

Людей порочныхъ, какъ то: воровъ, пьяницъ, блудниковъ, лѣнниковъ, драчуновъ, Бугровъ рекомендуетъ, однако, отдавать въ рекруты не въ зачетъ.

Опека надъ крестьянами не ограничивается у Бугрова одними правами,—она простирается и на занятія крестьянъ, и даже на ихъ семейную жизнь.

По занятіямъ крестьяне также должны быть раздѣлены на классы, именно: 1) торговыхъ людей, 2) ремесленниковъ и 3) земледѣльцевъ. Такое раздѣленіе на классы по занятіямъ вызывается у Бугрова, на сколько можно догадаться изъ несовсѣмъ ясныхъ его выраженій,—желаніемъ прикрѣпить крестьянъ, занимающихся разнаго рода дѣятельностью, къ роднымъ селеніямъ; такъ, напримѣръ, желающіе заниматься торговлей могли бы скупать у крестьянъ-земледѣльцевъ ихъ хлѣбные продукты, а послѣдніе, въ свою очередь, могли бы покупать у первыхъ нужные имъ товары; этимъ устранилось бы то важное неудобство и даже зло, на взглядъ Бугрова, что крестьяне изъ-за 10 фунтовъ соли ѣдутъ за 15 верстъ въ городъ, а тамъ встрѣчаются съ пріятелями и первымъ дѣломъ посѣщаютъ кабакъ, харчевню и пивную лавочку, гдѣ, по неимѣнію денегъ, платятъ за вино хлѣбомъ; а такъ какъ поводовъ къ поѣздкамъ въ городъ бываетъ много, то многіе крестьяне совсѣмъ пропиваются, распродаютъ свой хлѣбъ къ половинѣ года, а въ другую половину года сами должны его покупать; для того же, чтобы имѣть на это деньги, раздають своихъ дѣтей, племянниковъ и внуковъ въ наемъ за полцѣны. Правительство, съ своей стороны, должно оказывать покровительство и поддержку каждому классу; такъ, оно должно заботиться

о томъ, чтобы земледѣльцы имѣли достаточное число десятинъ земли на душу; чтобы ремесленники имѣли разныя приспособленія для занятій своими работами, не отрываясь отъ домовъ, при своемъ или общественномъ хозяйствѣ, и т. д.

Для поддержанія бѣдныхъ торговыхъ людей долженъ быть составленъ общественный капиталъ изъ доходовъ съ торговыхъ площадей, лавокъ, трактировъ, постоянныхъ дворовъ, мельницъ и другихъ оброчныхъ статей.

Попечительныя мѣры правительства должны простираться, по мысли Бугрова, какъ мы сказали, даже и на семейную жизнь крестьянъ.

Большимъ зломъ для благосостоянія крестьянъ Бугровъ считаетъ семейные раздѣлы, какъ слѣдствіе раздоровъ, бывающихъ главнымъ образомъ въ семействахъ, остающихся безъ отцовъ. Раздробленіе семейства ведетъ, по мнѣнію Бугрова, къ разстройству хозяйства и къ нищенству, а уходъ мужа изъ дому на заработки ведетъ какъ его, такъ и его жену къ распутной жизни, слѣдствіемъ которой являются заразительныя болѣзни.

Для искорененія этого зла Бугровъ предлагаетъ назначить въ каждомъ осиротѣломъ семействѣ *домоправителя* (конечно, изъ оставшихся послѣ смерти отца сыновей, племянниковъ и внуковъ), — человѣка трудолюбиваго и трезваго; обязанность его должна состоять въ равномерномъ распредѣленіи между всѣми членами семьи работы и отдыха, пищи и одежды, въ заботѣ о согласіи и любви между членами семьи, въ искорененіи привычки произносить грубыя и бранныя слова, въ поддержаніи мира и согласія съ сосѣдями и т. п. Домоправитель имѣетъ право тѣхъ изъ членовъ семьи, которые «возгордятся», наказывать: молодыхъ — отдачей въ рекруты за семью, а старыхъ — посылкой на общественныя работы.

Необходимость полной опеки надъ крестьянами была убѣжденіемъ Бугрова, которое, впрочемъ, сходилось съ господствовавшими вообще въ то время взглядами на этотъ предметъ. Бугровъ признаетъ необходимымъ: «ежемѣсячно повѣрять всѣхъ поселянъ *хозяйство* и *поведеніе*; лѣнливыхъ поощрять къ трудамъ, рачительныхъ отличать похвалою предъ собраніемъ и тѣмъ направлять умы къ полезной дѣятельности и трудолюбію». Роль цензоровъ при этомъ должна была принадлежать, главнымъ образомъ, волостному и сельскому начальству; но, вѣроятно, имѣлись въ виду также и правительственные чиновники.

Всѣ указанныя нестроенія въ крестьянскомъ управленіи и бытѣ, а также невѣжество крестьянъ служатъ, по мнѣнію Бугрова, причинами и другихъ общественныхъ пороковъ, каковы: пьянство, нищенство и заразительныя болѣзни.

Пьянство Бугровъ считаетъ самымъ распространеннымъ и серьезнымъ порокомъ современнаго ему крестьянскаго общества; отъ этого порока происходятъ, говоритъ онъ, и другіе: ссоры, драки, семейные раздѣлы, упадокъ отдѣльныхъ хозяйствъ, а за ними и вообще упадокъ народнаго богатства, униженіе человѣческой личности ниже скотовъ и многія другія злыя дѣла и злыя помыслы.

Располагающими къ пьянству обстоятельствами служатъ, по мнѣнію Бугрова, прежде всего повсемѣстно открытые въ казенныхъ селеніяхъ питьевые дома и харчевни—эти «сходбища разврата правовъ», а затѣмъ—мірскія попойки или такъ называемые «литки» и «могарычи». Опасность послѣднихъ заключается особенно въ томъ, что они являются обыкновенно только началомъ или поводомъ къ попойкѣ, такъ какъ крестьяне, разгоряченные виномъ, придумываютъ новые поводы и средства къ попойкѣ и часто кончаютъ тѣмъ, что пропиваютъ за ничтожную цѣну общественные луга, лѣса, мельницы и пашни, которые переходятъ обыкновенно въ руки «пронырливыхъ корыстолюбцевъ» или просто деревенскихъ кулаковъ, пользующихся удобной мнунтой для наживы.

Для искорененія пьянства Бугровъ предлагаетъ довольно рѣшительныя, но неудобноисполнимыя средства: уничтожить обычай могарычей или литокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ «кстати» уничтожить «праздничныя и свадебныя игры и забавы», какъ ведущія, будто бы, главнымъ образомъ къ пьянству и разврату. Вмѣсто этихъ игръ Бугровъ, подчиняясь духу времени, желаетъ, чтобы молодые люди занимались построеніемъ въ линіи и хожденіемъ регулярно нога въ ногу, на подобіе военныхъ поселенъ, или вели бы разговоры о томъ, какъ лучше устроить дома, разныя домашнія орудія и машины, о ремеслахъ и скотоводствѣ. Если кто при этомъ отличится «въ изобрѣтеніи мысли», того записывать «въ общій памятникъ—книгу добрыхъ дѣяній».

Не менѣе, чѣмъ противъ пьянства, Бугровъ возстаетъ противъ другого порока или ненормальности въ крестьянскомъ обществѣ—нищенства. Порокомъ считаетъ Бугровъ нищенство въ томъ случаѣ, если имъ занимаются люди здоровые, могущіе прожить работою, но предпочитающіе праздный образъ жизни на счетъ своихъ ближнихъ; но и всѣ другіе случаи нищенства онъ признаетъ вредными, какъ развивающіе праздность и другіе пороки. Поэтому мѣры, предлагаемыя Бугровымъ, имѣютъ цѣлю совершенное искорененіе нищенства черезъ замѣну его болѣе правильной организаціей общественной благотворительности; начинъ въ дѣлѣ этой благотворительности, какъ и во всѣхъ другихъ преобразованіяхъ крестьянскаго общества, долженъ, конечно, исходить отъ «благотворительнаго правительства». Послѣднее должно разобрать нищихъ обоюго пола по степени годности ихъ къ работѣ такимъ обра-

зомъ: *здоровыхъ*, могущихъ работать, опредѣлять на общественныя работы, именно—равнять дороги, чистить луга, заваливать рытвины, осушать болота, высѣкать бесполезные кустарники, насаждать полезные деревья и пасти скотъ; нищихъ—*хромыхъ* и *сухорукихъ* назначать въ сторожа за хлѣбами, садами, лѣсами и лугами, а въ зимнее время обучать ихъ вязанью неводовъ, сѣтей, плетенью лаптей, вѣтью веревокъ, чисткѣ пеньки и льна; нищихъ *слѣпыхъ* заставлятъ вертѣть точила, прядильные и токарные станки; только *совсѣмъ неспособныхъ къ работамъ* и *недвижимыхъ* помѣщать въ больницы и снабжать пищею, одеждою и человѣколюбивымъ присмотромъ; наконецъ — *малолѣтнихъ нищихъ сиротъ* слѣдуетъ отдавать родственникамъ, назначая послѣднихъ опекунами такихъ дѣтей и затѣмъ заботиться о томъ, чтобы дать этимъ дѣтямъ воспитаніе и образованіе сообразно ихъ полу и возрасту, а для этого отдавать ихъ въ училища и до совершеннолѣтія давать имъ содержаніе, т. е. пищу, и одежду, на счетъ общественной казны.

Такая сложная организація общественной благотворительности, конечно, едва ли могла осуществиться хотя бы въ немногихъ крестьянскихъ обществахъ, такъ какъ она требуетъ широкаго развитія общественнаго хозяйства и, вопреки мнѣнію Бугрова, не менѣе широкаго развитія общественной самодѣтельности у крестьянъ, или же, по крайней мѣрѣ, присутствія въ каждомъ обществѣ значительнаго числа лицъ, воспитанныхъ и образованныхъ по идеалу Бугрова. Нѣсколько сходную съ предлагаемой Бугровымъ организацію мы находимъ въ старообрядческомъ выговскомъ общежитествѣ въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго столѣтія: тамъ всѣ здоровые люди были распределены по разнымъ статьямъ обширнаго скитскаго хозяйства, а люди престарѣлые, больные, припадочные, калѣки и т. п. жили въ скитскихъ богадѣльняхъ на общественный счетъ, пользуясь даровымъ содержаніемъ и уходомъ; но тамъ именно существовали два указанныхъ выше условія—обширное общественное хозяйство и широкая общественная самодѣтельность.

Объ общественномъ хозяйствѣ мечталъ и Бугровъ, считая его средствомъ для достиженія «общаго поселянъ благополучія». Общественное хозяйство не должно, однако, развиваться въ ущербъ частнымъ хозяйствамъ; напротивъ, по мнѣнію Бугрова, сперва нужно принять общія мѣры для улучшенія крестьянскаго хозяйства вообще, именно — сберегать лѣса, упрочить луга, удобрить пашни, ввести домовое рукодѣліе (т. е. ремесла), надѣлать каждого крестьянина достаточнымъ количествомъ пашни и луга и потомъ уже заботиться объ общественномъ хозяйствѣ. Для послѣдняго должны быть выдѣлены всѣ земли, удаленныя отъ селеній и остающіяся послѣ надѣленія крестьянъ достаточнымъ

количествомъ пашни и луга; эти земли обратить въ общественныя запашки, устроить на нихъ хутора, гдѣ завести лучшія породы коровъ и лошадей, овецъ, козъ, домашнихъ птицъ и пр.; ввести также травосѣяніе, усовершенствованныя заграничныя земледѣльческія орудія (образцы которыхъ, прибавляетъ Бугровъ, есть въ Казенныхъ Палатахъ, но которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни въ одномъ казенномъ селеніи).

Цѣль такихъ общественныхъ хуторовъ можетъ быть двоякая: съ одной стороны они должны были бы снабжать, на извѣстныхъ условіяхъ, всѣхъ крестьянъ своей волости улучшенными породами скота и птицъ, земледѣльческими орудіями и другими усовершенствованіями въ хозяйствѣ; съ другой стороны, въ несчастныхъ случаяхъ — пожара, смерти хозяевъ, падежа скота и неурожая хлѣба, постигающихъ отдѣльныхъ хозяевъ, хутора должны были бы снабжать послѣднихъ всѣми необходимыми предметами хозяйства, или же деньгами изъ общественнаго капитала, который также долженъ состояться на счетъ доходовъ съ общественныхъ хуторовъ.

Завѣдываніе этими хуторами должно было бы быть поручено выбраннымъ изъ среды крестьянъ лицамъ съ природными дарованіями, честнымъ, прекрасно знающимъ хозяйство, «не теоретически, а практически», которые притомъ были бы «чужды предразсудковъ къ нововведеніямъ».

Наконецъ, Бугровъ обращаетъ вниманіе и на охраненіе народнаго здравія.

Безпомощность крестьянъ во время болѣзней и распространеніе среди нихъ заразительныхъ болѣзней особенно вызываетъ состраданіе Бугрова и не на словахъ, а на дѣлѣ: мы уже знаемъ изъ предыдущаго, что Бугровъ больше 30 лѣтъ занимался изученіемъ медицинскихъ книгъ и безплатнымъ лѣченіемъ по нимъ крестьянъ, какъ своей деревни, такъ и сосѣднихъ помѣщичьихъ селеній. Имѣя предъ собой собственный примѣръ, Бугровъ предлагаетъ для лѣченія крестьянъ приготовить *практическихъ врачей* изъ самихъ же крестьянъ, по *два на сто* душъ. При этомъ онъ разсчитываетъ, что сельскіе врачи изъ крестьянъ, вращаясь всегда въ кругу всѣхъ поселянскихъ работъ, могутъ съ одной стороны всегда во время оказать помощь заболѣвающимъ, а съ другой — могутъ лучше другихъ узнать, кто какими болѣзнями страдаетъ и въ случаяхъ заразной болѣзни содѣйствовать отдѣленію здоровыхъ отъ больныхъ или удаленію послѣднихъ изъ общества въ больницы. Больницы же должны быть при каждомъ селеніи, и въ нихъ-то должны обучаться практическіе врачи изъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, «примѣчанія» Бугрова касаются, хотя и коротко, почти всѣхъ главныхъ сторонъ жизни и насущныхъ интересовъ крестьянъ.

скаго общества: управленія, суда, хозяйства, семейной жизни, господствовавшихъ пороковъ, общественной благотворительности, образованія, воспитанія и народнаго здравія.

Всѣ совѣты Бугрова проникнуты здравымъ умомъ, большею частью основаны на долговременномъ опытѣ; вызваны оии несомнѣнно честнымъ и вмѣстѣ сильнымъ стремленіемъ уменьшить существовавшее зло и улучшить бытъ своихъ «собратій» поднятіемъ уровня ихъ умственной, нравственной и матеріальной жизни. Послѣдняя же цѣль Бугрова заключается въ достиженіи «общаго поселянъ благосостоянія».

Главный недостатокъ «примѣчаній», какъ уже было сказано, это — слишкомъ большое недовѣріе къ общественной самодѣятельности, слишкомъ мелочная регламентация всей крестьянской жизни и, наконецъ, неудобое исполнимость нѣкоторыхъ предположеній. Мы не имѣемъ прямыхъ указаній, были ли «примѣчанія» Бугрова приняты къ свѣдѣнію при составленіи проекта новаго управленія казенными крестьянами; но если сравнить эти примѣчанія съ тѣми попечительными мѣрами по отношенію къ крестьянамъ, которыя составляли главную задачу новаго управленія, то мы увидимъ, что всѣ существенные вопросы, затронутые въ примѣчаніяхъ Бугрова, были болѣе или менѣе разработаны при составленіи проекта новаго управленія: управленіе крестьянами было преобразовано, и казенные крестьяне должны были сдѣлаться предметомъ особенныхъ попеченій со стороны новаго ихъ начальства; для поднятія образованія крестьянъ должны были открыться волостныя и сельскія школы, хотя программа ихъ была несравненно уже программы, предложенной Бугровымъ; въ казенныхъ селеніяхъ должны были также устраиваться больницы, но только безъ практическихъ врачей, предлагаемыхъ Бугровымъ; новое управленіе принимало также мѣры противъ пьянства, нищенства; устраивало общественныя запашки, заводило образцовые хутора, учреждало продовольственныя и другіе капиталы для крестьянъ, о чемъ говорится въ примѣчаніяхъ Бугрова; но все же, помимо всего этого, въ примѣчаніяхъ Бугрова остается еще много оригинальнаго, чего не встрѣчалось въ практикѣ новаго управленія. Такимъ образомъ, записка Бугрова является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ проектовъ, имѣвшихъ въ виду при устройствѣ новаго управленія государственными крестьянами.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь

Павелъ Дмитріевичъ.

Дѣятельность и дальновидность Вашего Высокопревосходительства въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ открыли Великому Монарху Ваши дарованія и возвели на степень строителя счастья и усовершенствованія нравовъ, упроченія благосостоянія и самаго домоводства казенныхъ поселянъ, бывшихъ до сего времени во мракѣ разнородныхъ правленій и начальствъ, лишенные отеческаго надзора и преданные въ распоряженіе иногда такихъ начальствъ и властей, которые думали больше объ упроченіи отъ нихъ собственнаго благосостоянія; давали наставленія на бумагѣ, которыхъ сельскіе начальники не понимали, по неимѣнію образованія въ наукахъ вотчинной сельской экономіи; бывъ безъ познанія правственности, предписанной законами божественнымъ и гражданскимъ, людьми отъ младенчества до вступленія въ должности жившими въ кругу своихъ собратій въ совершенной грубости и невѣжествѣ. Если же и казались изъ нихъ нѣкоторые развязными и поощренными гражданскими оборотами, то сіи служили къ большому бѣдствію имъ подчиненныхъ. Среди сихъ-то людей съ 16-лѣтняго возраста продолжалъ я службу волостного писаря 31 годъ безпорочно и непрерывно; потомъ избранъ волостнымъ головою, послужилъ 3 года и 4 мѣсяца и за все то время отъ общества аттестованъ, но по зависти сильныхъ властителей, противъ воли избравшихъ меня, отрѣшенъ отъ должности и сужденъ, не за беззаконныя дѣла, а за богоугодное строеніе храма; но слава Богу и великому Государю Императору Николаю Павловичу и Его Правительствующему Сенату, Первому Департаменту, который, внемля гласу поселянъ, страдавшихъ мнѣ въ гоненіи, по разсмотрѣніи внесеннаго ему обо мнѣ дѣла, во всемъ меня оправдалъ и удостоилъ заслуженной въ теченіе 35-лѣтняго времени чести. А я послѣ сего бурнаго переворота живу въ пустынѣ, питаюсь трудомъ рукъ моихъ, только выдаюсь съ моими собратіями казенными поселянами въ храмъ Божіемъ, и изрѣдка, по ихъ зову, на мірскомъ собраніи, для полезнаго имъ

совѣта. При сихъ то совѣтахъ усматривалъ я недостатки въ хозяйственномъ распоряженіи и душевно скорбѣлъ объ ихъ неблагоразуміи и существенной потерѣ времени, протекающемъ въ суетной праздности, а иногда въ трудахъ бесполезныхъ, лишаящихъ ихъ драгоценнаго блага, отъ матери земли и воды имъ врученнаго во владѣніе, остающихся въ той дикости и грубости, какъ произвела оныя природа. Слышавши отъ знакомыхъ мнѣ благородныхъ и благоразумныхъ особъ о порученной власти Вашему Высокопревосходительству въ управленіи и усовершенствованіи участи казенныхъ поселянъ, принялъ смѣлость дознанныя опытомъ и слабою рукою начертанныя по части казенныхъ поселянъ замѣчанія на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства съ чистымъ душевнымъ благоговѣніемъ поднести, съ чаяніемъ таковымъ, не принесутъ ли оныя пользы моимъ собратіямъ и ихъ усовершенствуютъ.

Вашего Высокопревосходительства,

Милостивый Государь,

Сіе приносить Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, казенный поселянинъ села Клетина *Адріанъ Андреевъ сынъ Бугровъ*.

26-го августа
1837 года.

Примѣчанія казеннаго крестьянина Адріана Бугрова на распоряженіе домостроительства своихъ собратій казенныхъ поселянъ.

1) Волостные головы избираются обществами не на томъ разумѣ, какъ въ законѣ предписано, но по страсти нѣсколькихъ лицъ къ властолюбію избираемаго и по надеждѣ потворства отъ него избирающихъ въ ихъ желаніяхъ, а потому избранный есть невольникъ своей и избравшихъ его страсти, по сей причинѣ не можетъ изрекать суда правды.

2) По мнѣнію моему, надлежитъ устроить для образованія въ должности головъ, писарей, старшинъ и другихъ именованій сельскихъ начальниковъ, да и для всего народа—*волостное училище*, въ которомъ они подъ строгимъ надзоромъ смотрителя, добродѣтельнаго и ученаго, должны быть учимы русской грамотѣ, ариметикѣ, геометріи и сельской механикѣ,—не буквально, а на самомъ дѣлѣ разумѣнія, чтобъ умѣли дѣлать своими руками всѣхъ родовъ земледѣльческія орудія, машины, домовыя строенія; познаніе доброты припасовъ селянину нужно.

Притомъ была бы внушена имъ самая высокая, чистая нравственность, познаніе церковнаго и гражданскаго закона и самый духъ ихъ направленъ къ истинной ревности и пользѣ отечества и себѣ подобныхъ, удаленный отъ своекорыстія, насильства и жестокости.

Чтобъ знали они качество почвы земли, умѣли оную приуготовлять къ посѣву хлѣба, по правиламъ опытныхъ земледѣльцевъ, доводить къ плодородію согласно климату, времени и мѣсту ихъ жительства. Знать породу скота, птицъ и самыхъ сѣмянъ хлѣба и луговыхъ травъ.

Лучшіе и полезнѣйшіе изъ числа сихъ самыхъ воспитанниковъ, отличнѣйшихъ въ добротѣ души и способностяхъ знанія необходимаго сельскаго домоводства, опредѣлять отъ распоряженія правительства и на безсрочное время въ должности головъ, писарей и другихъ начальниковъ; а доколѣ въ училищахъ обучатся,—открыть изъ среды общества, хотя не съ такими познаніями, но съ качествами души и сердца, высшей добродѣтели.

Хотя таковые люди и рѣдки, но еще существуютъ, и ихъ-то по испытаніи опредѣлить въ должности и снабдить гражданскими законами, какъ и другія судебныя мѣста.

3) Между поселянами, въ семействахъ, остающихся безъ отцовъ, бываютъ распри отъ лѣности, неповиновенія умнѣйшему, а всего больше—отъ пьянства. Отъ сего порока возникаютъ худыя примѣры, а отъ примѣровъ—ссоры, драки и самовольные раздѣлы, пагубные источнику богатства и силы народной, унижающіе челоѣчество ниже самыхъ скотовъ, открывающіе пути на всѣ злыя по-

мысли и дѣла, производимыя безъ страха наказанія. Къ этому способствуютъ повсемѣстно устроенные въ казенныхъ селеніяхъ питейные дома, харчевни, сходбища разврата нравовъ, какъ бы на соблазнъ малодушныхъ. Отъ сего раздробленные семейства ведутъ жизнь нищенскую, безобразіе въ строеніи домовъ, одежды и пищи; часто не имѣютъ посѣва хлѣба и самаго рабочаго скота; жена, оставаясь дома безъ мужа, одна, а мужъ,—отлучаясь на работу, ведутъ жизнь распутную и остаются въ неоплатѣ податей, часто бываютъ заражены болѣзнію любострастною, коею надѣляютъ своихъ союзниковъ и дѣтей, бывъ покрыты отвратительными ранами и долговременными болѣзнями, служатъ въ тягость человѣчеству.

4) Къ искорененію такового зла надлежитъ: 1) устроить въ каждомъ семействѣ домоправителя, трудолюбиваго и трезваго, съ обязанностью поступать съ домашними его добродѣтельно и въ точномъ равенствѣ трудовъ, пищи, одежды и покоя, нисколько не отягощая излишне одного семьянина предъ другимъ; 2) домоправитель обязанъ обучать своихъ семейныхъ между собою жить въ мирѣ, любви и согласіи, никогда грубыхъ, бранныхъ словъ не произносить ни ему къ нимъ, ниже слышать отъ нихъ; 3) буде возгордится кто изъ семейныхъ, молодой и годный въ рекруты, такового готовить и отдать въ службу военную за свое семейство, или за другого по желанію, а буде престарѣлый, или неспособный къ службѣ, такового отсылать въ общественную работу, доколѣ духъ гордости успокоится; 4) въ сосѣдствѣ съ другими жить мирно и такъ точно, какъ съ своими семейными; въ случаѣ обиды, смиренно приносить сельскому начальству съ избранными добродѣтельными стариками жалобу, которые обязаны безпристрастно удовлетворить обиженнаго, а обидчика наказать штрафомъ денежнымъ въ пользу общественной казны или работою. Ежемѣсячно повѣрять всѣхъ поселянъ хозяйство и поведеніе, лѣнливыхъ поощрять къ трудамъ, рачительныхъ отличать похвалою предъ собраніемъ и тѣмъ направлять умы къ полезной дѣятельности и трудолюбію.

5) Вошедшія въ обыкновеніе мірскія попойки вина, или такъ называемые могоарычи—литки, имѣютъ свое начало на страсти къ пьянству, а подвыпивши—къ буянству, ругательству и дракѣ. Когда

сила вина разгорячить умъ, тогда выдумывается новый способъ къ попойкѣ, часто отяготительной бѣднымъ и безгласнымъ поселянамъ. По дѣйствию одного или двухъ человѣкъ пропиваются общественные луга, лѣса, мельницы и пашни за ничтожную цѣну, могущіе приносить обществу значительный денежный доходъ. Между тѣмъ пронирливые корыстолюбцы на счетъ слабыхъ обогащаются.

6) По мнѣнію моему, таковыя попойки, — могоарычи-литки, надлежитъ вовсе истребить въ казенныхъ селеніяхъ, какъ равно уничтожить праздничныя, свадебныя, основанныя на пьянствѣ и блудѣ игры, забавы, служащія юношеству неисцѣльною язвою — къ будущей развратной жизни. Лучшее упражненіе, къ забавѣ молодыхъ людей служащее, — въ праздничные дни быть въ храмѣ при Божьей службѣ, а послѣ отдыха — вмѣсто кулачнаго боя, собираться въ линіи, ходить регулярно нога въ ногу, на манеръ военныхъ служителей, пріучаться въ сихъ оборотахъ къ повиновенію умнѣйшимъ и старѣйшимъ; вести разговоры, какъ лучше устроить дома, домашнія рабочія орудія, машины, рукодѣліе и скотоводство. Отличившихся въ изобрѣтеніи мысли записывать въ общій памятникъ — книги добрыхъ дѣяній. Чрезъ сіе могутъ укрѣпляться силы ума и тѣла и самая жизнь поселянина будетъ удаляться отъ дикой грубости и направляться къ истинному счастью и спокойствію народному.

7) Надлежитъ вообще всѣхъ казенныхъ поселянъ, мужескій и женскій полъ, обучать грамотѣ — читать и писать, по той причинѣ, что лѣта отъ пяти до десяти протекаютъ сего возраста дѣтей больше въ праздности и бесполезныхъ играхъ, поощряющихъ злонавію и вреднымъ здоровью ихъ забавамъ въ пастбищѣ скота, гдѣ дѣти, удаляясь отъ надзора старшихъ, предаются всѣмъ постыднымъ человѣчеству навыкамъ блуда, драки, ругательства, безчинія и лѣности; а потому для пастбы скота, cadaго рода порознь, отъ всего селенія опредѣлять людей совершеннолѣтнихъ, чѣмъ сей возрастъ будетъ совершенствоваться нечувствительно къ добру.

8) Порокъ нищенства, противный природѣ человѣка и самому закону божественному и гражданскому, балуетъ людей здоровыхъ, но празднoлюбивыхъ, употребляющихъ имя Іисуса Христа Спаси-

теля суетно и объѣдающихъ труды ближняго безвозмездно, и для того лѣнныя, избѣгая трудовъ, строя особыя отъ семейства хижины, надѣвая суму, волочатся по міру въ лѣтахъ зрѣлыхъ, сгорбавъ и нахмурясь, лицемѣрно измѣняя голосъ на стонъ больныхъ, обиженныхъ, а собравъ подаянія отъ людей, преданныхъ душою Богу, заходятъ въ кабаки, пьютъ вино до безумія и, напившись, пляшутъ и безчинствуютъ въ позорной похоти; а потому благотворительному правительству надлежитъ разобрать нищихъ обоюго пола и отдѣлить здоровыхъ, могущихъ работать, въ общественныя работы, — равнять дороги, чистить луга, заваливать рытвины, осушать болота, высѣкать бесполезные кустарники и насаждать полезныя деревья, пасти скотъ. Нищихъ хромыхъ, сухорукихъ опредѣлять на стражу хлѣба, садовъ, лѣсовъ, луговъ; въ зимнее время обучать вязать неводы, сѣти, плести лапти, вить веревки, чистить пеньку, ленъ; нищихъ слѣпыхъ (заставлять) вертѣть точила, станки прядильные и токарные; самыхъ же недвижимыхъ помѣщать въ больницы и снабжать пищею, одеждою и человѣколюбивымъ приглядомъ; а какъ таковое размѣщеніе нищихъ утвердится правительствомъ и опубликуется, то нищенство само собою уничтожится.

9) Есть нищіе малолѣтніе сироты, лишенные отцовъ и матерей, не имѣющіе пристанища, бродящіе по міру. Къ такимъ сиротамъ надлежитъ изъ родственниковъ опредѣлить опекуновъ и дать воспитаніе, сообразное полу и возрасту, помѣщать въ училища, одежду и содержаніе давать изъ общественной казны до совершеннаго возраста и обзаведеніе хозяйствомъ.

10) Судопроизводство казенныхъ поселянъ по разнымъ мѣстамъ и нравамъ волостныхъ обществъ разнородно и несходственно. Гдѣ я родился, до вступленія моего въ должность волостного писаря, до 1791 года, было управляемо головою, имѣвшимъ партію стариковъ и молодыхъ людей, грубаго и дерзкаго характера, которые силою голосовъ своихъ его избрали и поддерживали и которымъ онъ, по обязанности выбора въ головы, никакого суда обиженному ими дать не могъ, и они у него — первостатейные. Онъ обязанъ ихъ поить виномъ на счетъ мірской и лакомить, со-

бирая барановъ, куръ и яйца съ бѣдныхъ, но минуя своихъ со-общниковъ.

11) По сей причинѣ заводилось ежедневное пьянство, замѣшались подати и очереди рекрутскія отъ неправосудія, накопились недоимки отъ праздности и лѣности; по вступленіи моемъ, съ начала 1791 г., на 16-мъ году возраста, въ должность писаря, началъ я отдавать партіи и старался ввести порядокъ уплаты податей, и въ теченіи трехъ лѣтъ съ половиною уплатили недоимки и возстановили порядокъ рекрутскихъ очередей, разрушились партіи самонравія и притѣсненія, остались всѣ жители въ покоѣ. Но земли были отняты смежными владѣльцами по самые дома. Сіе послѣдовало отъ того, что не было среди общества человѣка, преданнаго оному всею душою, а занимали мѣсто вѣрности корысть и незнаніе. На собраніи предложено мнѣ принять сію обязанность защиты права общественнаго. При отзывѣ моемъ незнаніемъ сихъ дѣлъ, старики и молодые, бывшіе на собраніи, преклонивъ колѣна, просили быть за нихъ ходатаемъ; я, убѣдясь жалостью, принялъ служеніе, ходатайствовалъ за сими дѣлами и судьба вѣрителей моихъ упрочена рѣшеніемъ Временнаго Межеваго Департамента Правительствующаго Сената, послѣдовавшимъ 1801 года, сентября 4 дня. Земли близко пяти тысячъ десятинъ возвращены обществу въ первобытное владѣніе. Съ того времени по самый день моей смѣны вся клетинская волость была въ спокойствіи, о чемъ свидѣлствуютъ учиненные обо мнѣ общественные приговоры, въ копіяхъ при производствѣ обо мнѣ дѣла Правительствующаго Сената въ Первомъ Департаментѣ имѣющіеся, которое (дѣло) рѣшено и указомъ Калужской Казенной Палатой 26 марта 1829 года за № 20202 предписано. Послѣ смѣны моей, въ 1825 году послѣдовавшей, накопилось недоимки въ волости больше пятидесяти тысячъ рублей и въ обществѣ открылся безпорядокъ. Вступившій на мѣсто меня голова, ограбивъ общество, бѣжалъ; послѣдующіе за нимъ четыре головы осуждены къ тѣлесному наказанію, но дѣла объ нихъ еще не кончены, и народъ уплачиваетъ подати и недоимку по дѣйствию военной экзекуціи. Въ смежной съ нами Сухиницкой волости, состоящей въ Козельскомъ уѣздѣ, среди народа

торговаго, избалованнаго роскошью, напыщеннаго гордостью, власть головы вовсе безъ уваженія, и право сильнаго всегда имѣетъ перевѣсъ къ тягости бѣднаго и малосильнаго, гдѣ слова закона и правосудіа у поселянъ лежатъ въ покоѣ; равно и по другимъ волостямъ подобные безпорядки, да и быть порядку невозможно, если благотворительное правительство не устроитъ среди сихъ людей новаго образа правленія и воспитанія, основаннаго на истинномъ и чистомъ разумѣ законовъ божественнаго и гражданскаго, которые бы вовсе удалены были дѣйствию корыстолюбія и лицепріятія, и чтобы начальствующіе и подначальные чрезъ воспитаніе и образованіе нравовъ были бы направлены къ одной истинѣ и вѣрности. Да и взыскивать на людяхъ на наставленныхъ прежде благому и мудрому законодѣвію, невозможно, потому что злыя и застарѣлыя привычки нравовъ, какъ болѣзни, не скоро исцѣляются, а потому нужны врачи опытные и дальновидные.

12) По сему разнообразію промышленности слѣдуетъ раздѣлить волости на классы: торговыхъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Первые должны заниматься промысломъ торговли на правѣ купеческомъ, а для поддержанія бѣдныхъ составить общественный капиталъ—отъ торговыхъ площадей, лавокъ, трактировъ, постоянныхъ домовъ, мельницъ и другихъ выгодъ. Тамъ, гдѣ ремесленники, приспособить къ такимъ работамъ, чтобы, не отлучаясь отъ домовъ, могли производить оныя при своемъ или общественномъ хозяйствѣ. Земледѣльцевъ съ достаточнымъ числомъ десятинъ на душу земли приспособить добывать хлѣбъ и деньги отъ оной, а не такъ, какъ нынѣ крестьяне дѣлаютъ: ему надобно купить 10 фунтовъ соли, за нею ѣдетъ пятнадцать верстъ въ городъ; видается съ подобнымъ себѣ пріятелемъ, и первое ихъ занятіе — посѣщаютъ кабакъ, харчевню и пивныя лавочки; по неимѣнію денегъ—въ новый урожай платитъ хлѣбомъ, и такъ съ августа по генварь мѣсяцъ; вывозитъ хлѣбъ одинъ только хозяинъ, а семейство къ тому непричастно. Потомъ, по недостатку хлѣба, ѣдетъ покупать оный обратно каждый торгъ, а по неимѣнію денегъ раздаетъ дѣтей, племянниковъ, внуковъ за половину цѣны въ работники и забираетъ подъ нихъ деньги, часть на хлѣбъ и двѣ на

попойки, а подати остаются въ неоплатѣ; и такъ полный годъ проходить въ прихотливомъ разѣздѣ, а молодые тому жъ промыслу научаются и ведутъ неопрятную жизнь; потомъ, пропившись, кричить, что ему тягостна бѣдность, напрасно разоряютъ требованіемъ недоимки, между тѣмъ какъ самъ всему виною и служить бичемъ своему семейству. Что же тутъ дѣлаетъ сельское и волостное начальство? по его обязанности закономъ — оно не только ежемѣсячно не осматриваетъ его хозяйство, но вообще съ нимъ пьянствуетъ и боится ему говорить, будучи подчинено отчетомъ денежныхъ расходовъ и по части выбора въ головы; а какъ пьяницы большею частью крикуны, завязчивые вздорники и дерзостные люди, чтобъ не быть въ зависимости отъ головы и другихъ членовъ сельскихъ, льстиво, съ усмѣшкою, а иногда съ угрозами напоминаютъ имъ, что ихъ поддержать, а въ противномъ случаѣ все на нихъ выкажутъ, что и бывало на самомъ дѣлѣ, ибо сіи люди есть плодъ злонамѣренныхъ, чуждыхъ всякой чести и добродѣтели, вовлеченные во всѣ злые пороки, заглушившіе въ сердцѣ своемъ гласъ чистаго разума и совѣсти, осквернившіе душу невинною клеветою на ближняго, чужды благочестія и человеколюбія, и сіи-то люди часто въ волостяхъ, и особенно при чиновникахъ, представляютъ лица первостатейныхъ и говоруновъ!

13) По мнѣнію моему, начальству надлежитъ раскрыть въ каждомъ селеніи качества людей и раздѣлить ихъ на сорта: 1-е, по разуму; 2-е, по принадлежности къ домостроительству; 3-е, по поведенію. Поведеніе опять раздѣлить: 1) на людей трезвыхъ, 2) цѣломудренныхъ, 3) незлобивыхъ, 4) на слабыхъ и порочныхъ въ томъ и другомъ родѣ. Изъ числа первыхъ—лучшаго поведенія людей опредѣлить первостатейными въ обществѣ, которымъ и ввѣрить судъ и надзоръ, вообще съ сельскимъ и волостнымъ начальствомъ, надзоръ за другими поселянами, коимъ и быть въ послушаніи. Сіи то первостатейные люди, бывъ отличнаго поведенія и ума, должны составлять сельское и волостное общественное собраніе и давать рѣшенія по дѣламъ, до нихъ касающимся, и составлять приговоры подъ строгою отвѣтственностью по закону; въ случаѣ нарушенія слова правды, или произведенія, косвенно и умыш-

ленно, въ поноровку злomu, во вредъ добромu, (наказывать) лишеніемъ чести и добраго имени, и удаленіемъ навсегда изъ числа первостатейныхъ въ число порочныхъ; ибо вовсе не прилично быть на совѣтѣ общественномъ людямъ, опорочившимъ чистоту своего права худыми дѣлами, потому что (если) сіи люди не щадили собственной своей чести, то могутъ ли терпѣть и сохранять оную въ другихъ людяхъ?

14) Различеніе людей добрыхъ отъ порочныхъ дастъ симъ послѣднимъ урокъ къ исправленію пороковъ, и когда они, по долговременномъ испытаніи, въ добромъ поведеніи окажутся, тогда могутъ быть, какъ очистить совѣсть свою добрыми дѣлами, принимаемы въ число добросовѣстныхъ второй степени, а такое различеніе уже положено въ изреченіи безсмертнаго Монарха Петра I: Онъ въ толкованіи на 53 главу Генеральнаго Регламента (говоритъ): никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ къ добру, какъ любленіе чести, равнымъ же образомъ никакая такъ казнь не страшитъ, какъ лишеніе оной; и такъ при различеніи людей водворится желаніе отъ юноши до старца быть честнымъ, и тогда презрѣнные пороки выдутъ изъ моды, коими нынѣ возносятся невѣжды, обижающіе честныхъ своими поступками, и положится преграда злу при самомъ его корнѣ. Во охраненіе благонравія молодой человѣкъ худого поведенія, какъ-то—воръ, пьяница, блудникъ, драчунъ, лѣнивѣцъ, неплательщикъ податей—должны быть отдаваемы въ рекруты прежде очередныхъ честнаго поведенія людей. Такимъ распоряженіемъ плевелы изъ пшеницы будутъ выведены и умножится плодъ добродѣтели и чистоты нравовъ повсемѣстно.

15) Чтобы достигнуть цѣли общаго поселянъ благосостоянія, надлежитъ сберегать лѣса, луга упрочить, пашни удобрить, ввести домовое рукодѣліе; открыть источники доходовъ, изъ которыхъ бы можно было почерпать капиталъ на полезныя учрежденія, и для того земледѣльцамъ для ихъ поддержанія надлежитъ, за надѣленіемъ пашнею и лугомъ, прочую землю, отдаленную отъ селенія, обратить въ общественную пашню; среди оной устроить хутора, ввести самой лучшей и крупной породы коровъ и лошадей, мягкошерстныхъ овецъ и козъ съ добавленіемъ прочаго скота, а (смо-

тря) по удобности мѣстоположенія—и домовыхъ птицъ лучшихъ породъ, чтобы со временемъ размноженія надѣлять оными поселянъ, волость составляющихъ, на правилахъ добраго хозяйства. Ввести травосѣяніе и просвѣщенныхъ науками европейскихъ народовъ земледѣльческія орудія, которыхъ образцы есть уже при казенныхъ палатахъ, но нѣтъ на самомъ дѣлѣ ни въ одномъ казенномъ селеніи, коими приучать къ обработыванію земли на сихъ хуторахъ. При совершенномъ и полномъ хлѣбопашествѣ собственной и общественной земли, надѣюсь, что у всѣхъ поселянъ будетъ достаточно хлѣба и скота, и будутъ платить въ сроки Государю подати, разведется лучшей породы скотъ и бѣдности не будетъ. Если же отъ непредвидѣннаго случая частно оная надѣ какимъ-либо семействомъ послѣдуетъ,—отъ пожара, смертности лучшихъ хозяевъ, падежа скота и неурожая хлѣба,—тогда запасы хуторовъ и общественныхъ капиталовъ, съ вѣдома мѣстнаго начальства, должны быть выдаваемы несчастнымъ, безъ излишней переписки. Но обо всякомъ такомъ распоряженіи съ яснымъ описаніемъ доносить по порядку правительству. Въ случаѣ покушенія на несправедливое распоряженіе, виновные въ томъ пополняютъ ущербъ, причиненный общественному имуществу, изъ собственности, удаляются отъ должности и по мѣрѣ вины наказываются по словамъ закона.

16) Для сего устройства, паче всѣхъ предпріятій, должно изъ среды общества открыть людей съ дарованіемъ природнымъ и познаніемъ практическимъ, съ душою, расположенною къ вѣрности и чистотѣ, и, сколько можно, уже извѣстныхъ (по) напередъ шедшимъ дѣламъ частнымъ и собственнымъ, такъ, чтобы сіи люди были чужды предразсудковъ къ нововведеніямъ и не такіе, кои бы по теоретическому ученію знали то выразить на письмѣ, а на дѣлѣ исполнить сами по незнанію практики не умѣли, а чрезъ то поручали мужику, десятскому, старостѣ. Таковое распоряженіе письмомъ не будетъ имѣть ни пользы, ни успѣха, а навлечетъ только поселянамъ неизбежное и гибельное разореніе. Но распорядитель сего долженъ быть христіанинъ не именемъ, а дѣлами, доброй и безпорочной нравственности человѣкъ, знатокъ въ высшей степени домостроительства, трудолюбивый и некорыстолюбивый.

вый, удаленный отъ суетныхъ забавъ и роскоши; отъ такового можно ожидать успѣха въ исполненіи порученнаго.

17) Для охраненія народнаго здоровья и врачеванія болѣзней надлежитъ имѣть больницы и обучать отъ каждаго *ста* душъ по *два* практическихъ *врача*, дабы въ случаѣ болѣзни или смерти одного, замѣнить другимъ, и имъ вручить участь больныхъ, подъ надзоромъ волостного правленія, котораго члены должны быть свѣдущими во врачебной наукѣ. Ученіе сей наукѣ довольно для поселянъ такое, дабы они знали лѣчить болѣзни по лѣчебникамъ господъ Каменецкаго, Саполовича и неизвѣстнаго о лѣченіи простыми средствами болѣзней отъ различныхъ ядовъ, изданный въ 1805 году. Они столько полезны для поселянъ, что можно назвать оныя даромъ небеснымъ! Чтобы сельскіе врачи были въ кругу всѣхъ поселянскихъ занятій. Болѣзни поселянъ достойны сожалѣнія, а особенно венерическая, которою рѣдкій домъ не страждетъ, требуетъ большой дѣятельности и надзора, а особенно раскрытіе причинъ оной. Если она отъ распутства происходитъ, такихъ не оставлять безъ наказанія и готовить къ удаленію отъ семейства, ибо дѣйствіе болѣзней извѣстно мнѣ чрезъ лѣченіе оныхъ. Сообщение поселянъ здоровыхъ съ больными, незнающими пагубныхъ послѣдствій венерической болѣзни, сильно распространило и подвергло жалостному состоянію несчастныхъ, а нѣкоторыхъ обезобразило. Состраданіе къ несчастнымъ открыло мнѣ путь познакомиться съ разными учебными и математическими, а по роду болѣзней, съ книгами разныхъ благотворительныхъ писателей о врачебной наукѣ, какъ-то — по домашнимъ лѣчебникамъ господъ Пекена, Каменецкаго, Саполовича, Бухана, Бутковскаго и хирургіи Платнера и Буша, и я *больше тридцати* лѣтъ пользую больныхъ, приходящихъ ко мнѣ, казенныхъ поселянъ и сосѣдственныхъ владѣльческихъ селеній на свой счетъ, безъ платы не только за труды, но и за лѣкарства. А теперь достигъ 64-го года, лишившись рожденныхъ и воспитанныхъ мною дѣтей — Александра, магистра физико-математики и астрономіи, кончившаго жизнь въ московскомъ университетѣ 1821 года, октября 13-го, и Аѳавасія, штабъ-лѣкаря гвардейскаго гошпиталя, положившаго жи-

вотъ свой на службѣ военной въ Яссахъ, 1831 года въ мартѣ мѣсяцѣ, отъ коего осталась жена Софья съ сыномъ Александромъ — Бугровы — въ совершенной бѣдности, живущая въ С.-Петербургѣ съ 9-лѣтнимъ малюткой, питается своими трудами, а изрѣдка утѣшаетъ меня письмами; которымъ я, по старости лѣтъ и недостатку въ деньгахъ не могу дѣлать большого пособія, а полагаю надежду на прозорливое правительство и на отеческое его о бѣдныхъ попеченіе, что когда-либо лучъ милосердія онаго возсіяетъ и надъ моею посѣдѣвшей въ полезныхъ отечеству трудахъ главою, по изслѣдованіи моихъ 47-лѣтнихъ дѣйствій, на пользу рода человѣческаго употребленныхъ, поощрить старость мою поддержаніемъ и моихъ сиротъ отъ своего благого сокровища, а я потщусь не втунѣ онымъ пользоваться, а съ продолженіемъ тѣхъ же полезныхъ дѣйствій по самый предѣлъ моей жизни.

Сіи примѣчанія сочинялъ и писалъ своею рукою Калужской губ., Мещовскаго уѣзда, казенной Клетинской волости, села Клетина крестьянинъ *Адріанъ Андреевъ* сынъ *Бугровъ*, 26 августа 1837 года, на мѣстѣ жительства, въ пустынѣ Пескахъ.

Баронъ Августъ Гакстгаузенъ и его сочиненіе о Россіи.

(1842—1854).

Составилъ П. О. Морозовъ.

Въ началѣ мая 1842 года *) русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ П. К. Мейендорфъ, обратился къ министру государственныхъ имуществъ, гр. П. Д. Киселеву, съ письмомъ, въ которомъ рекомендовалъ вниманію правительства прусскаго тайнаго коллегій совѣтника барона Августа Гакстгаузена, какъ человѣка, извѣстнаго по своимъ познаніямъ и монархическому образу мыслей. Въ письмѣ сообщалось, что баронъ Гакстгаузенъ, посвятивъ много лѣтъ изученію состоянія крестьянскаго сословія въ германскихъ и славянскихъ земляхъ, предпринималъ, по особому порученію прусскаго правительства, спеціальныя изслѣдованія по этой части въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи и въ сопредѣльныхъ съ нею областяхъ и результаты своихъ изысканій обнародовалъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, изданныхъ на счетъ прусскаго правительства. Эти сочиненія не только доставили бар. Гакстгаузену заслу-

*) Дѣло V. Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, 1842 г., № 939, объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія королевско-прусскому тайному коллегій совѣтнику барону Гакстгаузену посѣтить Россію съ цѣлью ученыхъ изысканій по усовершенствованію сельскаго хозяйства. Этимъ дѣломъ уже воспользовался *В. И. Семевскій* въ своемъ трудѣ: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи съ XVIII и первой половинѣ XIX в.» (т. II, гл. XIV); мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя подробности, имъ не отмѣченныя.

женную извѣстность между нѣмецкими публицистами, но частью послужили основаніемъ предполагаемыхъ нынѣ преобразованій въ законахъ и земледѣльческомъ устройствѣ прусскаго государства. Независимо отъ того, бар. Гакстгаузенъ занимался въ послѣднее время изысканіями о происхожденіи и общественномъ бытѣ славянскихъ народовъ въ Германіи, и для довершенія своего труда съ истинною пользою для науки почелъ бы себя счастливымъ, если бы ему было дозволено заняться продолженіемъ изслѣдованій этого рода и въ самой Россіи, — «колыбели славянскаго племени»; въ кратковременную поѣздку свою въ Москву, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ успѣлъ уже пріобрѣсти о состояніи земледѣлія въ Россіи понятія гораздо точнѣе тѣхъ, которыя передаваемы были иностранцами, посѣщавшими Россію прежде и послѣ него. Въ виду всего этого, бар. Мейендорфъ высказывалъ мнѣніе, что если бы русскому правительству было угодно облегчить бар. Гакстгаузену путешествіе по внутреннимъ губерніямъ, оказавъ ему нѣкоторое денежное пособіе (примѣрно — въ 1500 р. с.) то его глубокія познанія могли бы послужить намъ на пользу: при томъ вліяніи, какое имѣютъ мнѣнія иностранцевъ о Россіи на наши политическія отношенія и на нашъ кредитъ за границей, Россія могла бы много выиграть, знакомя Европу съ своими обширными естественными богатствами и съ благопріятными наклонностями народа, въ ней обитающаго, которыя г. Гакстгаузенъ способнѣе всякаго другого представить иностранцамъ съ самой выгодной стороны.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго о дарованіяхъ, познаніяхъ и въ особенности — о монархическихъ убѣжденіяхъ бар. Гакстгаузена, бар. Мейендорфъ приложилъ къ своему письму французскій переводъ его статьи по поводу указа 2-го апрѣля 1842 года, напечатанной въ берлинской *Staatszeitung* 7-го мая и заключающей въ себѣ восторженные похвалы гуманной заботливости русскаго правительства о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ *).

*) Указъ Сенату о предоставленіи помѣщикамъ заключать съ крестьянами договоры на отдачу имъ участковъ земли въ пользованіе за условленныя повинности, съ принятіемъ крестьянами, заключившими договоръ, названія обязанныхъ крестьянъ (Поли. Собр. Зак., т. 79, № 15,462).

Письмо бар. Мейендорфа было немедленно представлено гр. Киселевымъ Государю, который, соизволяя на путешествіе Гакстгаузена, повелѣлъ «даровать ему просимое пособіе, не дѣлая, впрочемъ, изъ сего путешествія мѣры правительственной».

Увѣдомленный объ этомъ, бар. Гакстгаузенъ, прежде чѣмъ приступить къ предположенному путешествію, счелъ необходимымъ обратиться къ гр. Киселеву съ тремя (одновременно посланными) письмами. Въ первомъ изъ этихъ писемъ онъ представилъ краткое изложеніе тѣхъ основныхъ началъ, какими онъ руководился при своихъ изслѣдованіяхъ историческаго развитія и современнаго состоянія земледѣлія въ Европѣ; во второмъ еще разъ высказалъ свое мнѣніе объ указѣ 2-го апрѣля, а въ третьемъ формулировалъ программу своихъ будущихъ изслѣдованій въ Россіи *).

«Двадцать лѣтъ своей жизни» — читаемъ въ первомъ письмѣ — «посвятилъ я изученію исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ, обращая преимущественное вниманіе на развитіе ихъ земледѣлія и сельской промышленности. Но при этомъ я не ограничивался разысканіемъ въ прошедшемъ причинъ, обусловливающихъ настоящее положеніе дѣлъ, а старался также опредѣлить и для будущаго законы послѣдовательнаго развитія.

Такая точка зрѣнія была мною усвоена въ особенности благодаря тому, что я въ продолженіе 12-ти лѣтъ принималъ участіе въ законодательныхъ трудахъ прусскаго правительства и долженъ былъ посѣтить одну за другою всѣ области прусскаго королевства, чтобы изучить на мѣстѣ положеніе земледѣльческаго класса, важнѣйшія особенности и условія его быта и его отношенія къ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ я получилъ возможность ознакомиться въ всѣхъ подробностяхъ съ послѣдствіями преобразованій, произведенныхъ, съ начала текущаго столѣтія, въ различныхъ областяхъ Пруссіи, гдѣ въ прежнее время дѣйствовали различные законы; я былъ свидѣтелемъ переворотовъ, произведенныхъ рево-

*) Послѣднее изъ этихъ писемъ находится въ указанномъ выше дѣлѣ V Отд. № 939, а два первыхъ въ дѣлѣ № 1071, по отношенію Государственнаго Секретаря съ препровожденіемъ оставшихся по смерти предсѣдателя Государственнаго Совѣта гр. Левашева бумагъ, 1848 г.

люціоннымъ правительствомъ во Франціи; я видѣлъ, какъ имъ были разрушены всѣ устои общественнаго союза; я видѣлъ, какъ безпорядокъ и разстройство проникали во всѣ классы населенія и какъ передъ «свободой» и «равенствомъ» исчезали не только преимущества, даруемыя по рожденію, но и самая патріархальная власть помѣщиковъ, вѣками освященная. Такъ, въ прирейнскихъ провинціяхъ Пруссіи дворянство было лишено своихъ владѣній и почти совсѣмъ исчезло, а раздробленіе земельной собственности почти не знало предѣловъ; единственная сила устояла, къ счастью, среди всѣхъ революціонныхъ потрясеній: это была сила сельской общины, пережившей чужеземное владычество. Измѣненія, происшедшія въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и земледѣльцами въ прежнихъ прусскихъ областяхъ, не имѣли революціоннаго характера; но дѣло, все-таки, приняло слишкомъ крутой оборотъ. Во многихъ случаяхъ права помѣщиковъ были принесены въ жертву мнимому благосостоянію крестьянъ. Время снова возвысило общественное значеніе прусскаго дворянства; само правительство отчасти отказывается отъ своего черезчуръ поспѣшнаго образа дѣйствій, пришло къ нему на помощь, и теперь было-бы уже несправедливо не признать значительнаго улучшенія, хотя, сохраняя за помѣщиками болѣе обширную власть надъ сельскимъ населеніемъ, можно было-бы, по всей вѣроятности, избавить послѣднее отъ когтей ростовщиковъ и евреевъ, заставляющихъ его слишкомъ дорого расплачиваться за свою новую независимость. Въ Вестфаліи осмотнительное законодательство, повидимому, избѣжало всѣхъ затрудненій, не уклоняясь отъ пути, указаннаго историческимъ прошлымъ этой страны. Тамъ крестьяне оставались крѣпостными дольше, чѣмъ во всѣхъ другихъ прусскихъ провинціяхъ,—но они были прикрѣплены къ землѣ столько же силою закона, какъ и собственными интересами. Законъ, даровавшій имъ, наконецъ, личную свободу, нисколько не измѣнилъ ихъ положенія и прежнихъ патріархальныхъ отношеній къ помѣщикамъ. Какая противоположность между благополучнымъ состояніемъ крестьянъ вестфальскихъ и печальнымъ положеніемъ землевладѣльцевъ въ Помераніи, области нѣкогда шведской, гдѣ крѣпостное право было

уничтожено въ 1806 г. однимъ почеркомъ пера! Свободные лично, не привязанные къ землѣ никакими узами интересовъ, они владѣютъ жизнью бѣдственной. Изъ почетныхъ земледѣльцевъ, какими они были, они обратились въ бродячихъ поденщиковъ».

«Таковы были переходныя ступени, которыя были пройдены Пруссіею прежде чѣмъ установился тотъ новый порядокъ вещей, какой мы видимъ въ настоящее время. Я видѣлъ, что на тотъ-же путь вступаетъ и Россія, и мною овладѣло желаніе наблюдать ее въ эту эпоху ея жизненнаго развитія. Это желаніе сдѣлалось непреодолимымъ, когда явился достопамятный указъ 2-го апрѣля, и я благословляю небо, что мнѣ именно въ настоящее время дозволено заняться въ Россіи научными изслѣдованіями. Новымъ закономъ помѣщику обезпечивается владѣніе землею, но крестьянину дается возможность замѣнять барщину оброкомъ, смотря по желанію, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ можетъ надѣяться на пріобрѣтеніе независимаго достатка, которымъ онъ будетъ обязанъ землѣ, увеличивъ своими трудами ея плодородіе; земля будетъ для него тѣмъ дороже, чѣмъ тѣснѣе она связана съ его трудами и заботами. Подъ охраною и руководствомъ помѣщика, въ каждой деревнѣ утверждается общинная организація, но корпоративныя учрежденія не ослабятъ того чувства почтенія и довѣрія, съ какимъ славянскій крестьянинъ всегда относится къ своему господину и которое является прекраснѣйшею отличительною чертою земледѣльческаго класса этой великой націи.

«Но внутренняя жизнь русскаго народа до такой степени своеобразна и богата, что о ней никакъ нельзя судить по аналогіи съ другими народами. Въ увѣренности, что я найду въ Россіи обширное поле для изслѣдованій и возможность изучать развитіе человѣчества съ многихъ новыхъ для меня точекъ зрѣнія, я менѣе увѣренъ въ томъ, что пріобрѣтенная мною до сихъ поръ опытность можетъ принести пользу русскому правительству. Тѣмъ не менѣе, если особенныя обстоятельства, въ которыхъ находится въ настоящее время Россія, и не позволяютъ ей въ точности слѣдовать примѣру другихъ европейскихъ государствъ, знаніе того, что про-

исходило въ другихъ странахъ, можетъ оградить ее отъ ошибокъ. Въ этомъ-то смыслѣ я и надѣюсь принести нѣкоторую пользу, и счелъ бы себя безконечно счастливымъ, если бы услугами, оказанными Россіи, могъ засвидѣтельствовать чувства благодарности и преданности ея августѣйшему Государю».

Обращаясь, въ другомъ письмѣ, къ оцѣнкѣ указа 2 апрѣля, бар. Гакстгаузенъ замѣчаетъ, что этотъ законодательный актъ вызвалъ осужденіе со стороны западно-европейскихъ либераловъ, не нашедшихъ въ немъ никакой деклараціи человѣческихъ правъ, такъ какъ онъ даже и не касается вопроса о личной свободѣ крестьянъ. Нѣкоторые изъ русскихъ помѣщиковъ называли этотъ указъ мертворожденнымъ, потому что онъ не заключалъ въ себѣ никакихъ принудительныхъ мѣръ. По мнѣнію бар. Гакстгаузена, именно эти упрёки и служатъ наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ достоинства указа: «онъ ограничивается указаніемъ основныхъ началъ, резюмируя прошедшее, настоящее и будущее русскаго крестьянина. Это — лучъ свѣта, брошенный правительствомъ среди мрака, чтобы освѣтить народу путь, по которому должно идти его естественное развитіе. Законъ не имѣлъ въ виду насильственными мѣрами создавать новый порядокъ; онъ послужилъ только для русскаго народа указаніемъ на то, что должно совершиться въ будущемъ, — указаніемъ цѣли, къ которой должны стремиться соединенныя усилія правительства и народа».

«Даровать крестьянину личную свободу, не привязавъ его предварительно, его же собственными интересами, къ земледѣлію, было бы мѣрою не только ошибочною, но и опасною; въ подтвержденіе моихъ словъ я могу сослаться еще разъ на поразительный примѣръ освобожденія крестьянъ въ Помераніи въ 1806 году: изъ нихъ сдѣлали бродягъ».

«Впрочемъ, не позволяя себѣ ничего предпрѣшать въ столь важномъ вопросѣ, я не ставлю себѣ иной задачи, кромѣ насколько возможно болѣе основательнаго изученія Россіи, ея исторіи, ея народа и ея земледѣлія».

Третье письмо заключало въ себѣ рядъ вопросовъ (45), на которые бар. Гакстгаузенъ желалъ получить хотя бы краткіе отвѣты

до начала своего путешествія. Эти вопросы касались орографическаго положенія Россіи (по губерніямъ), качества почвы, естественныхъ произведеній, пространства земель и лѣсовъ казенныхъ и помѣщичьихъ, количества сельскаго населенія, числа населенныхъ мѣстностей, условій хлѣбопашества, лѣсоводства, рыболовства, промышленности и торговли, народной нравственности и образованія, цѣнности земледѣльческаго труда, оброковъ, отхожихъ промысловъ и т. п. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ отвѣты могли быть даны въ самомъ министерствѣ; для разрѣшенія другихъ было необходимо содѣйствіе мѣстныхъ властей, о которомъ и просилъ министра бар. Гакстгаузенъ.

Препровождая гр. Киселеву эти письма прусскаго ученаго, бар. Мейендорфъ, съ своей стороны, еще разъ рекомендовалъ его вниманію министра. «Многія лица, знающія г. Гакстгаузена», писалъ онъ 14 января 1843 г., «полагаютъ, что его путешествіе принесетъ нашему правительству большую пользу разъясненіемъ тѣхъ мѣропріятій, при помощи которыхъ могло бы быть достигнуто постепенное освобожденіе крестьянъ. Впрочемъ, я не вполне раздѣляю этотъ взглядъ. Большое различіе, существующее между положеніемъ крестьянъ въ Россіи и положеніемъ этого класса въ другихъ странахъ, заставляетъ меня думать, что не можетъ быть никакого сходства и въ мѣрахъ, принимаемыхъ здѣсь и тамъ для достиженія этой цѣли. Тѣхъ не менѣе, путешествіе г. Гакстгаузена могло бы содѣйствовать уясненію многихъ любопытныхъ фактовъ и доставило бы чиновникамъ министерства государственныхъ имуществъ возможность ознакомиться съ методомъ, по которому производятся за границую этого рода изслѣдованія».

Присланные Гакстгаузенемъ вопросы были переданы въ Третій департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, съ порученіемъ доставить по нимъ свѣдѣнія, какія окажется возможнымъ сообщить путешественнику, съ указаніемъ оффиціальныхъ и печатныхъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы заимствовать подробные матеріалы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросы были разосланы и начальникамъ губерній Европейской Россіи, и министръ призналъ необходимымъ прикомандировать къ путешественнику особаго чиновника, знаю-

шаго нѣмецкій языкъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, оказывая Гакстгаузену содѣйствіе въ его путешествіи, могъ приобрѣсть отъ него полезныя для сельскаго хозяйства свѣдѣнія. Это порученіе было возложено на младшаго члена Воронежской губернской коммисіи по устройству оброчной подати, тит. сов. Адеркаса, который, по отзыву директора Третьяго департамента, «будучи человѣкомъ образованнымъ и зная нѣмецкій языкъ, могъ съ пользою для службы и съ надлежащимъ приличіемъ быть прикомандированъ къ путешествующему иностранцу.»

Гакстгаузенъ прибылъ въ Петербургъ 15 марта 1843 года. За нѣсколько дней до его пріѣзда, шефъ жандармовъ гр. Бенкендорфъ сообщилъ гр. Киселеву, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, вызываемый въ Россію путешественникъ «извѣстенъ за человѣка либеральныхъ мыслей, ненавидитъ дворянство и въ недавнемъ времени издалъ литографированную брошюру о Лифляндіи, въ коей возстаетъ противъ правъ дворянства».

На это сообщеніе гр. Киселевъ отвѣчалъ, что свѣдѣнія III Отдѣленія несовсѣмъ точны, такъ какъ онъ Гакстгаузена не вызывалъ, его не знаетъ и потому о его либеральныхъ наклонностяхъ судить не можетъ, а только представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе ходатайство бар. Мейендорфа о дозволеніи Гакстгаузену пріѣхать въ Россію для ученаго путешествія, на что Его Величествомъ было изъявлено соизволеніе и повелѣно выдать путешественнику въ пособіе 1500 р. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія шефа жандармовъ, «дабы оградить г. Гакстгаузена отъ неблагонамѣренныхъ толковъ и дѣйствій,» гр. Киселевъ выражалъ надежду, что путешественнику не будетъ отказано въ покровительствѣ, для чести нашего правительства и пользы науки необходимомъ». ¹⁾

Впрочемъ, бар. Гакстгаузенъ явился въ Россію отчасти въ качествѣ оффиціального лица. Прусскій король, которому онъ былъ лично извѣстенъ, поручилъ ему передать письмо Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

¹⁾ Дѣло бывшаго V Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, № 1035, по отношенію гр. Бенкендорфа о дошедшихъ до него неблагопріятныхъ слухахъ о бар. Гакстгаузенѣ, 12—14 марта 1843 г.

По приїзді въ Петербургъ, бар. Гакстгаузенъ представилъ гр. Киселеву краткую записку съ изложеніемъ программы предположеннаго имъ путешествія. Независимо отъ своихъ частныхъ изслѣдованій по вопросамъ исторіи и древностей, главною цѣлью этого путешествія онъ ставилъ «всестороннее изученіе современнаго положенія сельскаго населенія Имперіи». Соотвѣтственно этой цѣли, онъ включилъ въ свою программу: «обозрѣніе различныхъ видовъ земледѣлія, какъ-то: хлѣбопашества, травосѣянія, садоводства, лѣсоводства, скотоводства, охоты, рыболовства, различныхъ способовъ распредѣленія земель, различныхъ видовъ естественныхъ произведеній; изученіе особенностей постройки жилищъ и сельско-хозяйственныхъ зданій, распредѣленія сельскихъ работъ и вліянія, какое имѣютъ на нихъ климатъ и температура, а также—промышленность и торговля; далѣе — изученіе характера различныхъ народностей, обитающихъ въ Россіи, ихъ образа жизни, естественныхъ наклонностей и способностей, нравовъ, обычаевъ и правилъ, касающихся пользованія землею, права семейнаго и общественнаго (какъ писаннаго, такъ и обычнаго), общинныхъ учрежденій и артелей, а также и административныхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью охрану земледѣлія и содѣйствіе его развитію наряду съ развитіемъ промышленности, торговли и цивилизаціи вообще».

«Хотя сія программа чрезвычайно обширна», замѣтилъ гр. Киселевъ, — «однако должно присовокупить къ ней, что изслѣдовавъ настоящее положеніе предметовъ, надлежать будетъ указать на способы улучшенія всѣхъ частей нашего хозяйства, не касаясь привычекъ и обычаевъ, которые отличаютъ между собою различныя поколѣнія, составляющія народонаселеніе нашего обширнаго отечества».

Для того, чтобы какъ можно болѣе облегчить путешественнику изученіе Россіи въ назначенный имъ очень короткій срокъ — не болѣе года, — министръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ему были доставлены всевозможныя свѣдѣнія, какими располагаетъ министерство по интересующимъ его вопросамъ. «Требуется пристальное занятіе», писалъ гр. Киселевъ, — «дабы министерство выполнило достойно свою обязанность. Сообщеніе свѣдѣній слѣдуетъ распре-

дѣлать такъ, чтобы разныя лица, содѣйствуя для чести министерства, составили цѣлое, для нѣмецкой аккуратности не противное».

Соотвѣтственно этому распоряженію, для содѣйствія путешественнику былъ назначенъ особый переводчикъ; членамъ ученаго комитета было поручено: Н. А. Жеребцову—доставить бар. Гакстгаузену свѣдѣнія и необходимыя объясненія о кадастрѣ, гр. Н. М. Ламздорфу и Е. А. Петерсону—свѣдѣнія по лѣсной части, А. П. Заблоцкому - Десятовскому — составить краткій обзоръ положенія помѣщичьихъ крестьянъ до изданія указа 2 апрѣля 1842 г. и объясненіе политическаго и внутренняго быта государственныхъ крестьянъ и правъ ихъ. Кромѣ того, академикъ Кеппенъ предоставилъ въ распоряженіе Гакстгаузена свое богатое собраніе матеріаловъ для сельско-хозяйственной статистики Россіи.

Въ концѣ марта для путешественника былъ уже составленъ подробный маршрутъ по станціямъ отъ Петербурга черезъ Новгородъ, Вышній Волочекъ, Торжокъ, Тверь, Рыбинскъ, Ярославль, Кострому, Нижній-Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Самару, Вольскъ, нѣмецкія колоніи Саратовской губерніи, Саратовъ, Пензу, Тамбовъ, Воронежъ, Харьковъ, Полтаву, Екатеринославъ, менонитскія колоніи Таврической губерніи, землю Вѣйска Донскаго, Ставрополь, Пятигорскъ, Тифлисъ, Эривань, Кутаисъ, Сухумъ-Кале, Керчь, южный берегъ Крыма, Херсонъ, Николаевъ, Одессу, Кіевъ, Курскъ, Орелъ, Тулу, — въ Москву, и оттуда — обратно въ Петербургъ, съ остановками по 2 — 3 дня во всѣхъ вышеуказанныхъ городахъ. Такимъ образомъ, Гакстгаузену приходилось проѣхать болѣе 9800 верстъ на почтовыхъ и около 500 в. по Черному морю; на все это путешествіе предполагалось употребить только шесть мѣсяцевъ, съ 18 апрѣля по 18 октября. По Высочайшему повелѣнію, шефъ жандармовъ обратился къ генераль-губернаторамъ, военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, а также и къ штабъ-офицерамъ корпуса жандармовъ всѣхъ тѣхъ губерній, черезъ которыя долженъ проѣхать путешественникъ; при осмотрѣ Петербурга его сопровождалъ особо командированный жандармскій поручикъ. Между прочимъ, бар. Гакстгаузенъ выразилъ желаніе ознакомиться въ Петербургѣ съ образомъ жизни простого народа, ежегодно приходящихъ сюда

рабочихъ, а также и бродягъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, и для этого просилъ шефа жандармовъ командировать къ нему чиновника, знающаго нѣмецкій языкъ. Гр. Бенкендорфъ, «не рѣшаясь опредѣлить, будетъ ли прилично для барона Гакстгаузена посѣщать такія мѣста, гдѣ жительствоуютъ и бывають бродяги и подобныя имъ люди, а также и затрудняясь возлагать таковое порученіе на жандармскаго офицера», счелъ необходимымъ спросить мнѣнія министра государственныхъ имуществъ объ этомъ предметѣ. Гр. Киселевъ отвѣчалъ, что бар. Гакстгаузену неоднократно было объяснено, что его поѣздка не есть дѣло правительственное и оффиціальное, а лишь частное предпріятіе для ученыхъ изысканій; слѣдовательно, онъ можетъ осматривать въ Россіи все то, что дозволяется видѣть всякому другому частному путешественнику; но вмѣшательство правительства въ его изысканія было бы и не нужно, и несогласно съ первоначально изъясленною по этому предмету Высочайшею волею.

За нѣсколько дней до начала своего путешествія, бар. Гакстгаузенъ обратился къ гр. Киселеву съ новымъ предложеніемъ:

«Имѣли-ли мои труды какой-нибудь практическій результатъ», писалъ онъ, — «и будутъ ли еще имѣть его, — объ этомъ я судить не могу; но мнѣ кажется, что основныя начала моихъ работъ и изысканій заслуживали бы вниманія всѣхъ правительствъ, такъ какъ моя задача заключается въ вѣрномъ изображеніи настоящаго состоянія сельско-хозяйственныхъ учрежденій даннаго народа во всѣхъ отношеніяхъ, и въ связи съ національнымъ характеромъ, обычаями, нравами, климатомъ, исторіей и промышленностью. Я надѣюсь, что предпринимаемое теперь путешествіе дастъ мнѣ возможность представить вѣрное общее обзрѣніе современнаго состоянія сельско-хозяйственныхъ учрежденій въ Россіи. Но, располагая лишь крайне ограниченнымъ срокомъ, я не хочу дать этому обзрѣнію такихъ размѣровъ, какіе были бы желательны, и даже необходимы, для достиженія предположенной мною цѣли».

«Въ виду этого мнѣ казалось бы весьма полезнымъ образовать здѣсь, такъ сказать, своего рода *школу* для осуществленія основной задачи моихъ изслѣдованій, то есть подготовить нѣсколькихъ мо-

лодыхъ людей, которые могли бы, послѣ моего возвращенія въ отечество, продолжать начатыя мною изслѣдованія въ подробностяхъ, соотвѣтственно желаніямъ и указаніямъ правительства. Я же могъ бы, и живя у себя на родинѣ, руководить этими работами моихъ учениковъ, и охотно принялъ бы на себя эту обязанность, побуждаемый единственно преданностью наукѣ».

Первымъ изъ этихъ своихъ будущихъ учениковъ Гакстгаузенъ назвалъ прикомандированнаго къ нему чиновника Адеркаса, и затѣмъ указалъ еще на нѣсколькихъ молодыхъ людей, русскихъ подданныхъ, которые просили его исходатайствовать для нихъ дозволеніе сопровождать его въ предположенномъ путешествіи. Въ числѣ ихъ онъ въ особенности рекомендовалъ министру молодого князя Ливена, получившаго въ Дерптѣ золотую медаль за разсужденіе о состояніи земледѣлія въ Лифляндіи и затѣмъ слушавшаго лекціи въ берлинскомъ университетѣ.

Гр. Киселевъ отвѣчалъ на это письмо, что онъ не имѣетъ никакихъ препятствій къ путешествію кн. Ливена, котораго, впрочемъ, не знаетъ, и который, вѣроятно, имѣетъ на то законное право.

Приготовленія къ путешествію шли очень быстро. Гакстгаузену, сверхъ дарованнаго ему по Высочайшему повелѣнію пособія, были выданы прогоны на 6, а Адеркасу — на 3 лошади и назначенъ въ проводники почтальонъ, который долженъ былъ заботиться, чтобы въ лошадяхъ нигдѣ не было задержки. Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ путешественнику былъ выданъ открытый листъ, а отъ министерства государственныхъ имуществъ — рекомендательныя письма къ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и попечителямъ учебныхъ округовъ. Для Адеркаса была составлена особая инструкція, въ которой ему предписывалось: «находясь при Гакстгаузенѣ въ его разъѣздахъ, быть ему посредникомъ въ сношеніяхъ съ разными лицами и вообще устранять затрудненія и неудобства, могущія встрѣтиться отъ незнанія имъ русскаго языка, а съ другой стороны — стараться ознакомиться съ способомъ производства имъ изысканій и съ его взглядомъ на предметы, съ тѣмъ, не окажется ли въ нихъ чего-либо полезнаго и удобопри-

мѣняемаго къ дѣйствіямъ министерства по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства». Оказывая Гакстгаузену всякое содѣйствіе въ его ученыхъ изысканіяхъ, Адеркасъ, однако же, долженъ былъ «отстранять незамѣтнымъ образомъ все то, что могло бы сему иностранцу подать поводъ къ неправильнымъ и неумѣстнымъ заключеніямъ, которыя легко могутъ произойти отъ незнанія имъ обычаевъ и народнаго быта нашего отечества». Изъ cadaго города Адеркасу предписывалось доносить о прибытіи путешественниковъ и обо всемъ, что окажется нужнымъ.

Гакстгаузенъ, въ сопровожденіи своего секретаря д-ра Козегартена, кн. Ливена и Адеркаса, выѣхалъ изъ Петербурга 28 апрѣля 1843 г. и ровно черезъ полгода, 28 октября, прибылъ въ Москву, совершивъ путешествіе болѣе чѣмъ въ 11.000 верстъ, такъ какъ ему приходилось часто уклоняться отъ заранѣе составленнаго маршрута на проселочныя дороги. Останавливаясь въ городахъ, онъ знакомился съ мѣстными властями и нѣкоторыми помѣщиками, имѣнія которыхъ затѣмъ посѣщалъ; но, при быстротѣ, съ какою совершалось путешествіе, конечно, не могъ входить въ подробности. Такъ, по донесенію старшаго члена Попечительнаго Комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго Края, онъ «осмотрѣлъ только весьма малую часть иностранныхъ поселеній, и то весьма поверхностно, ибо въ прекрасномъ Хортицкомъ менонитскомъ округѣ пробылъ не болѣе одного часа». За то онъ не имѣлъ повода жаловаться на недостатокъ сообщаемыхъ ему данныхъ: Государю было угодно, «чтобы всѣ относящіяся до Россіи предметы были открыты путешественнику въ ясномъ и вѣрномъ свѣтѣ, дабы они могли быть съ такою же достовѣрностью помѣщены и въ предполагаемомъ имъ сочиненіи о Россіи». Во исполненіе Высочайшей воли, особымъ циркуляромъ были потребованы отъ всѣхъ палатъ государственныхъ имуществъ свѣдѣнія о состояніи нѣсколькихъ, болѣе характеристическихъ въ каждой губерніи, казенныхъ селеній, по одному изъ отличающихся какими-либо особенностями, напримѣръ, земледѣліемъ, промышленностью и т. п., наблюдая притомъ, чтобы каждое описанное селеніе могло дать барону Гакстгаузену общее по-

нятіе о прочихъ подобныхъ въ губерніи. Эти свѣдѣнія давались въ видѣ отвѣтовъ на вопросы, составленные самимъ путешественникомъ, и отличаются полною опредѣленностью статистическихъ показаній. Кромѣ того, путешественнику были сообщены, при посредствѣ министерства государственныхъ имуществъ, отчеты и обзорѣнія дѣятельности другихъ министерствъ, особенно—юстиціи и народнаго просвѣщенія, а также довольно значительное количество различныхъ оффиціальныхъ и частныхъ изданій. Вмѣстѣ съ многими другими, составленными спеціально для Гакстгаузена, статьями и записками о различныхъ видахъ сельскаго хозяйства и о положеніи сельскаго населенія въ разныхъ областяхъ Россіи, эти свѣдѣнія представляли весьма обширный матеріаль *).

Для содѣйствія ученому путешественнику въ разработкѣ этого матеріала, къ нему былъ командированъ отъ министерства чиновникъ особыхъ порученій Ланъ, который и отправился вмѣстѣ съ нимъ, въ началѣ 1844 г. въ Берлинъ. Онъ долженъ былъ заниматься нужными для Гакстгаузена переводами и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ устройствомъ государственныхъ имуществъ въ Пруссіи какъ относительно организаціи управленія, такъ и самаго способа хозяйства. Для занятій переводами ему разрѣшено было взять себѣ одного или двухъ помощниковъ изъ обучавшихся въ Берлинѣ русскихъ студентовъ, трудъ которыхъ оплачивался министерствомъ. Эти работы велись подъ руководствомъ Лана и подъ наблюденіемъ барона Мейендорфа **). Со времени отъѣзда Гакстгаузена изъ Россіи прошелъ уже годъ, а между тѣмъ онъ еще не начиналъ своего сочиненія и занимался только изученіемъ матеріаловъ, количество которыхъ еще значительно увеличилось вслѣдствіе того, что изъ Петербурга постоянно доставлялись новые документы и книги. Гр. Киселевъ былъ нѣсколько

*) Какъ видно изъ записки почтъ-директора, Гакстгаузенъ увезъ съ собою 11 пудовъ книгъ и бумагъ.

**) Дѣло V Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, № 943, по просьбѣ бар. Гакстгаузена къ гр. Киселеву о доставленіи ему разныхъ свѣдѣній, о пособіи бар. Гакстгаузену для перевода его сочиненія о Россіи на французскій языкъ и о награжденіи Гакстгаузена за его сочиненія, 1844—1854, на 549 лл.

недоволенъ этою медленностью, и Ланъ старался торопить Гакстгаузена, но послѣдній отвѣчалъ, что трудъ, имѣющій столь важное научное и литературное значеніе и посвященный всестороннему изученію такого обширнаго государства, какъ Россія, требуетъ глубокаго размышленія и продолжительныхъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ понять, что ему было бы очень желательно получить отъ русскаго правительства пособіе на напечатаніе его сочиненія. Въ виду этого онъ выразилъ готовность посылать свой трудъ, по мѣрѣ его исполненія, на просмотръ гр. Киселеву и даже, если это будетъ признано нужнымъ, лично пріѣхать въ Петербургъ. Гр. Киселевъ отвѣчалъ на это, что «расходы на напечатаніе сочиненія могутъ быть покрыты нашими средствами, если сочиненіе окажется сообразнымъ ожиданію и истинѣ; но прибытіе барона для сего въ С.-Петербургъ признается неудобнымъ, ибо тогда сочиненіе его можетъ подвергнуться потерѣ кредита. Впрочемъ, присылка тетрадей для предварительнаго прочтенія была бы не бесполезна. Пособіе, обѣщанное въ видѣ награды, должно опредѣлиться самимъ твореніемъ».

Получивъ такое обѣщаніе, Гакстгаузенъ ускорилъ свою работу, и въ сентябрѣ 1845 г. могъ уже представить бар. Мейендорфу двѣ первыя главы путешествія. «Я льщу себя надеждою», писалъ Ланъ, сообщая объ этомъ въ Петербургъ, — «что его сіятельство (гр. Киселевъ) будетъ доволенъ книгою и не будетъ имѣть случая сказать, что гора родила мышъ, потому что баронъ Гакстгаузенъ, всякій разъ, когда я говорю ему о качествахъ и достоинствахъ ожидаемой отъ него книги, значительно киваетъ головою, присовокупляя, что сочиненіе оправдаетъ всѣ ожиданія его сіятельства.»

Однако, прежде чѣмъ приступить къ печатанію своей книги, Гакстгаузенъ желалъ, чтобы русскому посольству въ Берлинѣ было официально поручено уплачивать, по мѣрѣ надобности, расходы по изданію. При этомъ онъ заявилъ, что было бы полезно издать сочиненіе одновременно на двухъ языкахъ, — нѣмецкомъ и французскомъ, и просилъ поручить французскій переводъ — Лану.

По докладу гр. Киселева, Государю угодно было пожаловать Гакстгаузену, на изданіе его сочиненія, 3000 р. с. Что касается до французскаго перевода, то министр находилъ неудобнымъ поручить его Лану, съ одной стороны — потому, что срокъ командировки этого чиновника уже давно окончился, а съ другою — потому, что хорошій переводъ могъ быть исполненъ только опытнымъ литераторомъ, который вполнѣ владѣлъ бы французскимъ языкомъ, чего отъ Лана нельзя было ожидать. Однако, бар. Мейендорфъ, все-таки, отдалъ эту работу Лану, какъ потому, что очень трудно было найти переводчика, во всѣхъ отношеніяхъ годнаго, такъ и потому, что считалъ Лана болѣе другихъ способнымъ не только вѣрно передать подлинникъ, но даже исправить всѣ ошибки по географіи, исторіи и пр., чего не могъ бы сдѣлать иностранецъ. Съ своей стороны, Гакстгаузенъ писалъ, что Ланъ совершенно необходимъ для перевода на французскій языкъ его сочиненія, что одинъ онъ можетъ представить положительное ручательство за вѣрность перевода и отсутствіе выраженій, противныхъ правиламъ русской цензуры, и что «онъ есть *conditio sine qua* non успѣшнаго окончанія французскаго изданія». Итакъ, вопреки желанію гр. Киселева, Ланъ былъ оставленъ въ Берлинѣ до окончанія работъ по изданію книги Гакстгаузена.

Книга*) появилась въ печати, въ двухъ томахъ, въ концѣ 1847 года. По ходатайству бар. Мейендорфа и по докладу гр. Киселева, авторъ былъ награжденъ золотой табакеркой и выдано было ему, на покрытіе всѣхъ расходовъ по изданію, 3000 р. с. изъ государственнаго казначейства.

Въ началѣ 1851 года Гакстгаузенъ обратился къ барону Мейендорфу, который въ то время уже занималъ постъ посла въ Вѣнѣ, — съ просьбою исходатайствовать пособіе на изданіе третьяго тома его сочиненія о Россіи. При этомъ онъ представилъ программу книги и даже часть совсѣмъ готовой рукописи. Баронъ Мейендорфъ прочелъ двѣ главы, посвященныя русской арміи и внѣшней политикѣ, былъ вполнѣ доволенъ ихъ содержаніемъ и охотно

*) Подъ заглавіемъ: «*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*».

рекомендовалъ новое произведеніе ученаго путешественника вниманію гр. Киселева. Министръ государственныхъ имуществъ представилъ отзывъ бар. Мейендорфа на Высочайшее усмотрѣніе. Государь изволилъ отозваться, что «по важности предметовъ, входящихъ въ составъ 3-го тома, нельзя опредѣлить достоинства сочиненія безъ предварительнаго его разсмотрѣнія въ Петербургѣ и повѣрки въ отношеніи вѣрности описанія и приличія; а потому, если баронъ Гакстгаузенъ, по напечатаніи нѣмецкаго изданія, пришлетъ въ Петербургъ экземпляръ сего сочиненія или доставить въ манускриптѣ,—тогда вопросъ о пособіи собственно для французскаго изданія будетъ предметомъ особаго соображенія, смотря по достоинству сочиненія.»

Гакстгаузенъ напечаталъ нѣмецкое изданіе 3-го тома на свой счетъ и чрезъ бар. Мейендорфа представилъ его, въ апрѣлѣ 1852 года, гр. Киселеву, повторяя просьбу о пособіи. Гр. Киселевъ приказалъ составить подробное изложеніе содержанія книги и поднесъ его Государю при особомъ докладѣ, въ которомъ высказалъ, что «это сочиненіе, отличаясь весьма обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ состоянія Россіи, проникнуто глубокимъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ монархическихъ началъ. При такомъ направленіи сочиненія, оно имѣетъ то особенное достоинство, что всѣ убѣжденія сочинителя основываются не на поверхностномъ взглядѣ или грубой лести, но на самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ положенія нашего государства; и если есть ошибки или невѣрности, то онѣ легко могутъ быть исправлены при французскомъ переводѣ». Гр. Киселевъ вполне соглашался съ мнѣніемъ бар. Мейендорфа о пользѣ изданія этого сочиненія въ переводѣ на французскій языкъ; но такъ какъ оно заключало въ себѣ весьма важныя разсужденія о внѣшней политикѣ, объ арміи и флотѣ, о церкви и дворянствѣ, то онъ и предлагалъ предоставить разсмотрѣніе этихъ статей министрамъ и главнымъ начальникамъ соотвѣтствующихъ вѣдомствъ.

Прочитавъ *resumé* 3-го тома, Государь изволилъ отозваться, что книга представляетъ большой интересъ и что относительно ея изданія можно было бы поступить по примѣру первыхъ двухъ

томовъ, т. е. предложить автору, чрезъ барона Мейендорфа, измѣнить или исключить нѣкоторыя статьи,—и черезъ него же переслать денежное пособіе въ прежнемъ размѣрѣ, т. е. 3000 руб. Относительно измѣненія нѣкоторыхъ статей Государь изволилъ замѣтить, что требовать этого по правиламъ нашей цензуры невозможно и не нужно, такъ какъ это сочиненіе не правительственное, а иностранное, и будетъ, въ свое время, подлежать дѣйствию цензуры на общемъ основаніи, въ особенности—при переводѣ на русскій языкъ; но что отъ министровъ и главноуправляющихъ можно потребовать замѣчаній только на важнѣйшіе предметы, съ указаніемъ тѣхъ измѣненій, какія окажутся желательными или необходимыми для исправленія явныхъ и значительныхъ погрѣшностей въ изложеніи нѣкоторыхъ статей и числовыхъ показаній.

Вслѣдствіе этого министръ государственныхъ имуществъ обратился къ оберъ-прокурору Св. Синода и къ управляющимъ II-мъ Отдѣленіемъ С. Е. И. В. Канцеляріи и министерствами иностранныхъ дѣлъ, морскимъ и военнымъ съ предложеніемъ сообщить фактическія замѣчанія и поправки къ 3-му тому сочиненія Гакстгаузена. Эти замѣчанія, вскорѣ доставленные, касались преимущественно статистическихъ неточностей и нѣсколькихъ ошибокъ, происшедшихъ отъ незнанія авторомъ русскаго языка. Они были немедленно сообщены Гакстгаузену для соотвѣтствующихъ измѣненій во французскомъ переводѣ книги.

Между тѣмъ, нѣмецкое изданіе 3-го тома было рассмотрѣно нашею цензурою и допущено къ обращенію въ Россіи, однако—съ исключеніемъ трехъ мѣстъ, признанныхъ предосудительными, и съ запрещеніемъ переводить книгу на русскій языкъ. Такая же мѣра была примѣнена впослѣдствіи и къ французскому изданію книги.

Въ октябрѣ 1854 года Гакстгаузенъ прислалъ, для поднесенія Государю, свое новое сочиненіе, на англійскомъ языкѣ, «О Закавказскомъ краѣ». Государь обратился къ гр. Киселеву съ вопросомъ: что было сдѣлано для автора по случаю представленія имъ перваго своего сочиненія о Россіи и не нужно ли оказать ему какой-либо знакъ Монаршаго благоволенія за

вновь поднесенную книгу. По справкѣ оказалось, что на путешествіе Гакстгаузена и на изданіе его сочиненія было израсходовано 13.319 р. 23 к. Гр. Киселевъ полагалъ, что за послѣднее сочиненіе можно было бы наградить автора брилліантовымъ перстнемъ; а такъ какъ онъ продолжаетъ издавать сочиненія свои о Россіи и печатаетъ многія статьи въ журналахъ, то съ окончаніемъ войны могъ бы быть пожалованъ ему и орденъ.

Мнѣніе министра государственныхъ имуществъ было одобрено Государемъ, и барону Гакстгаузену посланъ перстень. Быль-ли онъ награжденъ впослѣдствіи еще и орденомъ — изъ дѣла не видно.

О водвореніи въ Россіи Запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ за-Дуная въ 1828 году.

Составилъ П. А. Шафрановъ.

Въ 1828 году, въ началѣ войны Россіи съ Турціей, часть запорожскихъ казаковъ, жившихъ съ 1775 года за Дунаемъ, снова перешла въ Россію подъ предводительствомъ кошевого атамана Осипа Мих. Гладкаго. Возвратившіеся запорожцы и ихъ семьи были поселены на берегу Азовскаго моря, въ такъ называемой Бердянской пустоши, около Маріуполя и изъ нихъ было составлено новое казачье войско, названное *Азовскимъ*. Фактъ этотъ имѣетъ значеніе не только для исторіи колонизаціи нашихъ южнорусскихъ степей, но также и для исторіи стараго Запорожскаго казачества: возвращеніе запорожцевъ въ Россію составляетъ послѣдній фазисъ въ исторіи когда-то знаменитой Запорожской сѣчи на Днѣпрѣ. Съ выходомъ части запорожцевъ въ Россію, пала и осталная сѣчь за Дунаемъ, будучи разорена разгнѣванными турками и разными жителями Добруджи, бывшими сосѣдями запорожцевъ; а перешедшіе въ Россію запорожцы, проживши нѣсколько десятилѣтій въ видѣ особаго казачьяго войска, частью слились потомъ съ своими единоплеменниками — черноморцами, а большею частью обратились въ мирныхъ жителей, — мѣщанъ и крестьянъ; немногіе, впрочемъ, ушли снова за Дунай, доживать свой вѣкъ хотя и привольно, но уже разрозненно, въ

качествѣ «рыбалокъ», «мельниковъ» и. т. п. Въ литературѣ о возвращеніи въ Россію запорожцевъ имѣется очень мало свѣдѣній: сообщается собственно только о самомъ фактѣ выхода запорожцевъ изъ-за Дуная, о представленіи Осипа Мих. Гладкаго Государю Николаю Павловичу и объ образованіи изъ переселенцевъ новаго казачьяго войска; сообщается вкратцѣ біографія Гладкаго; ¹⁾ но ни о предварительныхъ переговорахъ русскаго правительства съ кошевымъ атаманомъ и казаками, ни о правахъ и привилегіяхъ, которыхъ просили себѣ запорожскіе казаки, ни о водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ матеріалъ для этого имѣется довольно полный, даже въ архивѣ М-ва Госуд. Имуществъ, хотя дѣло о переходахъ и водвореніи казаковъ въ Россіи производилось собственно въ другомъ учрежденіи. Въ Архивѣ М-ва Госуд. Имуществъ имѣются главнымъ образомъ свѣдѣнія о водвореніи запорожцевъ въ Россіи, на правахъ особаго казачьяго войска, о надѣленіи ихъ землями и другими угодьями, о приселеніи къ нимъ малороссійскихъ казаковъ, о присоединеніи цѣлыхъ селеній государственныхъ крестьянъ къ Азовскому войску, о правахъ и привилегіяхъ, дарованныхъ войску и, наконецъ, о его упраздненіи ²⁾; но о предварительныхъ переговорахъ съ запорожцами до перехода ихъ въ Россію свѣдѣній пока не имѣется.

Прежде чѣмъ говорить о водвореніи запорожцевъ въ Россіи, необходимо напомнить въ немногихъ словахъ о судьбѣ запорожскаго войска за Дунаемъ до 1828 года.

Послѣ разоренія Запорожской сѣчи на Днѣпрѣ въ 1775 году, какъ извѣстно, часть запорожцевъ, около 5000 человекъ, не желая разстаться съ своею привольною жизнью, ушла подъ начальствомъ одного изъ полковыхъ старшинъ въ турецкіе предѣлы и поселилась, съ разрѣшенія Порты, въ дельтѣ Дуная.

¹⁾ Русская Старина 1881 г. т. XXX, стр. 381 — 392, «О. М. Гладкій», біографическій очеркъ. Проф. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, часть 3-я, гл. VII-я.

²⁾ Указанныя свѣдѣнія находятся въ слѣдующихъ дѣлахъ Архива М-ва Гос. Им. по бывшему Департаменту Государств. Имуществъ: №№ 1147, 1758, 1764 и 2569; кромѣ того по б. 2-му Д-ту IX Отд. № арх. 430, 1865 г. въ 2-хъ частяхъ.

Турки дали имъ названіе Буткальскихъ казаковъ. О жизни запорожцевъ за Дунаемъ нѣтъ другихъ точныхъ извѣстій, кромѣ рассказовъ запорожскихъ старожиловъ, и главнымъ образомъ — Ан. Ив. Коломійца ¹⁾).

Изъ этихъ рассказовъ видно, что запорожцы нѣсколько разъ мѣняли свое мѣстопробываніе за Дунаемъ. До 1785 года они жили разбросанно по всей Дунайской дельтѣ; въ 1785 году, вслѣдствіе, вѣроятно, несогласія съ некрасовцами, ²⁾ переселились въ Банатъ (въ Австрію), гдѣ прожили въ качествѣ „*границаръ*“ не долго и снова переселились въ турецкія владѣнія, ближе къ устью Дуная, именно въ Сеймены, между Силистріей и Гирсовомъ. Здѣсь сѣчь, не имѣя правильнаго устройства и единства, существовала до 1814 года. Въ этомъ году она была перенесена въ самую дельту Дуная—въ Дунаевецъ (въ Добруджѣ), откуда предварительно вытѣснены были, послѣ кровопролитной борьбы, другіе русскіе выходцы—некрасовцы. Въ Дунаевцѣ сѣчь осталась до конца своего существованія. Въ первые годы XIX столѣтія Запорожская сѣчь имѣла около 10 тыс. душъ обоего пола; Запорожскій кошъ дѣлился на 38 куреней.

Благодаря невмѣшательству турецкаго правительства во внутреннюю жизнь запорожцевъ, они могли сохранить въ главныхъ чертахъ свое прежнее устройство и управленіе, хотя къ концу существованія Задунайской сѣчи сталъ замѣчаться въ ней упадокъ военнаго духа и развитіе семейнаго начала: число райи, т. е. семейныхъ казаковъ, стало значительно; казаки сдѣлались усидчивѣе,—отъ охоты, рыбной ловли и отхожихъ промысловъ они начали переходить къ земледѣльческому хозяйству.

Но изъ Задунайской сѣчи въ новомъ ея отечествѣ не успѣла выработаться самобытная и прочная община; причина этого лежитъ въ томъ фальшивомъ политическомъ положеніи, какое занимали запорожцы въ Турціи. Фальшивость положенія ихъ прояв-

¹⁾ Кондратовичъ. Задунайская Сѣчь, Кіевская Старина 1883 г. 1, 2 и 4.

²⁾ Некрасовцами наз. донскіе казаки—раскольники, ушедшіе подъ предводительствомъ Некрасова въ турецкіе предѣлы еще раньше запорожцевъ, именно въ началѣ XVIII столѣтія.

лялась всякій разъ, какъ Турція начинала войну или съ Россіей, или съ какимъ либо изъ подчиненныхъ Турціи единоплеменныхъ и единовѣрныхъ казакамъ народовъ, напр., сербами, греками: запорожцы должны были или воевать съ своими единовѣрцами, или же выселяться изъ Турціи въ Россію. Часть казаковъ предпочитала сражаться въ турецкихъ войскахъ, но многіе передъ началомъ подобной войны обыкновенно уходили въ Россію. Такихъ переходовъ было не мало. Въ 1805 году нѣсколько казаковъ Баудринскаго куреня моремъ пробрались въ Одессу и явились къ герцогу Ришелье. Послѣдній отправилъ ихъ, какъ и всѣхъ другихъ, которые являлись къ нему потомъ, въ подчиненное ему тогда Черноморское войско, на Кубань. Въ 1806 году много запорожцевъ перешло изъ-за Дуная въ войско генерала Михельсона, главнокомандующаго арміей на Дунаѣ; изъ нихъ составленъ былъ особый отрядъ, названный Усть-дунайскимъ Буджакскимъ казачьимъ войскомъ, которое просуществовало года два-три и было упразднено, а старшина и всѣ войсковые знаки переведены въ Черноморское войско. Затѣмъ были переходы запорожцевъ передъ войной съ сербами въ 1817 году и съ греками въ 1821 и 1825 годахъ. Въ 1821 году, передъ войной Турціи съ Греціей, около 800 запорожцевъ, подъ вліяніемъ убѣжденій аѳонскаго архимандрита Филарета не воевать съ единовѣрнымъ имъ народомъ, уѣхали изъ сѣчи въ Одессу, а оттуда разбрелись по хуторамъ; нѣкоторые изъ нихъ вернулись потомъ снова въ сѣчь а часть присоединилась впослѣдствіи къ Азовскому войску. Не смотря на то, что переселенія запорожцевъ въ Россію происходили довольно часто, какихъ либо опредѣленныхъ постановленій объ условіяхъ ихъ пріема и поселенія, о правахъ и привилегіяхъ ихъ не было; поэтому администраціи той мѣстности, гдѣ селились запорожцы, приходилось обращаться въ центральныя управленія, — въ министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ за разрѣшеніемъ вопроса объ условіяхъ ихъ поселенія. Подобнаго рода переписка возникла, напримѣръ, въ 1826 году по почину полномочнаго намѣстника Бессарабской области гр. Воронцова, который, въ виду предполагавшихся переселеній запорожцевъ въ Бессарабію, обратился въ министерство финансовъ съ просьбою оказать

ему содѣйствіе къ испрошенію Высочайшаго соизволенія на то, чтобы запорожцы были поселены на правахъ иностранныхъ колонистовъ. Министерство финансовъ отозвалось, что если дать переселяющимся изъ-за Дуная запорожцамъ всѣ права иностранныхъ колонистовъ (какковы: свобода вѣры, освобожденіе отъ подушнаго оклада и рекрутской повинности, свобода выѣзда за границу, внутреннее самоуправленіе и пр.), то необходимо будетъ и подчинить ихъ колонистскому управленію наравнѣ съ другими колонистами. Министерство финансовъ при этомъ выражало сомнѣніе въ томъ, что запорожцы удовлетворятся и такими, по его мнѣнію, широкими правами колонистовъ; ему казалось, что запорожцы добивались колонистскихъ правъ и преимуществъ единственно для своихъ видовъ независимости, при которой они, конечно, не могутъ быть полезны государству. Оно предполагало поэтому оказывать имъ покровительство, надѣлять землею, давать нѣкоторыя временныя льготы отъ податей и повинностей, но не давать правъ колонистовъ ¹⁾. Въ виду ли этого мнѣнія, или независимо отъ него, но черезъ два года поселившіеся въ Бессарабіи запорожцы получили опредѣленное устройство, именно въ 1828 году. Въ 1828 году изъ бывшихъ Буджакскихъ казаковъ, оставшихся въ Бессарабіи и изъ новыхъ выходцевъ изъ-за Дуная образовано было два полка, которые были названы Дунайскимъ войскомъ.

Въ томъ же году состоялось новое и самое значительное переселеніе запорожцевъ въ Россію, положившее конецъ существованію самой сѣчи за Дунаемъ. Въ 1827 году Задунайскіе сѣчевики выбрали кошевымъ атаманомъ Осипа Мих. Гладкаго, котораго тогда-же султанъ назначилъ двухъ-бунчужнымъ пашею. Для новаго кошевого и казаковъ въ скоромъ времени наступили тяжелыя минуты. Готовилась война Турціи съ Россіей, и кошевому данъ былъ приказъ отъ визиря сформировать отрядъ войска изъ казаковъ и явиться съ нимъ въ Силистрію. Одна часть казаковъ, преимущественно семейныхъ или райи, и самъ кошевой, выдвинутый, нужно замѣтить, благодаря этой самой райѣ, не желая войны, склонялись на переходъ въ Россію; другая же часть казаковъ, главнымъ об-

¹⁾ Дѣло Д-та Гос. Им. 1826 г. № 2569.

разомъ безсемеинныхъ или «бурлаковъ», какъ они назывались въ сѣчи, не желала разстаться съ привольною жизнью на Дунаѣ и предпочитала скорѣе вступить въ турецкое войско. Вслѣдствіе такого раздѣленія казаковъ Гладкій боялся объявить открыто о своемъ желаніи перейти въ Россію. Онъ предпочелъ сперва удалить изъ сѣчи враждебный ему элементъ, — а это сдѣлать было тогда легко, такъ какъ нужно было, наконецъ, исполнить уже третье требованіе визиря о присылкѣ отряда казаковъ. Гладкій, собравши около двухъ тысячъ казаковъ, преимущественно такихъ, на переходъ которыхъ въ Россію онъ не могъ разсчитывать, повелъ ихъ самъ въ Силистрію, чтобы такимъ образомъ увѣрить и визиря, и казаковъ, что онъ не замышляетъ ничего противъ нихъ дурного. Приведя отрядъ въ Силистрію, онъ явился къ визирю и заявилъ, что привелъ пока только двѣ тысячи казаковъ, а остальныхъ не успѣлъ еще собрать по плавнямъ и поэтому поидетъ собирать оставшихся казаковъ, а затѣмъ заберетъ райю и отведетъ въ Адрианополь, такъ какъ, по случаю войны, сѣчь не можетъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ. Успокоивши такимъ образомъ визиря и казаковъ, Гладкій вернулся въ сѣчь и тогда уже объявилъ оставшимся казакамъ о своемъ намѣреніи перейти въ Россію. Это извѣстіе произвело въ сѣчи панику, такъ какъ рѣшеніе Гладкаго было для многихъ неожиданнымъ; всѣ стали наскоро собирать свое имущество, чтобы бѣжать изъ сѣчи, одни — въ предѣлы Россіи, другіе же, не желавшіе переходить въ Россію, хотѣли укрыться въ камыши и плавни дельты Дуная. Гладкій, между тѣмъ, не дождавшись, пока соберется въ путь райя съ женами и имуществомъ, ушелъ изъ сѣчи съ своими приверженцами изъ безсемеинныхъ казаковъ, которыхъ было около 550 человекъ, 9 мая 1828 г. съ казаками переправился черезъ Килийское гирло Дуная и явился въ Измаиль, гдѣ въ то время была главная квартира русской арміи и находился Самъ Государь Николай Павловичъ. Спустя нѣсколько дней перешли черезъ Дунай и остальные казаки, какъ «бурлаки», т. е. безсемеинные, такъ и райя съ женами и дѣтьми, со всѣмъ имуществомъ и скотомъ. 20-го мая Гладкій представился Государю, чтобы лично засвидѣтельствовать о желаніи своемъ и перешед-

шихъ съ нимъ казаковъ возвратиться въ свое отечество. Государь принялъ Гладкаго очень милостиво и, какъ извѣстно, пожаловалъ ему дворянство, чинъ полковника и назначилъ командиромъ полка, который тогда-же былъ образованъ изъ перешедшихъ съ Гладкимъ 550 казаковъ и получилъ названіе Усть-Дунайскаго полка. Этотъ полкъ былъ оставленъ на службѣ при арміи, а остальные казаки и семейства ихъ содержались на счетъ суммъ 2-й арміи. Впрочемъ, содержать ихъ пришлось на этотъ разъ не долго, такъ какъ вскорѣ русскія войска заняли Добруджу и казаки съ семьями были въ концѣ того-же года переведены обратно за Дунай; они поселились на прежнихъ мѣстахъ и занялись по-прежнему хлѣбопашествомъ и рыбной ловлей. По окончаніи войны, въ 1829 году, они снова должны были переправиться въ Бессарабію. Въ это время переправилось въ Россію 346 семействъ, въ которыхъ считалось 716 душъ мужескаго и 668 женскаго пола, да кромѣ того перешло 374 «бурлаковъ», т. е. бобылей. Казаки гнали передъ собою большія стада лошадей, рогатаго скота и овецъ, а сзади слѣдовали за ними цѣлыя сотни кибитокъ съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Переселенцы были временно поселены въ Аккерманскіе уѣзды, пока рѣшался вопросъ, гдѣ они будутъ поселены окончательно.

Вопросъ о водвореніи казаковъ на постоянное жительство возникъ еще послѣ перваго переселенія ихъ, въ 1828 году. Первоначально, судя по успѣхамъ войны, отдавшей во власть Россіи устье Дуная, предполагалось поселить запорожцевъ при устьѣ Дуная; но скоро предположеніе это оказалось неудобноисполнимымъ, и тогда избраны были для водворенія ихъ земли, лежація около города *Анапы*, по лѣвому берегу Кубани, въ сосѣдствѣ съ родственнымъ задунайскимъ казакамъ Черноморскимъ войскомъ.

Полковникъ Гладкій въ концѣ 1828 года лично осматривалъ земли около Анапы и, найдя всѣ удобства для поселенія на нихъ казаковъ, представилъ тогда же Государю записку объ условіяхъ поселенія близъ Анапы, а также и вообще о правахъ и привилегіяхъ казаковъ. Для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, касавшихся поселенія казаковъ, по Высочайшему повелѣнію спрашивались мнѣнія многихъ правительственныхъ лицъ; Императоръ Николай Пав-

ловичъ и Самъ принималъ непосредственное и дѣятельное участіе въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ: кромѣ чтенія всѣхъ предположеній и мнѣній, Онъ дѣлалъ собственноручно замѣтки по предложеннымъ Гладкимъ статьямъ о правахъ и привилегіяхъ казаковъ и относился къ новымъ переселенцамъ, съ большимъ сочувствіемъ. Онъ утвердилъ почти безъ ограниченій большую часть предложенныхъ Гладкимъ статей; но въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ просимыхъ привилегій были ограничены.

Статьи, предложенныя Гладкимъ въ 1828 г. и касавшіяся привилегій и правъ войска, а также и единовременныхъ льготъ, были слѣдующія:

1) Въ уваженіе понесенныхъ запорожцами, при выходѣ ихъ изъ турецкихъ владѣній, потерь въ скотоводствѣ и другихъ частяхъ хозяйства, назначить имъ на постройку церкви, домовъ и госпиталя, а также на другія хозяйственныя заведенія единовременно 95.160 рублей.

Удовлетвореніе этой просьбы находили необходимымъ, хотя и не въ такомъ количествѣ, всѣ лица, у которыхъ, по Высочайшему повелѣнію, спрашивались мнѣнія по поводу докладной записки Гладкаго, именно: генераль-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій и графъ Паскевичъ-Эриванскій; министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; а также Новороссійскій и Бессарабскій генераль-губернаторъ графъ Воронцовъ и Новороссійскій генераль-губернаторъ генер.-лейт. Красовскій. Въ запискѣ, поданной Гладкимъ позднѣе, сумма пособія была уменьшена до 81.260 рублей.

2) Дозволить запорожцамъ свободную продажу горячихъ напитковъ, а въ случаѣ, если они пожелаютъ отдавать продажу напитковъ на откупъ, то дозволить выручаемыя за это деньги употреблять на постройку церкви, госпиталя и дома для войскового управленія.

3) Дозволить ловлю рыбы въ Черномъ морѣ безъ платежа денегъ.

4) Дозволить казакамъ получать безплатно соль (по три пуда на каждую душу муж. и жен. пола ежегодно) изъ озеръ Черноморскаго войска.

Противъ этой статьи Государь собственноручно отмѣтилъ: «Со-

гласенъ», а графъ Паскевичъ-Эриванскій далъ отзывъ, что соли въ Черноморскихъ озерахъ такъ много, что при поселеніи запорожцевъ близъ Анапы можно безъ всякаго неудобства дозволить имъ пользоваться ею.

Графъ Воронцовъ и впослѣдствіи министръ финансовъ полагали, напротивъ, что безденежный отпускъ соли можетъ произвести многія злоупотребленія. Тѣмъ не менѣе, съ Высочайшаго соизволенія запорожцамъ разрѣшенъ отпускъ соли по 2 пуда на душу.

5) Всѣмъ запорожцамъ, вышедшимъ въ Россію въ 1828 г. (а впослѣдствіи сюда включены были и всѣ тѣ, которые вошли въ составъ войска позднѣе), дать со времени прибытія ихъ на мѣста поселенія семилѣтнюю льготу отъ всѣхъ воинскихъ и земскихъ повинностей.

Противъ этого пункта условій Государь отмѣтилъ: «Отъ воинскихъ не будетъ возможность избавить, ибо они должны будутъ помогать къ собственной своей защитѣ; земскихъ же не должны нести никогда».

Графъ Воронцовъ, не имѣя въ виду Высочайшей воли, полагалъ (въ 1830 г.), что полезнѣе было бы даровать запорожцамъ при поселеніи ихъ около Анапы вмѣсто просимой 7-лѣтней — 10-лѣтнюю льготу.

6) Обмундированіе Дунайскаго пѣхотнаго полка, когда онъ будетъ на службѣ, производить отъ казны. Если же этотъ полкъ будетъ не нуженъ, то отправить его на мѣсто водворенія запорожцевъ для занятія хозяйствомъ, съ предоставленіемъ также права на семилѣтнюю льготу.

7) Въ случаѣ, если снова потребуется на службу конный или пѣхотный казачій полкъ, то обмундировку производить отъ казны и по истеченіи льготныхъ лѣтъ.

8) Отпускать всѣмъ запорожцамъ продовольствіе отъ казны впредь до снятія съ полей ихъ перваго посѣва хлѣба.

Противъ этой статьи Государь написалъ: «Согласенъ».

9) Чтобы всѣ дѣла уголовныя, касающіяся казаковъ, рѣшались военными судами, а прочія гражданскія дѣла рѣшались бы губернскими судами при депутатѣ со стороны запорожцевъ, причемъ и

послѣднія, однако, должны, до приведенія ихъ въ исполненіе, посылаться на заключеніе начальнику войска—наказному атаману.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій по поводу этой статьи высказалъ мнѣніе, что въ управленіи казаковъ должно сообразоваться съ положеніемъ, изданнымъ для Черноморскаго войска, на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) власть исполнительную и полицейскую предоставить атаману съ двумя совѣтниками изъ войска, назначивъ къ нимъ опытнаго писмоводителя, бухгалтера и писцовъ;

б) атаманъ и совѣтники должны составлять также военный судъ, который бы рѣшалъ окончательно всѣ дѣла о преступленіяхъ нижнихъ чиновъ, не влекущихъ за собою большихъ наказаній, (сходно съ положеніемъ о Черноморскомъ войскѣ). Дѣла же уголовныя, а также о дворянахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ, представлять на утвержденіе его,—графа Паскевича-Эриванскаго;

в) дѣла о людяхъ, не принадлежащихъ къ войску, а также о женщинахъ, по учиненіи слѣдствій войсковымъ начальствомъ, рѣшать въ гражданскомъ судѣ при депутатѣ отъ войска;

г) тяжбы и исковыя дѣла производить (сходно положенію о Черноморскомъ войскѣ), сначала мировымъ судомъ и переносить въ гражданскій судъ только въ случаяхъ, означеннымъ положеніемъ допускаемыхъ; при этомъ долженъ быть тамъ депутатъ отъ войска, который долженъ имѣть равный голосъ съ прочими чинами.

10) Воинскихъ чиновъ войска, въ льготные годы, употреблять попеременно въ слѣдственные дѣла вмѣсто земской полиціи, въ смотрители къ магазинамъ, рыбнымъ заводамъ и къ другимъ дѣламъ по устройству сего войска, не требуя имъ за это жалованья. Противъ этой статьи Государь написалъ: «можно».

Но въ послѣдствіи, при подачѣ новой записки, Гладкій уже просилъ всѣмъ означеннымъ лицамъ назначить жалованье по чину, на что разрѣшенія тотчасъ не послѣдовало, а предоставлено было Новороссійскому генераль-губернатору гр. Палену опредѣлить, въ какой мѣрѣ можно допускать воинскихъ чиновъ къ занятію перечисленныхъ должностей и изъ какихъ источниковъ назначить имъ жалованье.

11) Для производства письменных дѣлъ опредѣлить, съ утвержденія Новороссійскаго генераль-губернатора, письмоводителя, бухгалтера и двухъ писцовъ, съ назначеніемъ имъ жалованья, — и отпускать ежегодно сумму на канцелярскіе расходы.

Противъ этой статьи Государь написалъ: *«въ свое время»*.

12) На чрезвычайные расходы по войску назначить въ отпускъ особую сумму.

Противъ этой статьи Государь написалъ: *«по усмотрѣнію графа Паскевича»*.

Гр. Паскевичъ въ своей запискѣ относилъ къ могущимъ быть у войска экстраординарнымъ издержкамъ только расходы на угощеніе могущихъ пріѣзжать въ войско горцевъ и для развѣдокъ между ними; а на это полагалъ достаточнымъ ежегодно сумму въ 3 т. руб.

13) Опредѣлить, для прекращенія могущихъ оказаться въ войскѣ болѣзней, медика и двухъ фельдшеровъ.

Противъ этой статьи Государь написалъ: *«по положенію прочихъ казачьихъ полковъ»*.

14) Полковникъ Гладкій просилъ назначить ему столовые деньги.

О производствѣ Гладкому столовыхъ денегъ съ тѣмъ, чтобы право на полученіе ихъ не распространять на преемниковъ его, ходатайствовалъ графъ Дибичъ-Забалканскій; точно также считалъ нужнымъ увеличить содержаніе его и графъ Воронцовъ, полагая этимъ утвердить привязанность къ престолу какъ въ немъ, такъ и въ подчиненныхъ ему казакахъ.

Поселеніе запорожцевъ около Анапы не могло, однако, состояться въ скоромъ времени вслѣдствіе того, что горцы еще не были покорены и край этотъ подвергался постояннымъ нападеніямъ съ ихъ стороны.

Рѣшено было отложить переселеніе туда запорожцевъ до болѣе удобнаго времени. Тогда Гладкій просилъ поселить казаковъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ Бессарабской области, у Днѣпровскаго лимана. При этомъ онъ снова представилъ (въ концѣ 1829-го г.) условія, на которыхъ желалъ, чтобы запорожцы поселились въ этой

мѣстности. Условія почти тѣ же, какія онъ представлялъ раньше по поводу поселенія близъ Анапы. Онъ просилъ, между прочимъ, о дозволеніи казакамъ производить рыбную ловлю, безъ платежа пошлинъ, въ Днѣпровскомъ лиманѣ, Днѣстрѣ, въ озерахъ по правому берегу рѣки, а также въ Цареградскомъ гирлѣ Дуная и Черномъ морѣ; пользоваться безпошлинно солью изъ Бессарабскихъ казенныхъ озеръ и казеннымъ камышомъ по берегамъ Днѣстра; просилъ отпустить на возведеніе нужныхъ строеній и на устройство хозяйства уже не 95 тыс., а только 84 тыс. руб., освободить на 7 лѣтъ отъ повинностей и позволить казакамъ начать переходъ черезъ Дунай изъ турецкихъ владѣній по частямъ, причемъ скотъ пропустить черезъ карантинъ безъ выдержанія карантиннаго термина, послѣ одной окурки.

Записка Гладкаго была передана на разсмотрѣніе Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора графа Воронцова; послѣдній въ отвѣтъ на эту записку сообщилъ управляющему главнымъ штабомъ гр. Чернышеву, что пустопорожней земли при Днѣпровскомъ лиманѣ нѣтъ ни одной десятины и нельзя водворить тамъ запорожцевъ; въ другихъ мѣстахъ Аккерманскаго уѣзда было много пустопорожнихъ земель, но всѣ эти земли безъ воды и безъ угодьевъ, необходимыхъ запорожцамъ. Поэтому гр. Воронцовъ предлагалъ остановиться на прежнемъ предположеніи — поселить казаковъ близъ Анапы, какъ только обстоятельства позволятъ это, а до тѣхъ поръ — временно поселить ихъ близъ г. Керчи, гдѣ они могутъ заняться рыбнымъ промысломъ, а между тѣмъ близкое разстояніе Керчи отъ Анапы дастъ возможность водвориться близъ послѣдней на постоянное жительство безъ особеннаго разстройства, которому они должны были бы неизбѣжно подвергнуться при дальнемъ переходѣ изъ временныхъ своихъ жилищъ въ Бессарабію. Если же близъ Керчи не нашлось бы свободныхъ земель, то гр. Воронцовъ предлагалъ отвести казакамъ квартиры въ Аккерманскомъ уѣздѣ, съ выдачею имъ провіанта отъ казны. Такой же неблагопріятный отвѣтъ графъ Воронцовъ далъ и на нѣкоторые другіе пункты записки Гладкаго; такъ, относительно просимаго послѣднимъ права производить рыбную ловлю на правомъ берегу Днѣстра и въ лиманѣ графъ Воронцовъ отвѣтилъ,

что рыбная ловля въ тѣхъ мѣстахъ воспрещена карантинными правилами и что эти правила нельзя измѣнить, пока существуетъ сомнѣніе относительно Молдавіи и Валахіи, и особенно Бабадагской и Базарджинской областей.

Относительно же карантина онъ считалъ возможнымъ сдѣлать только ту уступку, что рогатый скотъ, лошадей и овецъ можно было пропустить обратно черезъ Дунай въ Бессарабію только по одномъ обмытіи водою, но съ тѣмъ, однако, чтобы запорожцы заблаговременно выслали въ карантинъ нѣсколько человѣкъ, которые, выдержавъ извѣстный терминъ, могли бы по выходѣ изъ карантина присматривать за скотомъ въ то время, когда остальные запорожцы будутъ находиться въ карантинѣ.

Въ то время, когда шла переписка о невозможности поселить казаковъ близъ Анапы и о выборѣ новаго мѣста для поселенія, уже приближалось время окончательнаго выступленія русскихъ войскъ изъ Болгаріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлась неотложная необходимость вывести запорожцевъ на лѣвый берегъ Дуная и приискать имъ мѣста для прочнаго водворенія; вслѣдствіе этого, тотчасъ по полученіи отвѣта графа Воронцова на записку Гладкаго, состоялось Высочайшее повелѣніе на имя гр. Воронцова: приступить немедленно къ выводу запорожскихъ казаковъ въ Бессарабію на тѣхъ условіяхъ относительно карантина, какія были предложены гр. Воронцовымъ, а затѣмъ потребовать отъ нихъ нѣсколько человѣкъ депутатовъ, которыхъ отправить немедленно въ Керчь вмѣстѣ съ чиновниками, по избранію генераль-губернатора, для осмотра мѣстъ около этого города и для разрѣшенія вопроса, не выгоднѣе ли будетъ поселить запорожцевъ, вмѣсто Анапы, въ окрестностяхъ Керчи, на правахъ особаго казачьяго войска; до рѣшенія этого вопроса оставить запорожцевъ въ Бессарабіи на временныхъ квартирахъ съ отводомъ пастбищъ для скота на свободныхъ земляхъ. Результаты осмотра земель около Керчи оказались неблагопріятными: не было ни свободныхъ земель для поселенія, ни необходимыхъ удобствъ; поэтому гр. Воронцовъ предложилъ полковнику Гладкому осмотрѣть лично свободныя земли въ Екатеринославской губерніи, близъ города Мариуполя. Гладкій, осмотрѣвши указанныя

земли, нашелъ выгодною для поселенія казаковъ такъ называемую Бердянскую пустошь Мариупольскаго уѣзда, заключавшую въ себѣ 43.141 дес. свободной земли, и просилъ утвердить эту землю за запорожскимъ войскомъ съ тѣми правами и преимуществами, которыя излагались въ поданной имъ вновь запискѣ. Новыми условіями въ этой запискѣ являются только тѣ, въ которыхъ говорится о землѣ, ея границахъ и распредѣленіи между казаками. Количество земли, заключавшееся въ Бердянской пустоши, было, по видимому, даже въ глазахъ Гладкаго велико сравнительно съ числомъ казаковъ ¹⁾, такъ какъ онъ счелъ нужнымъ объяснить, что излишнее количество земли понадобится для надѣленія холостыхъ запорожцевъ, когда они женятся, затѣмъ—для тѣхъ, которые со временемъ могли бы перейти изъ Турціи и, наконецъ, для назначенія участковъ 17-ти оберъ-офицерамъ запорожскаго войска, которые не имѣютъ никакихъ другихъ средствъ къ содержанію. Для окончательнаго утвержденія за казаками избраннаго участка земли являлось еще два затрудненія, разрѣшенія которыхъ Гладкій испрашивалъ у правительства. Первое затрудненіе состояло въ томъ, что къ мѣстамъ избраннаго участка прилегала граница земель, назначенныхъ для водворенія «израильскихъ христіанъ» ²⁾; а такъ какъ при такомъ близкомъ сосѣдствѣ могли произойти ссоры между тѣми и другими поселенцами, то для избѣжанія этого, Гладкій просилъ отдалить границу земель израильскихъ поселенцевъ, предоставивъ, такимъ образомъ, еще 4000 десятинъ во владѣніе запорожцевъ. Второе затрудненіе было въ томъ, что избранная для запорожцевъ земля состояла въ арендномъ содержаніи у крестьянъ смежныхъ селеній и срокъ аренды истекалъ только въ концѣ 1831 года. Гладкій просилъ поэтому разрѣшить запорожцамъ постройку домовъ и посѣвъ хлѣба съ наступавшей весны (1831 года), предоставивъ арендаторамъ право пользоваться только засѣянною ими землею, съ платежемъ аренды лишь за ту землю, которая занята посѣвами. При этомъ просилъ также о дозволеніи

¹⁾ Въ это время число казаковъ обоюго пола было, какъ значится въ запискѣ, 2319 душъ; на каждую, слѣдовательно, приходилось по 18 десятинъ земли.

²⁾ Такъ назывались еврей-колонисты, принявшіе христіанство.

запорожцамъ: а) для постройки домовъ и для другихъ хозяйственныхъ надобностей вырубить мелкій лѣсъ и хворостъ изъ казенныхъ дачъ Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, и б) строить рыбачьи избы по берегамъ Азовскаго моря, принадлежавшимъ казеннымъ крестьянамъ и ногайцамъ. По поводу приведенныхъ затрудненій, а также и по поводу всей записки Гладкаго Государь пожелалъ узнать мнѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, предсѣдателя комитета опекунства израильскихъ христіанъ кн. Голицына и министра финансовъ гр. Канкринъ. Первые два лица дали благопріятные отвѣты на вопросы, касавшіеся ихъ вѣдомства, а графъ Канкринъ, высказавшій свое мнѣніе по многимъ вопросамъ записки, отнесся несочувственно какъ къ самимъ запорожцамъ, такъ и къ поселенію ихъ около Мариуполя и ко многимъ статьямъ о правахъ и привилегіяхъ войска. Поселеніе казаковъ на земляхъ близъ Мариуполя гр. Канкринъ находилъ неудобнымъ потому, что эти земли приносили казнѣ ежегоднаго дохода болѣе 10 тыс. рублей; къ тому же онѣ предназначались для другихъ цѣлей и, между прочимъ, — для поселенія на нихъ малороссійскихъ казаковъ; послѣднимъ предполагалось дать надѣлъ въ 8 дес. на мужскую душу; эту пропорцію гр. Канкринъ считалъ достаточною и для запорожцевъ (вмѣсто 36 дес.).

Отпускъ запорожцамъ 81.260 руб. на постройки и обзаведеніе министръ финансовъ считалъ затруднительнымъ для государственнаго казначейства, особенно если этотъ расходъ потребуется вдругъ.

Дозволить свободную продажу горячихъ напитков «необузданнымъ людямъ», каковы запорожцы, гр. Канкринъ признавалъ совершенно невозможнымъ, такъ какъ это неизбежно повело бы къ корчемству, убійствамъ, разврату сосѣднихъ поселянъ и къ большому упадку откупного дохода; а потому онъ предлагалъ отдавать вольную продажу на откупъ безъ всякаго въ пользу запорожцевъ условія. Отпуска лѣса изъ дачъ Бахмутскаго уѣзда на постройку домовъ запорожцамъ также нельзя было сдѣлать, такъ какъ казенныхъ лѣсовъ въ томъ уѣздѣ была всего 1 десятина, а остальной лѣсъ принадлежалъ или крестьянамъ (1.881 дес.), или Луганскому заводу (1.042 дес.). Постройку рыбачьихъ хижинъ на берегу моря

министръ финансовъ находилъ затруднительною въ виду того, что могли возникнуть жалобы сосѣднихъ мѣщанъ Петровскаго посада на притѣсненія отъ казаковъ. Вообще гр. Канкринъ находилъ, что предположенное поселеніе запорожцевъ весьма дорого обойдется казнѣ, а избранное для нихъ мѣсто близъ Мариуполя считалъ неудобнымъ; поэтому, по его мнѣнію, лучше было бы сразу поселить ихъ при Черноморскомъ войскѣ, близъ Анапы, или же при Донскомъ и Оренбургскомъ войскахъ, или, наконецъ, предоставить имъ свободный выборъ мѣста жительства, записавъ ихъ, напримѣръ, въ крымскихъ городахъ въ мѣщанское сословіе.

По полученіи всѣхъ мнѣній, въ Главномъ Штабѣ составленъ былъ проектъ главнѣйшихъ основаній, на какихъ предполагалось произвести водвореніе запорожскихъ казаковъ въ Новороссійскомъ краѣ. Проектъ былъ Высочайше утвержденъ 5 августа 1831 года. Новаго въ этомъ проектѣ нѣтъ ничего, такъ какъ онъ повторяетъ только тѣ пункты просьбы запорожцевъ, которые изложены были раньше, даже съ указаніемъ подъ ними мнѣній, высказанныхъ министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и княземъ Голицынымъ. Тѣ пункты, подъ которыми раньше стояли неопредѣленные резолюціи, въ новомъ проектѣ выражены уже опредѣленно, напр. пунктъ о канцеляріи наказнаго атамана, о врачебномъ персоналѣ при войскѣ; на нѣкоторыя статьи послѣдовали резолюціи въ первый разъ, напримѣръ, о томъ, что новое войско должно именоваться «*Азовскимъ казачьимъ войскомъ*»; а начальнику войска было присвоено званіе «*Наказнаго атамана*».

Кромѣ того, многія обстоятельства поселенія запорожцевъ и ихъ устройства предоставлены были на соображеніе Новороссійскаго генераль-губернатора графа Палена, которому было дано предписаніе позаботиться о всѣхъ подробностяхъ поселенія и устройства казаковъ; въ его распоряженіе предоставлена была сумма (50 тыс.), назначенная для пособія запорожцамъ; онъ долженъ былъ также привести въ исполненіе всѣ статьи проекта и затѣмъ, когда водвореніе казаковъ состоится, — составить подробное *положеніе* о поселеніи казаковъ съ изъясненіемъ какъ всѣхъ правъ, даруемыхъ Азовскому казачьему войску, такъ и войсковыхъ обязанностей его, ко-

торія должны быть уравнены въ главнѣйшихъ основаніяхъ съ обязанностями другихъ казачьихъ войскъ.

Пока шла переписка о томъ, гдѣ и на какихъ основаніяхъ должны быть поселены запорожскіе казаки, послѣдніе, послѣ вывода ихъ изъ-за Дуная, занимали временныя квартиры въ теченіе зимы съ 1830 до 1831 г. въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. Казакамъ и ихъ семействамъ выдавался во все это время провіантъ изъ казенныхъ магазиновъ, а для скота ихъ отведены были на казенныхъ земляхъ пастбища.

Въ половинѣ 1831 года запорожцы, наконецъ, были переведены на отведенныя имъ земли близъ Маріуполя. Въ это время ихъ числилось, какъ сказано раньше, 420 семействъ, кромѣ 550 чел., служившихъ въ войскѣ. Но въ скоромъ времени число ихъ неожиданно увеличилось болѣе чѣмъ въ полтора раза отъ присоединенія къ войску мѣщанъ посада Петровскаго и казенныхъ крестьянъ села Новоспасовскаго. Присоединеніе этихъ двухъ селеній вызвано было тѣмъ, что казакамъ было дано право ловить рыбу въ Азовскомъ морѣ и строить на берегу его рыбачьи хижины. Земли же казаковъ въ Бердянскоі пустоши ни съ одной стороны, какъ оказалось, не прилегали къ морю; приходилось поэтому проѣзжать къ морю черезъ земли крестьянъ села Новоспасовскаго; да и самыя хижины рыбачьи приходилось строить на земляхъ мѣщанъ Петровскаго посада.

Сначала нужно было уладить дѣло съ мѣщанами. Мѣстная Екатеринославская администрація, основываясь на томъ, что выстроенные мѣщанами на берегу моря четыре рыбныхъ завода или вовсе не дѣйствовали, или сдавались въ аренду постороннимъ лицамъ, находила, что Петровскіе мѣщане не имѣли ни малѣйшей склонности къ занятію рыбной ловлей, а такъ какъ при этомъ они не имѣли и крѣпостныхъ актовъ на владѣніе берегомъ моря, то губернская администрація предлагала отдѣлить казакамъ часть принадлежавшаго мѣщанамъ берега, — по обѣ стороны упомянутыхъ рыбныхъ заводовъ.

Графъ Паленъ находилъ, что подобная отрѣзка у мѣщанъ части ихъ земли на берегу моря произведетъ стѣсненіе въ рыбной ловлѣ

и будетъ служить постояннымъ источникомъ ссоръ ихъ съ казаками; поэтому онъ предложилъ присоединить мѣщанъ Петровскаго посада, въ количествѣ 238 душъ, съ ихъ землями и рыбными заводами къ Азовскому казачьему войску съ предоставленіемъ имъ и всѣхъ правъ, которыми пользовались казаки. Мѣщане приняли это предложеніе безъ сопротивленія, причемъ одни равнодушно говорили, что примутъ съ покорностью все, что имъ будетъ приказано, а другіе даже сами желали этого присоединенія.

Министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, у которыхъ спрашивались мнѣнія по данному вопросу, выразили согласіе на присоединеніе къ войску Петровскаго посада, съ тѣмъ однако (мнѣніе министра финансовъ), чтобы казаки проѣзжали къ морю черезъ землю Новоспасовскихъ крестьянъ только по проѣзженнымъ дорогамъ, не причиняя крестьянамъ никакихъ стѣсненій и убытковъ.

Послѣднее условіе вызвало новое измѣненіе въ составѣ войска. Получивши согласіе министровъ на присоединеніе къ войску Петровскаго посада, гр. Паленъ составилъ проектъ положенія о водвореніи запорожцевъ и представилъ военному министру гр. Чернышеву, а послѣдній внесъ его, по Высочайшему повелѣнію, въ Комитетъ Министровъ.

Разсмотрѣвши этотъ проектъ, Комитетъ Министровъ нашелъ предположенное присоединеніе мѣщанъ Петровскаго посада къ казачьему войску цѣлесообразнымъ, такъ какъ оно удовлетворяло желанію казаковъ имѣть рыбныя ловли и кромѣ того давало имъ возможность пользоваться камышемъ, котораго не было въ отведенномъ имъ участкѣ; но вмѣстѣ съ этимъ Комитетъ указывалъ что пользованіе этими удобствами сопряжено съ большими затрудненіями: казакамъ приходилось проѣзжать къ своему участку на берегъ моря и обратно черезъ обширныя дачи казеннаго села Новоспасовскаго; а при этомъ всегда могли возникать неудовольствія и жалобы крестьянъ, на что уже раньше указывали министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Одного предписанія казакамъ—не причинять стѣсненій и убытковъ крестьянамъ Комитетъ находилъ недостаточнымъ; по его мнѣнію для окончательнаго устраненія неудобствъ могло быть два спо-

соба: или 1) крестьянъ казеннаго села Новоспасовскаго включить, подобно петровскимъ мѣщанамъ, въ составъ вновь учрежденнаго казачьяго войска, и тогда всѣ земли слились-бы въ одно общее владѣніе и всѣ совмѣстные владѣльцы этихъ земель были бы подчинены единообразному управленію, или же 2) если перечисленіе новоспасовскихъ крестьянъ въ казаки по какимъ-либо мѣстнымъ препятствіямъ окажется невозможнымъ, то отъ дачъ названныхъ крестьянъ и смежныхъ съ ними земель, назначенныхъ для греческихъ поселенцевъ, отдѣлить во владѣніе Азовскаго войска продолговатую полосу достаточной ширины, которая соединяла бы съ Бердянскою пустошью участокъ Петровскаго посада, причемъ новоспасовскимъ крестьянамъ за отходящую отъ нихъ землю сдѣлать соразмѣрное вознагражденіе. По поводу мнѣнія Комитета Министровъ предложено было снова высказаться всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ. Графъ Канкринъ отвѣтилъ, что для одного уничтоженія чрезполосности между землями казачьяго войска и казенныхъ крестьянъ с. Новоспасовскаго неудобно присоединять послѣднихъ къ войску, и потому склонялся ко второму предположенію Комитета, предлагая выдѣлить войску прилегающій къ морю участокъ земли новоспасовскихъ крестьянъ въ 858 десятинъ, а для соединенія съ этимъ участкомъ остальныхъ владѣній казаковъ вырѣзать изъ земель, назначенныхъ для греческихъ поселенцевъ, полосу въ 200 саж. ширины и 4.600 саж. длины, вознаградивъ за это крестьянъ соотвѣтствующимъ количествомъ земли изъ участка казачьяго войска.

Графъ Паленъ соглашался съ мнѣніемъ министра финансовъ; согласны были также съ нимъ Екатеринославскій губернаторъ и казенная палата. Послѣдняя подтверждала свое мнѣніе разными соображеніями,—напримѣръ, тѣмъ, что новоспасовскіе крестьяне привыкли издавна къ земледѣлію, всегда исправно уплачиваютъ казенныя подати и другія повинности; между тѣмъ, если они перейдутъ въ казаки, то казна лишится исправныхъ плательщиковъ, а сами крестьяне, измѣнивъ образъ жизни, разстроятъ все свое хозяйство.

Спрошено было также мнѣніе и Наказнаго атамана Гладкаго. Послѣдній, какъ и слѣдовало ожидать, высказался за первое пред-

положеніе Комитета Министровъ о присоединеніи села Новоспасовскаго къ казачьему войску: присоединеніе новоспасовскихъ крестьянъ увеличивало, прежде всего, численность войска на 844 души м. п., а это могло дать болѣе самостоятельности атаману; могла быть учреждена, на примѣръ, особая войсковая канцелярія, противъ которой раньше высказался Комитетъ Министровъ. Кромѣ того, съ присоединеніемъ крестьянъ уничтожались всякіе поводы къ пограничнымъ спорамъ и жалобамъ со стороны мѣщанъ, а казакамъ не было бы нужно тогда обѣзжать земли новоспасовскихъ крестьянъ черезъ крутыя балки, которыя по плану министра финансовъ какъ разъ приходились на проектированной для казаковъ дорогѣ. Что касается самихъ новоспасовскихъ крестьянъ, то они, вопреки мнѣнію казенной палаты, охотно согласились на переходъ въ казаки и подали объ этомъ просьбу Гладкому съ поименною подписью всѣхъ членовъ общества. Для нихъ переходъ въ казаки сопровождался немалыми выгодами: увеличеніемъ надѣла земли (они имѣли до перехода по 9 дес. на душу (всего 7881 д.), а казакамъ въ Бердянской пустоши приходилось по 36 дес. на душу); 10-лѣтней льготой отъ повинностей, предоставленной казачьему войску, а затѣмъ и всѣми другими привилегіями, ему дарованными. Наказной атаманъ и новоспасовскіе крестьяне нашли себѣ поддержку въ Высочайшей волѣ Государя, находившаго болѣе удобнымъ уничтожить чрезполосность присоединеніемъ къ Азовскому казачьему войску крестьянъ села Новоспасовскаго, дачи котораго раздѣлялись казачьими землями. Военному министру графу Чернышеву Высочайше повелѣно было спросить мнѣніе Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора графа Воронцова, которому сообщено также было и Высочайшее мнѣніе. Графъ Воронцовъ отвѣтилъ, что къ перечисленію новоспасовскихъ крестьянъ въ казачье войско никакихъ особыхъ препятствій онъ не находитъ. 15 ноября 1832 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о присоединеніи крестьянъ къ войску, а съ начала 1833 года новоспасовскіе крестьяне уже числились въ составѣ Азовскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ Азовское войско увеличилось еще на 844 души м. п. и къ началу 1833-го года численность его превышала 4800 душъ обоего пола. Если мы

обратимъ вниманіе на составъ населенія вновь присоединеннаго казеннаго селенія Новоспасовскаго, то увидимъ, что присоединеніе этихъ крестьянъ не нарушало гармоніи въ войскѣ, такъ какъ по свѣдѣніямъ казенной палаты оказывалось, что въ селѣ Новоспасовскомъ въ числѣ 844 душъ числилось собственно казенныхъ крестьянъ 17 душъ, поселянъ 103 души, однодворцевъ 2 д., отставныхъ солдатъ безъ оклада 2, а остальное большинство, именно 720 душъ, были казаки, и притомъ малороссійскіе. Такимъ образомъ, бывшіе соотечественники на Украинѣ, послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ скитаній, сошлись снова вмѣстѣ и по счастливой случайности составили одно общество.

Черезъ четыре года, именно въ 1837 году, къ бывшимъ запорожцамъ прибавилось еще нѣсколько сотъ земляковъ — малороссійскихъ казаковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Азовскомъ войскѣ еще разъ произошло измѣненіе въ составѣ какъ населенія, такъ и земельныхъ владѣній.

Поводомъ къ этому послѣднему измѣненію въ составѣ населенія войска послужило перенесеніе войсковой канцеляріи изъ Никольской станицы, находившейся довольно далеко отъ берега моря, въ ст. Петровскую, лежавшую у самого берега Азовскаго моря.

Такъ какъ перенесеніе сюда центра войскового управленія естественно должно было вызвать и приливъ населенія къ этому пункту, то Новороссійскій и Бессарабскій генераль-губернаторъ графъ Воронцовъ, вѣроятно, по желанію войскового начальства, ходатайствовалъ о присоединеніи къ войску казеннаго пустопорожняго участка земли, называемаго «Приморскимъ» или «Урзуфскимъ»; участокъ этотъ заключалъ въ себѣ 9981 дес. земли и прилегалъ къ морю, занимая берегъ къ востоку отъ Бердянскаго лимана ¹⁾).

¹⁾ Одновременно съ этимъ, т. е. въ томъ же 1837 году, Наказной атаманъ Гладкій просилъ о пожалованіи ему лично въ вѣчное владѣніе т. н. «Митрополитскаго» участка земли (въ 2264 десятины), состоящаго въ Маріупольскомъ уѣздѣ. Въ просьбѣ Гладкому однако было отказано, въ виду того, что изъ просимаго имъ участка уже предположено надѣлить безземельныхъ малороссійскихъ казаковъ и другихъ крестьянъ, которые туда будутъ переселены (Дѣло б. 1-го Д-та, 1837 года, № 1758).

Ген.-ад. П. Д. Киселевъ, у котораго спрашивалось мнѣніе по поводу просимой войскомъ уступки земли, отвѣтилъ, что земли въ Екатеринославской губерніи, особенно по берегу Азовскаго моря, предназначались V Отдѣленіемъ С. Е. И. В. Канцеляріи для поселенія на нихъ малоземельныхъ крестьянъ ближайшихъ губерній; но если войску необходима земля на берегу моря, то можно удовлетворить обѣ стороны двумя способами: или обмѣномъ земель,—отдѣливши войску Урзуфскій участокъ, а казнѣ—соотвѣтствующее количество земли изъ дачъ Азовскаго войска, или же приселеніемъ къ войску хотя бы 700 душъ безземельныхъ малороссійскихъ казаковъ, причемъ можно было бы увеличить просимый участокъ до 10 тысячъ десятинъ, а переселеніе должно быть сдѣлано на счетъ Азовскаго войска.

Графъ Воронцовъ нашелъ болѣе выгоднымъ для войска второе предложеніе ген.-ад. Киселева, съ тѣмъ однако, чтобы расходы на переселеніе отнесены были на счетъ казны, такъ какъ войско, поселившись на новомъ мѣстѣ всего пять лѣтъ тому назадъ, еще не въ состояніи было дѣлать такихъ большихъ расходовъ. Съ послѣднимъ измѣненіемъ предположеніе ген.-ад. Киселева было Высочайше утверждено (29 ноября 1837 года).

Наказной атаманъ Гладкій предполагалъ начать переселеніе казаковъ въ Азовское войско съ весны слѣдующаго года, а для облегченія казны предлагалъ присоединить къ войску тѣхъ малороссійскихъ казаковъ Черниговской и Полтавской губерній (71 д. муж. п. и 63 д. ж. п.), которые уже нѣсколько лѣтъ жили на земляхъ войска въ качествѣ арендаторовъ и т. п.

На присоединеніе этихъ 133 душъ казаковъ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, наборъ же остальныхъ 629 душъ повелѣно сдѣлать Черниговскому, Полтавскому и Харьковскому генераль-губернатору, по соглашенію съ генераль-губернаторомъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ¹⁾.

Графъ Строгановъ, исправлявшій въ то время должность Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго генераль-губернатора,

¹⁾ Выписка изъ Журнала Комитета Министровъ, 3-го и 31-го мая 1838 года (Дѣл. б. 1-го Д-та, № 1767, л. 46).

поручилъ Главной Хозяйственной Конторѣ собрать свѣдѣнія о безземельныхъ и малоземельныхъ казакахъ; изъ донесеній Конторы обнаружилось, что больше всего безземельныхъ и малоземельныхъ казаковъ, именно до 50 тысячъ душъ муж. п., находилось въ Стародубскомъ попечительствѣ Черниговской губерніи, вслѣдствіе чего оттуда и рѣшено было сдѣлать вызовъ желающихъ переселиться въ Азовское войско.

Для опредѣленія порядка переселенія казаковъ на новое мѣсто и способа распредѣленія между ними назначеннаго отъ казны пособія (50 т. руб.), составлено было, по распоряженію гр. Строганова, особое положеніе.

Переписка по всему этому дѣлу затянулась на довольно долгое время, такъ что переселеніе казаковъ состоялось только въ іюль — августъ 1839 года ¹⁾).

Въ новомъ составѣ войску пришлось прожить съ небольшимъ десятка два лѣтъ. Но и за это короткое время казаки успѣли обстроить свой новый войсковой центръ, помѣщавшійся собственно не въ самой станицѣ Старо-Петровской, а въ 2-хъ или 3-хъ верстахъ отъ нея, у самаго берега моря.

Самое видное мѣсто въ станицѣ занимали: вновь построенная церковь во имя Св. Николая, дворъ Наказного атамана, училище и помѣщенія для войскового управленія и служащихъ въ немъ.

Помѣщеніе для атамана состояло изъ двухъ каменныхъ флигелей; въ одномъ изъ нихъ помѣщался атаманъ съ семьей, въ другомъ была его кухня; первый флигель состоялъ изъ пяти комнатъ; при входѣ въ домъ было деревянное крылечко. Подъ одной крышей съ этимъ флигелемъ былъ каменный амбаръ для хлѣба, а къ задней сторонѣ флигеля пристроены были — баня и ледникъ, каменные, крытые черепицей. Къ правому флигелю, гдѣ была кухня, примыкали кладовыя, каретный сарай и конюшня. Дворъ обнесенъ былъ деревянной оградой.

Кромѣ дома атамана, въ станицѣ было еще больше десятка

¹⁾ Дѣло б. 1-го Д-та, № 1764.

(13) войсковыхъ зданій для помѣщенія войсковой канцеляріи, войскового училища, секретаря канцеляріи, писарей, войскового лѣкаря, войскового садовника, цейхгауза и учетной команды; всѣ эти дома были каменные, разной величины — отъ одной до 8 комнатъ. Кромѣ того, были помѣщенія для острога, кухни, порохового погреба и для продажи питей.

Но лучшимъ украшеніемъ станицы былъ огромный войсковой садъ, занимавшій 16 десятинъ; въ этомъ саду насчитывалось болѣе 9500 деревьевъ и кустовъ, болѣею частью фруктовыхъ ¹⁾

Населеніе Азовскаго войска за 20 лѣтъ спокойной жизни возросло до девяти съ лишнимъ тысячъ душъ обоего пола; оно размѣщалось въ пяти станицахъ: Никольской, Петровской съ Деревецкими хуторами, Новоспасовской, Покровской и Стародубовской и кромѣ того на такъ наз. Спартанскомъ участкѣ или Темрюкѣ. Войско владѣло въ это время значительнымъ количествомъ земли, именно болѣе 74.300 десятинъ, такъ что приходилось на каждую мужскую душу болѣе 15 десятинъ.

Къ числу неблагопріятныхъ событій для войска въ тотъ промежутокъ времени, о которомъ идетъ рѣчь, относится удаленіе изъ войска Наказнаго атамана ген.-маіора О. М. Гладкаго; причина отставки Гладкаго, состоявшейся приблизительно въ 1849 году, точно неизвѣстна; извѣстно только, что съ казаками онъ жилъ хорошо, и они даже послѣ удаленія Гладкаго продолжали считать его настоящимъ своимъ атаманомъ ²⁾.

Впрочемъ, для самолюбія О. М. Гладкаго было выгоднѣе, что онъ ушелъ изъ войска въ такое время, когда оно стояло еще твердо, — такъ какъ черезъ 12 лѣтъ, при жизни еще Гладкаго, началось быстрое паденіе войска.

¹⁾ По описи, составленной во время упраздненія войска въ 1865 году, значилось въ саду: 1600 яблонь, 57 грушъ, 242 сливы, 458 абрикосовыхъ деревьевъ, 158 вишенъ испанскихъ и 340 простыхъ, 29 персиковыхъ деревьевъ, 32 дерева волошкаго орѣха, 77 шелковичныхъ деревьевъ, 900 кустовъ винограда; далѣе слѣдовали сотни кустовъ малины, крыжовника, барбариса и пр., и пр.; аллеи же были обсажены тополями (254), кленомъ (54), ясенемъ (613) и акаціей (до 3000 дер.) (Дѣло б. 2-го Д-та, 1865 года, № 430, часть 1-я, л. 137—142).

²⁾ О. М. Гладкій. Біографическій очеркъ. Русск. Стар. 1881, т. XXX, стр. 381—392.

Выше упоминалось о предположеніи, высказанномъ еще при образованіи Азовскаго войска разными лицами и одобренномъ самимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, что въ Мариупольскомъ уѣздѣ запорожскіе казаки поселены только временно, и что при первой возможности, когда не будетъ со стороны горцевъ опасности для поселенія на Кавказѣ, около гор. Анапы, они должны быть переселены въ окрестности этого города. Въ началѣ 60-хъ годовъ возвратились къ этому предположенію, и въ военномъ министерствѣ рѣшено было для колонизаціи западнаго склона Кавказскаго хребта переселить туда, между прочимъ, Азовское казачье войско въ полномъ его составѣ.

Съ этою цѣлью, начиная съ 1862 по 1864 годъ, войско выселило на Кавказъ 1065 офицерскихъ и казачьихъ семействъ. Но такъ какъ въ 1864 году окончилась Кавказская война, то миновала и необходимость въ усиленномъ заселеніи передовыхъ мѣстностей на Кавказѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ обязательномъ переселеніи туда всего Азовскаго войска. Главнокомандующій Кавказской арміей, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, призналъ возможнымъ на слѣдующій годъ ограничиться вызовомъ изъ этого войска на Кавказъ однихъ только охотниковъ, въ какомъ бы маломъ числѣ они ни явились. Послѣ этихъ выселеній Азовское войско, вслѣдствіе малочисленности оставшихся на своихъ мѣстахъ казаковъ, не могло уже составлять самостоятельной военной общины и потому дальнѣйшее существованіе его было признано бесполезнымъ¹⁾.

Въ виду этого командующій войсками Одесскаго военного округа ген.-ад. Коцебу представилъ въ 1864 году въ военное министерство составленный имъ проектъ объ упраздненіи Азовскаго войска и о передачѣ его въ гражданское вѣдомство.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу военного министра, Высочайше повелѣть соизволилъ: проектъ положенія объ упраздненіи Азовскаго казачьяго войска обсудить въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Кромѣ того, на проектъ

¹⁾ Дѣло б. 2-го Д-та, № 430, ч. 1, л. 1—2.

ген.-ад. Коцебу требовались мнѣнія и отдѣльныхъ правительственныхъ лицъ.

Въ 1865 году проектъ Положенія объ упраздненіи Азовскаго казачьяго войска изъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ и 11-го октября того же года какъ проектъ Положенія, такъ и мнѣніе Государственнаго Совѣта по этому проекту, получили Высочайшее утвержденіе.

Согласно Положенію, все населеніе упраздненнаго Азовскаго войска обращалось въ гражданское вѣдомство на слѣдующихъ главнѣйшихъ основаніяхъ:

1) Генералы, штабъ и оберъ-офицеры причислялись къ личному или потомственному *дворянству* Екатеринославской губерніи, съ увольненіемъ изъ казачьяго званія; 2) урядники же и казаки съ ихъ семействами причислялись къ сословію *крестьянъ-собственниковъ*, со всѣми правами и обязанностями этого сословія, указанными въ общемъ положеніи о крестьянахъ, Высочайше утвержденномъ 19 февраля 1861 года; 3) отставные урядники и казаки, прослужившіе извѣстный срокъ въ войскѣ, или получившіе раны и увѣчья, а также всѣ состоявшіе въ то время на службѣ 15 и болѣе лѣтъ внутри Россіи, или девять лѣтъ на Кавказѣ, пользовались правами *отставныхъ солдатъ*. 4) Всѣ поименованныя категоріи казаковъ получали, кромѣ усадебъ и общественныхъ угодій, земельные надѣлы: лица первой категоріи отъ 50 до 400 десятинъ на душу; второй—по 9 десятинъ на мужскую душу и третьей—также по 9 десятинъ, да кромѣ того еще по 15 дес. на душу въ пожизненное безоброчное пользованіе; 5) войсковыя земли, которыя оставались свободными по надѣленіи всѣхъ чиновъ войска и послѣ продажи нѣкотораго количества земли, бывшей подъ усадьбами и въ надѣлѣ казаковъ, переселившихся на Кавказъ, должны были перейти въ вѣдомство Государственныхъ Имуществъ ¹⁾.

¹⁾ Подробности о правахъ и обязанностяхъ чиновъ Азовскаго войска, по упраздненіи его, а также о поземельномъ устройствѣ ихъ и распредѣленіи войскового имущества изложены въ Высочайше утвержденномъ Положеніи объ упраздненіи Азовскаго

Устройство быта населенія упраздненнаго Азовскаго войска на основаніяхъ, изложенныхъ въ Положеніи, предоставлено было, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, военному министру, по сношенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Военному министру предоставлялось также при упраздненіи войска сдѣлать надлежащія распоряженія: а) о продолженіи производства изъ войсковыхъ суммъ Кубанскаго казачьяго войска, куда переданы были капиталы Азовскаго войска, пожалованной бывшему Наказному атаману ген.-маіору О. М. Гладкому пенсіи въ размѣрѣ 838 руб. 50 коп. въ годъ, а также производства постоянныхъ пособій тѣмъ изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ Азовскаго войска, которые, по увѣчью и другимъ причинамъ, получаютъ такія пособія изъ суммъ Азовскаго войска по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; б) о сдачѣ въ Кубанское войско пожалованныхъ Азовскому войску двухъ знаменъ и Высочайшей грамоты, а также принадлежащихъ войску двухъ баркасовъ для практическаго обученія казаковъ мореплаванію, 520 нарізныхъ ружей и прочаго оружія холоднаго и огнестрѣльнаго, и в) объ упраздненіи, одновременно съ войсковою канцеляріей, войсковою аптеки и объ отчисленіи войскового лѣкаря и учителя Петровскаго войскового училища.

Число оставшихся въ Азовскомъ войскѣ казаковъ, послѣ переселеній на Кавказъ съ 1862 по 1866-й годъ, составляло не болѣе половины всѣхъ казаковъ, бывшихъ въ войскѣ до 1862 г.¹⁾ Какіе именно элементы изъ казаковъ переселились на Кавказъ, — бывшіе ли запорожцы или малороссійскіе казаки и бывшіе мѣщане, — къ сожалѣнію неизвѣстно; можно догадываться, что скорѣе всего переселились первые, такъ какъ имъ труднѣе

войска, помѣщенномъ въ изданномъ въ 1870 г. бывшимъ Главнымъ Управленіемъ Иррегулярныхъ войскъ «Сборникъ правительственныхъ распоряженій по казачьимъ войскамъ», томъ I, лл. 194—204; а также Дѣло Архива М. Г. И. № 430, ч. 1, л. 22—30.

¹⁾ Въ этомъ году переселились на Кавказъ всего только 24 семейства. Въ 1864 году въ войскѣ было еще 3136 д. муж. п. и 2929 д. жен. пола, а послѣ переселеній 1865 и 1866 гг. численность войска еще болѣе уменьшилась.

было свыкнуться съ жизнью мирныхъ крестьянъ-собственниковъ, между тѣмъ какъ вторые, пользовавшіеся правами казаковъ всего 20 или 30 лѣтъ, легче могли разстаться съ своими казачьими правами и устройствомъ; къ тому же, бывшіе Новоспасовскіе крестьяне и Петровскіе мѣщане имѣли давнюю осѣдлость на своихъ мѣстахъ и едва ли переселились бы по собственному вызову, а переселенные изъ Черниговской губерніи безземельные казаки нашли на новомъ мѣстѣ, въ Азовскомъ войскѣ, и безъ того хорошія условія, сравнительно съ прежней своей родиной; наконецъ, и по существовавшему раньше (въ 1831-мъ году) предположенію, слѣдовало переселить на Кавказъ только бывшихъ запорожскихъ казаковъ.

Оставшіеся въ Азовскомъ войскѣ казаки, повидимому, спокойно отнеслись къ перечисленію ихъ изъ казаковъ въ крестьянъ-собственниковъ; но уменьшеніе земельного надѣла до 9 десятинъ вызвало въ нѣкоторыхъ станицахъ неудовольствіе еще до обнародованія Положенія о новомъ устройствѣ. Неудовольствіе выразилось тѣмъ, что въ концѣ 1864 и въ началѣ 1865 года казаки станицъ Новаспасовской и Петровской, по составленнымъ на сходахъ общественнымъ приговорамъ, требовали какъ отъ мѣстнаго начальства, такъ и отъ самого ген.-ад. Коцебу объясненія, почему они не пользуются не только опредѣленнымъ для донскихъ казаковъ полнымъ 30-десятиннымъ надѣломъ земли, но даже положенными по закону для Азовцевъ 15-ю десятинами на каждого, а только 12-ю десятинами, тогда какъ офицерамъ отведено, какъ и въ войскѣ Донскомъ, по 200 десятинъ каждому; а также—въ чьемъ владѣніи находится земля, недостающая до узаконенной для нихъ пропорціи; при этомъ они домогались также выдачи имъ всей суммы, которая была выручена съ 1835 года за отданныя въ оброчное содержаніе свободныя войсковыя земли и за прилежающія къ Петровской станицѣ по берегу моря рыбныя ловли. По произведенному по этому дѣлу слѣдствію, главными виновниками безпорядковъ признаны были три казака Новаспасовской станицы: Иванъ Швачко, Артемій Прохида и Иванъ Ефименко и одинъ казакъ Петровской станицы Петръ Кушъ.

По особому Высочайшему повелѣнію въ 1865 году эти казаки высланы были въ Вологодскую губернію, но въ слѣдующемъ году, по просьбѣ ихъ семействъ, снова были возвращены на прежнее жительство. ¹⁾

Бывшая во владѣніи Азовскаго войска земля, 74.308 десятинъ, распредѣлилась по новому положенію такъ, что одна половина ея пошла въ надѣлъ войсковымъ чинамъ, а другая должна была отойти въ казну; ²⁾ но какъ изъ первой, такъ и изъ второй половины часть отошла посредствомъ продажи въ руки разныхъ пришельцевъ въ войско: крестьянъ, мѣщанъ и даже нѣмцевъ-колонистовъ; это были преимущественно земли, принадлежавшія въ видѣ надѣловъ или усадебъ казакамъ, переселившимся на Кавказъ. . .

Изъ земель, отходившихъ въ казну, по ходатайству командующаго войсками Одесскаго военного округа Всемиловѣйше пожаловано было двумъ лицамъ, служившимъ въ Азовскомъ войскѣ и своими трудами способствовавшимъ его устройству и успѣшному переселенію азовскихъ казаковъ на Кавказъ, именно — послѣднему Наказному Атаману генераль-маіору Рѣшетилову — 1600 дес. и непремѣнному члену войсковой канцеляріи подполковнику Гонтину 18 десятинъ подъ войсковымъ садомъ. ³⁾

Такъ окончилось кратковременное самостоятельное существованіе бывшихъ Задунайскихъ сѣчевиковъ: большая часть ихъ и ихъ дѣтей и внуковъ переселилась на Кавказъ, гдѣ слилась съ родственнымъ имъ Кубанскимъ войскомъ (составленнымъ также изъ бывшихъ днѣпровскихъ и запорожскихъ казаковъ), часть, можетъ быть, осталась на мѣстѣ — въ Азовскомъ войскѣ, и обратилась въ мирныхъ крестьянъ-собственниковъ, а часть запорожцевъ даже ушла обратно за Дунай, и тамъ, подобно запорожцамъ, оставшимся за Дунаемъ еще послѣ ухода Гладкаго

¹⁾ Дѣло № арх. 430, ч. 2, лл. 155—157 и 265.

²⁾ Въ казну въ то время поступило собственно 28 т. десятинъ, да около 7600 дес. должно было поступить по смерти временныхъ и пожизненныхъ владѣльцевъ; кромѣ того 1520 дес. было продано въ частныя руки. Дѣло № 430, ч. 1, л. 37—40.

³⁾ Дѣло № 430, ч. 1, л. 37—40.

и разоренья сѣчи, они доживали свои дни въ одиночку, разбросанные по всей Дунайской дельтѣ, въ качествѣ мельниковъ, рыбалокъ и т. п.; объ нихъ то въ послѣдствіи съ горечью говорилъ старый запорожець Данчукъ: «Яки теперь запорожци, теперь уже таки запорожци, що якъ не пустать у хату, то и за порогомъ постоймо». ¹⁾

¹⁾ Кондратовичъ, «Задунайская Сѣчь». Кіевская Старина 1883 г. № 4.

